

Научное издание

ВЕСТНИК

Луганского государственного
педагогического университета

Серия «Филологические науки»

№3(135)
2026

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

Луганского
государственного
педагогического университета

Серия «Филологические науки»

№ 3(135) • 2026

Сборник научных трудов

Луганск
Издательство ЛГПУ
2026

УДК 08:378.4(477.61)ЛГПУ:[80+070(062.552)]
ББК 95.4я43+80я5+76я5
В38

(12+)

Учредитель
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»

Основан в 2015 г.
Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Дата регистрации: 18.11.2024. Серия ПИ № ФС77-88705

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

Синельникова Л. Н. – доктор филологических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Соболева И. А. – кандидат филологических наук, доцент

Выпускающий редактор

Калинина Г. Г. – директор Издательства ЛГПУ

Редактор серии

Новикова А. А. – кандидат филологических наук, доцент

Состав редакционной коллегии серии:

Водяницкая А. А.	– доктор филологических наук, доцент
Дубровская Т. В.	– доктор филологических наук, профессор
Иванова Н. П.	– доктор филологических наук, профессор
Кораблев А. А.	– доктор филологических наук, профессор
Кочетова С. А.	– доктор филологических наук, профессор
Кузина М. А.	– доктор филологических наук, доцент
Марфина Ж. В.	– доктор филологических наук, доцент
Меркулова М. Г.	– доктор филологических наук, доцент
Озерова Е. Г.	– доктор филологических наук, доцент
Петрова И. М.	– доктор филологических наук, доцент
Попова Л. Г.	– доктор филологических наук, профессор
Просяникова О. И.	– доктор филологических наук, доцент
Скляр Н. В.	– кандидат филологических наук, доцент
Шулежкова С. Г.	– доктор филологических наук, профессор

Вестник Луганского государственного педагогического университета : сб. науч.
В38 тр. Серия «Филологические науки». № 3(135) / гл. ред. Л. Н. Синельникова ; вып.
ред. Г. Г. Калинина ; ред. сер. А. А. Новикова ; ФГБОУ ВО «ЛГПУ». – Луганск :
Издательство ЛГПУ, 2026. – 164 с.

Настоящий сборник содержит оригинальные материалы ученых различных отраслей наук и групп специальностей, а также результаты исследований научных учреждений и учебных заведений, обладающие научной новизной, представляющие собой результаты проводимых или завершенных изучений теоретического или научно-практического характера.

Адресуется ученым-исследователям, докторантам, аспирантам, соискателям, педагогическим работникам, студентам и всем, интересующимся проблемами филологических наук и медиакоммуникаций.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук от 01 октября 2024 г.

Издание включено в Единый государственный перечень научных изданий «Белый список»

Индексируется библиографической базой данных научного цитирования РИНЦ

Печатается по решению Ученого совета Луганского государственного педагогического университета (протокол № 15 от 19 июня 2026 г.)

УДК 08:378.4(477.61)ЛГПУ:[80+070(062.552)]
ББК 95.4я43+80я5+76я5

© Коллектив авторов, 2026
© ФГБОУ ВО «ЛГПУ», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ТОЧКА ОБЗОРА: СТРАНИЦА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Синельникова Л. Н. Реперные точки взаимодействия текста, стиля, дискурса, жанра и искусственного интеллекта.....	4
--	---

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Кудинова Т. А., Шолудченко И. Е. Речевая грамотность врача как ступень доверия пациентов.....	10
Давидкова Е. П. Аксиология семейных ценностей в социальной региональной рекламе.....	25
Пономарева Т. А. Стилиевые доминанты и лингвистические вызовы цифровой эпохи.....	36
Селезнева К. О. Жаргонная лексика и фразеология сферы образования, воспитания и обучения XIX века.....	44
Скляр Н. В., Солодун И. А. Лингвокультурный концепт как форма трансляции образного мышления в художественном дискурсе.....	53

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Волков В. В., Волкова Н. В. Русский воин как носитель соборного «мы» в древнерусской и советской литературе о войне.....	63
Токарев Г. В. Коллективное портретирование как проявление креативности текста.....	76
Болотская М. П., Рябова М. В. Символика лексики с семантическим компонентом «свет» в романе «Бедные люди» Ф. М. Достоевского.....	84
Веремеенко М. Р. Феномен реальности парадоксов в романах А. Б. Сальникова.....	93
Дворцова А. Н., Елисеев С. Л. Женский мир в романе Лизы Си «Ближний круг госпожи Тань».....	103

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Белютин Р. В. Политический ономастикон в немецком спортивном дискурсе (на примере текстовых онлайн-трансляций футбольного издания « <i>11 Freunde</i> »).....	113
Бухонкина А. С. Функционирование англицизмов во французском масс-медийном пространстве: социокультурный и лингвистический аспекты.....	121
Жулева М. И. Лексико-семантические особенности наименований изданий для изучения иностранного языка.....	129
Кузнецова Ю. Г. Лексические особенности глаголов в английском языке.....	138
Налобина А. П. Образный компонент концепта <i>sustainable fashion</i> в англоязычном медиадискурсе.....	148
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	156
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	158

ТОЧКА ОБЗОРА: СТРАНИЦА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Синельникова Лара Николаевна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»

Реперные точки взаимодействия текста, стиля, дискурса, жанра и искусственного интеллекта¹

*Проблемное поле в научном контексте —
это совокупность нерешённых вопросов,
противоречий и задач, которые возникают
в рамках определённой научной дисциплины
или на стыке нескольких областей знания.*

*Оно очерчивает зону поиска,
задаёт направление исследовательской деятельности
и отражает текущее состояние знаний —
в том числе пробелы и противоречия.*

(URL: <https://alice.yandex.ru/chat>, дата обращения: 19.06.2026)

Уже по длине «цепочки», в которую включены феномены сложной природы, можно судить о широте проблемного поля, в котором текст, стиль, дискурс, жанр и «примкнувший к ним» ИИ пребывают в состоянии некой взаимозависимости по причине объединяющего фактора — гуманитарной целостности, реализуемой в речевых действиях и произведениях. В то же время каждый из названных феноменов имеет свою методологическую традицию, закреплённую в методах рассмотрения материала, в степени реализации междисциплинарных отношений, в определении перспектив развития научного знания в новых условиях.

Для рассмотрения динамичного междисциплинарного проблемного поля не существует «ходового», утверждённого практикой употребления, термина, и на помощь приходит научная метафора. Выбор пал на понятие «реперная точка» (от фр. *repère* — *ориентир, отметка*), которое не имеет строго

1. Редакторская статья основывается на докладе, прочитанном автором на пленарной сессии XXII Международной междисциплинарной научно-практической конференции «Человек в информационном пространстве» (г. Ярославль, 14–16 мая 2026 года). Благодарю инициативную группу коллег: Л. В. Ухову, Н. В. Аниськину (Ярославль), Н. И. Клушину (Москва), Т. В. Ицкович (Екатеринбург), которые сочли возможным посвятить конференцию моему юбилею (file:///C:/Users/gasik/Desktop/Ярославль%202026.%20Сбор/Информ.%20письмо.pdf). Презентация к докладу размещена на персональном сайте автора: <http://sin.lgpu.org>.

формального определения, но обладает набором признаков, важных для описания проблемного поля. Будучи привязанной к начальному состоянию явления или процесса, реперная точка берет на себя роль ключевого ориентира, помогающего структурировать и интерпретировать движение научного знания; выделяет событие (концепцию, личность, прецедентную цитату), которое в определенное время оказалось значимым для последующих научных действий. Реперные точки рассматриваются как проблемные зоны, в которых сталкиваются разные подходы, методологии и парадигмы. Фиксируемые реперной точкой *зоны изменений* коррелируют с *зонами роста* знания. Ценность применения понятия «реперная точка» определяется не столько точностью измерения каких-то показателей, сколько способностью прояснять связи между явлениями, служить опорой для интерпретации научно значимых фактов сквозь призму сопряженной динамики изменений.

В междисциплинарном проблемном поле *текст, стиль, дискурс, жанр, искусственный интеллект* проявляют себя как аттрактирующие составляющие (аттракция от лат. *attractio* – *притягивание, привлечение*), то есть такие, между которыми есть связи в виде взаимного притяжения и (или) расхождения. Аттрактивные связи динамичны и изменчивы, они уточняются и усложняются в процессе накопления знаний о тексте, стиле, дискурсе в разных научных парадигмах и в настоящее время в немалой степени зависят от новой антиномии: «аналоговое / цифровое». Особую значимость приобретает закономерность: добавление в проблемное поле новых аттрактирующих единиц влияет на характеристики всех его составляющих. Так, включение в проблемное поле дискурса спровоцировало конкурентную борьбу с текстом и стилем (чего стоят кликбейтные заголовки множества статей начального этапа внедрения дискурса в отечественную науку: «Дискурс: идеологема или термин?», «Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно?», «В поисках новой дискурсивной стилистики (о слабостях функционально-стилистического подхода и перспективности риторических теорий)», «В рамках парадигмы „язык – речь – текст” стало тесно»). После каждого «приращения» появляются возможности для более эффективного рассмотрения содержания проблемного поля в условиях итерационного процесса – последовательного уточнения дефиниций на основе системного описания конкретного феномена в общем контексте изменений.

Текст. Текст – концентрат всех динамических процессов, характерных для определенного времени. Анализ содержательных характеристик текста связан с парадигмально обусловленной позицией интерпретатора. Ю. А. Сорокин еще в начале 90-х годов насчитал 250 определений текста. В настоящее время подсчетом как будто никто не занимается, но сказать, больше или меньше стало определений, крайне затруднительно. Не исключено, что базовые дефиниции текста, отсылающие к высокоцитируемым работам Ю. А. Сорокина, Ю. М. Лотмана, Т. М. Николаевой, И. Р. Гальперина, Т. М. Дридзе, Е. С. Кубряковой, усвоены, переведены в долгосрочную научную память и стали основой для дальнейших исследований.

В последующих исследованиях преодолен ряд дискуссионных реперных точек: отнесенность текста к языку и (или) к речи; обоснованность устных высказываний как правомерных текстов; наличие в письменной культуре текстов, состоящих из одного предложения; типологически

значимый факт отсутствия заголовка; существование незавершенных текстов, реализующих осознанный авторский прием. Исследователи анализируют, как трансформируются свойства текста, его границы, способы взаимодействия с читателем в современных условиях. Текст и его научное описание находятся в условиях постоянной изменчивости как минимум по трем причинам: возрастающей активности междисциплинарных подходов, которые иницируют новые аспекты изучения; изменения условий текстопорождения, в том числе через реализацию креативного потенциала в выборе и организации материала; роста технологических возможностей в организации архитектуры текста.

Качественный скачок в теории текста был связан с внедрением в исследовательскую программу признаков текстуальности, отличающих текст от «не текста»: когезия, когерентность, интенциональность, адресованность, информативность, ситуативность, интертекстуальность (концепция Р.-А. де Богранда и В. Дресслера, 1981 год). Последующее развитие теории текста (и, соответственно, практики его анализа) шло в направлении добавления новых измерений и новых толкований каждого признака на пути к концепции «новой текстуальности», закрепившей переход от книжно-печатных текстов к цифровым. Взаимодействие семиотических знаков, нелинейность, гипертекстуальность, интерактивность, мультимодальность, фрагментация, визуализация, сетевая распределенность, коллективное авторство – таков набор признаков текстуальности текстов «новой природы». Названные признаки можно считать реперными точками, определяющими векторы анализа текстов. Когнитивный подход к текстам новой природы предполагает описание ментальных процессов, сопровождающих создание и восприятие цифровых текстов; прагматический подход ориентирует на выявление новых видов коммуникации с учетом особых средств выражения эмоций и возможностей обратной связи; дискурсивный подход требует внимания к динамичным дискурсивным практикам, возникающим по ризоматическому принципу в нелинейных текстовых образованиях. В условиях постоянного обновления данных, извлекаемых из цифровой среды, количество реперных точек имеет тенденцию к увеличению.

Текст и стиль. Для характеристики тесной связи текста и стиля традиционно используется аргумент: стиль не существует вне текста. Более значимые показатели аттрактивности текста и стиля ориентируют на стилистическую организацию текста – интерпретацию всех его уровней для подтверждения того, что «текстообразующие средства и принципы также являются стилерелевантными» и что «стиль придает деятельности определенное стилевое значение, а тексту – целостность» (Гайда Станислав. Что такое стиль? // Медиалингвистика. 2013. № 1. С. 33–45).

Текст, стиль и дискурс. В. А. Звегинцев в период начального этапа оформления теории текста писал: «Ученые, приступающие к изучению текста, видимо, и не подозревают, что им придется иметь дело с объектом, по своей грандиозности не уступающим вселенной, – в сущности, с лингвистической вселенной» (О цельнооформленности единиц текста // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1980. Т. 39. № 1. 14 с.). Вселенная дискурса еще больше, и количество дефиниций дискурса неисчислимо. Проверку на понимание обучающимися прошло определение дискурса, составленное автором настоящей статьи

на основе интеграции общепринятых показателей: «Дискурс – это коммуникативное событие, проявляющее природу интерактивности через совокупность языковых составляющих, тем или иным образом соотносимых с когнитивными процессами в сознании коммуникантов, на которые оказывает влияние внеязыковая информация – знания о мире». Какое место в этом определении занимает текст? Текст внедрен в дискурс, и коммуникативное событие объединяет текст и контекст; в таком объединении проявляется интерактивность – речевые действия участников с их целями и ролями; в тексте эксплицитно и (или) имплицитно передаются особенности мышления адресанта и адресата, основывающиеся на собственных концептуально-языковых картинах мира. Текст так или иначе отражает нормы того дискурса, к которому исходно принадлежит. Текст – это форма, в которой дискурс материализуется; дискурс – это контекст, который задаёт текст смысл, функции и правила использования.

Стиль остается значимым свойством как текста, так и дискурса. В современных научных исследованиях полномочия того или иного функционального стиля передаются институциональному дискурсу: функциональный стиль задает «набор» стилистически маркированных языковых средств, а дискурс адаптирует их к социальному контексту, к целям, ролям и нормам соответствующих институтов. Актуальная реперная точка – интердискурсивность, переплетение дискурсов, а следовательно, и стилей в одном тексте.

«Дискурсивный разворот» стилистики подтверждается фактом появления новых видов: *коммуникативная стилистика* (установка на совмещенность контекстологического и семантико-стилистического анализа для описания динамичного процесса отношений между автором и читателем в тексте); *когнитивная стилистика* (понимание стиля как отражения когнитивных структур говорящего); *креативная стилистика* (проявление креативности в разных стилях речи, смешение стилей); *репутационная стилистика* (анализ роли стилистических и риторических средств в формировании репутации личности, бренда, продукта, организации); *дискурсивная стилистика* (объединение подходов функциональной стилистики и теории дискурса).

Взаимообусловленность стилистических и дискурсивных характеристик текста связана с особенностями цифровой среды, с динамикой происходящих в ней процессов. Дискурсивный подход остается методологической базой для решения большинства проблем в современной лингвистике.

Жанр упорядочивает текст и дискурс; помогает типологизировать находящуюся в процессе изменений систему стилей и нарождающихся дискурсивных практик. Жанры естественной и цифровой коммуникации находятся в антиномичных отношениях. Основная реперная точка – потеря взаимообусловленности жанра и стиля в текстах мультимодальной природы, к которым относятся блоги, подкасты, комментарии, чат-боты, виртуальные ассистенты, новостные дайджесты, лонгриды, вебинары и др. Понятие «дискурсивный жанр» основывается на описании дискурсивной деятельности как социального взаимодействия в типичных условиях общения. Изменения условий общения влияют на дискурсивные практики и способствуют переходу от типичного к нетипичному – нехарактерному и нестандартному.

Искусственный интеллект существенно расширил проблемное поле, добавил реперные точки «новой актуальности» в организацию текстов разной стилистической ориентации. Активно изучаются генеративные тексты – тексты, созданные с помощью алгоритмов ИИ. Сгенерированный текст зависит от дискурса промптов – коммуникации между человеком и нейросетью (выбор стиля и тона формулировки запроса, определение контекста проблемы, итеративность в виде диалога-уточнения). Генеративные тексты демонстрируют системные отклонения от норм естественного дискурса и традиционной стилистической организации.

Нейросети успешны на уровне когезии (алгоритмизация поверхностных свойств текста, фиксируемых языковыми средствами), но допускают существенные просчеты на уровне когерентности (учета глубинных смысловых связей, которые трудно формализуются). ИИ хорошо работает с алгоритмами нормативной стилистики, но имеет крайне ограниченные возможности для распознавания примеров полистилистики, не понимает причин смешивания стилей, не способен включаться в стилистические «игры». Алгоритмы обновляются, и на вопрос: «Есть ли чувство стиля у ИИ?» с течением времени могут появиться новые ответы.

В завершение обозначим проблемное поле ближайшего будущего, которое, по сути, уже наступило.

Текстология завтрашнего дня. Проблемы текстуальности (а вместе с этим интертекстуальности и интердискурсивности) текстов – как аналоговых, так и цифровых; накопление системно организованных знаний о тексте в условиях меж- и трансдисциплинарных связей; установление типологии текстов с ориентацией на типологию дискурсов; описание практик, стратегий и тактик текстопорождения в цифровой (виртуальной) среде.

Стилистика завтрашнего дня. Расширение наблюдений над текущей речевой деятельностью, реальным положением вещей, прежде всего в области традиционных функциональных стилей, модифицирующихся под влиянием изменяющегося контекста и внедрения цифровых технологий.

Дискурсология завтрашнего дня. Систематизация фактов «размывания» институциональности («перезагрузка» институциональности); рассмотрение результатов вхождения ИИ в институциональные дискурсы; внимание к дискурсу повседневности; описание новых дискурсивных практик и эмерджентных эффектов в разных дискурсах (политическом, маркетинговом, дипломатическом, религиозном); роль датацентризма (работы с большими данными) в описании дискурсов.

Жанрология завтрашнего дня. Изучение жанровой гибридности, интержанровых образований, новых (условно самостоятельных) речевых жанров в цифровой среде (например, жанра сетевой дискуссии, поликодового текста и т. д.).

ИИ завтрашнего дня. Генеративные тексты в аспекте проблем стилистики и дискурсологии; категория субъектности (авторство и адресация); языковая личность в нейросетевом исполнении; ИИ – естественный интеллект – эмоциональный интеллект; галлюцинации ИИ (распознавание, причины, редактирование); перспектива отношений ИИ и человека.

Перечень во всех группах есть смысл завершить латинской аббревиатурой *etc.* (сокращение от латинского выражения *et cetera*: *и другие*,

и так далее, и прочее), означающей не только, что список может быть продолжен, но и что на фоне отсутствия готовых решений продолжится рефлексивная научная деятельность. Реперные точки повышают градус рефлексивности, тем более что в представленном для описания проблемном поле фиксируется ряд индефинитных (от лат. *indefinibilis* – *не поддающийся определению*) понятий. Причина – многоуровневость и многоаспектность рассматриваемых феноменов, которые в условиях нелинейности цифровой среды меняют характер адресантно-адресатных отношений, речевые нормы и многие этико-аксиологические установки.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'271+378.147.227 5.8.2.

Кудинова Таисия Анатольевна,
д-р филол. наук, доцент,
профессор кафедры педагогики с курсом
духовных основ медицинской деятельности
ФГБОУ ВО «РостГМУ Минздрава России»
ktaisija@yandex.ru

Шолудченко Инесса Евгеньевна,
канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры педагогики с курсом
духовных основ медицинской деятельности
ФГБОУ ВО «РостГМУ Минздрава России»
inessluck@yandex.ru

Речевая грамотность врача как ступень доверия пациентов

В статье анализируется речевое поведение врача как способ эффективного взаимодействия в деловом общении. Описаны особенности языковых средств в формировании речевой личности врача, к которым относятся чёткость в изложении мыслей, адаптация необходимых лексических единиц медицинского языка к уровню понимания пациента, коммуникативная компетентность и речевой этикет. Каждый из аспектов представляет собой набор языковых понятий, которым дано толкование и указана их значимость. Показано, что грамотная речь врача формирует расположение к нему и тем самым обеспечивает правильное понимание информации, которая не только поддерживает дух пациента, но и способствует правильному регламенту качественной медицинской помощи. Кроме того, приведены неудачные высказывания врачей, которые не способствуют повышению его авторитета и возникновению доверия со стороны пациента.

Ключевые слова: языковая грамотность, языковой типаж врача, эталон речевого поведения, навыки адаптации медицинского языка, активное слушание

Введение. В современном динамично развивающемся мире, характеризующемся стремительными переменами, коммуникация приобретает первостепенное значение. Следовательно, профессионалам, чья деятельность предполагает взаимодействие в рамках делового общения, как стандартного, так и нестандартного, необходимо освоить определённые виды речевой деятельности, языковые и этические нормы, а также постичь законы речевого взаимодействия для эффективного общения.

В сфере здравоохранения медицинские работники сталкиваются с особой категорией лиц – пациентами, для которых эффективное коммуникативное взаимодействие имеет критическую важность. Не случайно античные целители подчеркивали: врачевание начинается со слова, за которым следуют растительные средства и, при необходимости, хирургическое вмешательство. Умение владеть словом является навыком, который будущий врач может и должен развивать еще до начала своей практической деятельности. Именно период обучения в высшем учебном заведении представляет собой не только процесс приобретения профессиональных компетенций, но и этап всестороннего личностного развития, включающего гармоничное формирование коммуникативных способностей [1; 7; 8; 9; 14; 17].

Сегодня система здравоохранения ориентирована не только на технологическое обеспечение медицинской помощи, но и на повышение качества взаимодействия между врачом и пациентом. В условиях роста требований к медицинским услугам и усиления роли пациент-ориентированного подхода особую значимость приобретает речевая грамотность врача как важнейший компонент профессиональной компетентности.

Актуальность проблемы языковой грамотности врача обусловлена несколькими факторами. Во-первых, уровень понимания медицинской информации напрямую влияет на качество предоставляемой медицинской помощи. Пациенты, которые не понимают рекомендаций врача, могут неправильно интерпретировать информацию, в результате чего происходят ошибки в лечении и ухудшение здоровья. Современные исследования показывают, что ясность и грамотность речи врача напрямую связаны с формированием доверия, снижением тревожности пациента и повышением приверженности лечению. В этой связи речевая грамотность врача выступает не только как элемент профессиональной культуры, но и как инструмент обеспечения качества медицинской помощи. Во-вторых, в контексте социокультурной гетерогенности, характеризующейся наличием множества этносов и языков, медицинские работники зачастую оказываются в ситуации, требующей взаимодействия с пациентами, чей уровень владения русским языком является недостаточным. Неспособность пациента к адекватному восприятию или сознательное игнорирование передаваемой ему информации приводит к существенному снижению уровня доверия к квалификации врача и его намерениям.

Как видим, разрешение проблемы эффективного речевого поведения врача заключается в необходимости сочетания профессиональной точности медицинской информации с её доступностью для пациента. Нередко врач использует узкоспециализированную терминологию, не адаптированную к уровню восприятия пациента, что приводит к недопониманию, снижению доверия и нарушению комплаентности. Кроме того, недостаточное владение нормами речевого этикета и коммуникативными стратегиями может негативно сказаться на авторитете врача и качестве медицинской помощи.

Проблема коммуникации в медицинской практике активно разрабатывается в отечественной и зарубежной науке. В исследованиях последних лет рассматриваются вопросы пациент-ориентированного общения, коммуникативной компетентности врача, эмпатии и доверия в

медицинском взаимодействии. Вместе с тем, несмотря на значительное количество работ, аспект речевой грамотности врача как совокупности языковых и коммуникативных навыков остаётся недостаточно систематизированным, особенно в контексте формирования речевой личности врача и практических моделей речевого поведения.

В условиях повсеместного распространения интернет-информации, характеризующейся высоким уровнем доступности медицинских данных, наблюдается феномен, при котором индивидиум, ознакомившись с описаниями симптоматики различных патологий, начинает идентифицировать у себя множественные признаки заболеваний. Впоследствии он предпринимает попытки убедить медицинского специалиста в объективности своего состояния здоровья и наличии симптомов предполагаемого им заболевания. Подобные клинические сценарии не являются исключительными. Для разубеждения пациента врачу в данном случае требуется активировать комплекс коммуникативных стратегий, основанных на принципах языковой культуры общения, при этом первоочередной задачей на начальном этапе взаимодействия является формирование доверительных отношений [1; 2; 3; 5; 8; 10; 11].

Целью работы является обозначение основных языковых аспектов, способствующих формированию языковой грамотности врача как фактора, обуславливающего возникновение доверия со стороны пациента, обеспечивающей эффективное профессиональное взаимодействие в медицинском дискурсе.

Научная новизна исследования заключается в том, что речевая грамотность врача рассматривается не как частный элемент общей коммуникативной компетентности, а как самостоятельный аспект формирования доверия пациента. В отличие от современных работ, в которых преимущественно анализируются этические, деонтологические, психологические или образовательные аспекты общения врача и пациента (Н. М. Абиева, Ш. О. Джамалдинова, О. Н. Игна, И. В. Турова, А. В. Бутина и др. [1; 2; 5; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 16; 19]), нами даётся комплексное описание языковых механизмов доверия. В речевом взаимодействии врача с пациентом соблюдение рассматриваемых требований в совокупности с речевым этикетом превращает профессиональную речь медика из канала передачи информации в ресурс доверия, комплаентности и повышения качества медицинской помощи. Именно такой подход к коммуникативной компетентности врача способствует созданию характеристики врача как типажа языковой личности, призванной обеспечить пациент-ориентированное взаимодействие, а также позволяет конкретизировать связь между языковой культурой врача и практическими результатами лечебного взаимодействия, что в имеющейся научной литературе пока представлено недостаточно полно.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении понятийно-терминологического аппарата, связанного с речевой грамотностью врача и его языковой личностью, а также в расширении представлений о медицинском дискурсе.

Практическая значимость заключается в возможности использования результатов исследования при подготовке медицинских специалистов, разработке программ по развитию коммуникативных навыков врачей,

а также в совершенствовании стандартов профессионального общения в медицинской практике.

Методы исследования. В работе использованы следующие методы: анализ и синтез научной литературы по проблеме медицинской коммуникации; описательный метод при характеристике языковых аспектов речевого поведения врача; сравнительный анализ речевых практик; элементы дискурс-анализа медицинского общения; метод обобщения эмпирических и теоретических данных современных исследований. Комплексное применение ряда научных методов было обусловлено использованием положений коммуникативной лингвистики, теории речевой деятельности и концепции пациент-ориентированного подхода в медицине как методологической основы исследования.

Результаты исследования. На современном этапе проблема речевой грамотности врача исследуется на стыке лингвистики, медицинской деонтологии, психологии общения, педагогики медицинского образования и социологии доверия, причём в российской научной литературе вопрос чаще всего рассматривается не как самостоятельная языковая проблема, а как часть более широких областей: коммуникативной компетентности врача, профессиональной этики, пациент-ориентированного подхода и деонтологической подготовки будущих медиков. В этом состоит одна из ключевых особенностей современного состояния разработки темы: исследовательское поле активно расширяется, однако собственно речевая грамотность врача как системообразующий фактор доверия пациента ещё не получила достаточного целостного осмысления.

В отечественных работах последних лет особенно заметен поворот от общего тезиса о важности «хорошего общения» к более предметному анализу конкретных компонентов профессиональной речи врача. Например, Н. М. Абиева и Ш. О. Джамалдинова акцентируют внимание на этике общения как ключевом элементе дисциплины «Культура речи врача» и показывают, что именно соблюдение этических норм в коммуникации с пациентом рассматривается как обязательная часть профессиональной подготовки медика [1]. Тем самым проблема речевого поведения врача выводится за рамки формальной правильности речи и связывается с гуманистической направленностью медицинской профессии.

Похожую линию развивают исследования, посвящённые коммуникативной подготовке будущих врачей: в работах О. Н. Игны, И. И. Сошенко, А. О. Окорокова пациент-ориентированная лингво-профессиональная подготовка студентов-медиков рассматривается как самостоятельное направление медицинского образования. Авторы подчёркивают значимость обучения именно тем коммуникативным моделям, которые учитывают адресность речи, уровень понимания пациента и особенности профессионального диалога [5]. Эти аспекты важны, поскольку показывают, что современная научная мысль всё чаще связывает качество медицинской помощи не только с клиническими знаниями, но и с лингвистически правильной организацией коммуникации.

Ряд российских авторов смещает фокус с нормативного описания к выявлению реальных коммуникативных затруднений. Так, И. В. Турова в своей статье об особенностях коммуникативной компетентности будущих

врачей подчёркивает, что трудности взаимодействия врача и пациента напрямую отражаются на результатах лечения и удовлетворённости пациентов [13]. Особенно показательным, что автор опирается не только на теоретический анализ, но и на материал негативных отзывов пациентов, то есть рассматривает речевое поведение врача через призму его практического восприятия адресатом. Этот подход важен для исследования доверия, поскольку переводит обсуждение из области нормативных пожеланий в область реально переживаемого пациентом коммуникативного опыта.

Проблема коммуникации врача и пациента как источника конфликтов и недоверия подробно ставится и в работе Д. Р. Давидова, в которой прямо заявлена цель – изучить проблемы такой коммуникации и оценить удовлетворённость врачей и пациентов её качеством [10]. Удовлетворённость особенно значима, поскольку подтверждает, что в современной науке уже зафиксирован переход от абстрактного обсуждения общения к анализу его дефицитов, последствий и рисков для медицинского взаимодействия. Однако и здесь предметом изучения чаще выступает коммуникация в целом, а не речевая грамотность врача как особая языковая основа доверия.

Важное место в российском научном поле занимает и тема цифровизации общения: А. В. Бутина показывает, что в условиях цифровизации трансформируются сами основания коммуникации врача и пациента: патерналистская модель уступает место более диалогичной, а медицинская информация перестаёт быть полностью монополизированной врачом. Это означает, что речевая грамотность современного врача должна включать не только традиционные требования ясности и такта, но и способность вести диалог с информированным пациентом, пользующимся интернет-источниками и цифровыми сервисами. В этом смысле речевая компетенция врача сегодня расширяется до навыка коммуникативной адаптации в новой информационной среде [2].

Отдельного внимания заслуживают работы, в которых проблема рассматривается как часть профессионально-личностного формирования врача. В материалах Л. Р. Комаловой подчёркивается, что врач должен владеть всеми видами речевой деятельности: слушанием, чтением, говорением и письмом, а значит, коммуникативная компетентность понимается не как единичное умение «объяснить диагноз», а как многоуровневая система профессионального речевого поведения [8].

Близкую позицию занимают авторы, исследующие развитие эмпатии, деонтологической компетенции и ценностных оснований общения в медицинском образовании; в частности, в обзоре Л. Н. Карашук эмпатия названа важным компонентом коммуникативной компетентности врача, а исследователь И. В. Турова связывает формирование деонтологической компетенции с внедрением коммуникативных идеалов в систему профессиональных ценностей будущего врача [7; 9; 13].

Показательно, что в смежных отечественных исследованиях всё чаще появляется категория доверия как самостоятельный объект анализа. Так, Д. А. Изуткин, А. В. Грехов, А. В. Кочубейник, А. И. Корсакова, П. А. Кисляков, Л. Н. Карашук, А. Рэй, В. Патха-Рэй, И. В. Турова рассматривают доверие общества к медицинским организациям как отдельную социологическую проблему и предлагают подходы к её эмпирическому

изучению [4; 6; 7; 11; 13; 16]. Доверие в современной гуманитарной и социальной науке уже не воспринимается как абстрактная моральная категория, а рассматривается как измеримый и социально значимый результат качества коммуникации. Однако связь именно между речевой грамотностью врача и формированием доверия пациента в российской литературе всё ещё чаще подразумевается, чем подробно описывается.

Зарубежные исследования последних лет описывают эти проблемы более эмпирически, что позволяет уточнить, какие именно стороны общения влияют на доверие пациента. В работе L. Gu, B. Tian и Y. Xin показано, что восприятие пациентом коммуникативных навыков врача связано с доверием и качеством первичной медицинской помощи [15; 16]. Исследование X. Liu, J. Zeng и L. Li подтверждает влияние коммуникации врача и пациента на доверие, причём авторы дополнительно выделяют роль согласованности позиции врача и пациента и субъективно воспринимаемой угрозы заболевания. S. Jiang и его соавторы показывают, что на доверие влияет не только сама коммуникация, но и включённость пациента в разговор и учёт его предпочтений [14; 15; 19]. Интересен и представленный обзор концепта «доверие» в работе S. H. Sharkiya, в которой отмечено, что качественная коммуникация улучшает пациент-ориентированные исходы, особенно у пожилых пациентов [18].

Итак, в результатах многих исследований обосновывается, что доверие формируется не «в целом» благодаря доброжелательности врача, а через конкретные речевые механизмы: понятность, участие пациента, подтверждение понимания, эмпатичность, уважительность и адекватность речевой стратегии.

Таким образом, современное состояние изучаемой проблемы можно охарактеризовать несколькими тенденциями. Во-первых, усиливается интерес к коммуникативной составляющей медицинской практики как самостоятельному фактору качества лечения. Во-вторых, в российской науке заметно преобладают исследования, посвящённые общей коммуникативной компетентности, деонтологии и обучению будущих врачей, тогда как собственно речевая грамотность врача обычно рассматривается фрагментарно, то есть через этику, эмпатию, профессиональный такт, цифровую коммуникацию или обучение языковым навыкам. В-третьих, в международных исследованиях уже накоплена доказательная база, показывающая прямую связь между качеством общения и доверием пациента, но лингвистическая детализация этих связей разработана неравномерно.

Известно, что эффективность лечебного процесса зависит не только от правильного применения лекарственных средств, но и от психологических стратегий убеждения, которые оформляются языковыми средствами. Речевое мастерство доктора заключается в виртуозном владении языком как инструментом установления доверительных отношений. Именно языковая грамотность врача в процессе лечения больного способствует созданию доверительной атмосферы. Его умение адаптировать медицинский язык к уровню понимания информации пациентом является показателем качества медицинского обслуживания. В данном контексте стремление медиков к эталонному речевому поведению, как нам представляется, будет соответствовать имиджу элитной профессии.

Языковая грамотность врача, как предмет описания, включает в себя следующие аспекты: умение четко и понятно излагать медицинскую информацию, формирование навыков адаптации профессионального языка к уровню понимания пациента, обретение знаний коммуникационных (коммуникативных) основ, а также овладение этической культурой как инструментами формирования доверительных отношений [2; 4; 10].

Аспект *ясности и понятности*, выступающий в качестве фундамента делового взаимодействия врача с пациентом, предполагает соблюдение ряда требований к речевому поведению. К ним относятся: точность, ясность и доступность изложения, лаконичность, а также правильность и чистота речи. Под *точностью* речи понимается её недвусмысленность и фактическая конкретность. Точность речевого высказывания обусловлена способностью к чёткому логическому мышлению и глубоким знанием предмета обсуждения. Использование многозначных слов, способных порождать двусмысленность, недопустимо. *Ясность и доступность* являются неотъемлемыми характеристиками речевой культуры. Если смысл произносимых слов не усваивается слушателем, то и понимание сути обсуждаемого вопроса отсутствует. Ясность речи достигается за счёт корректного применения разнообразных лексических пластов, включения терминологии, профессионализмов, заимствованных слов, неологизмов и даже элементов разговорной речи [4; 5; 6; 7; 9; 11]. Отметим, что использование слов, имеющих ограниченную сферу употребления, необходимо обосновывать. В противном случае некорректное употребление подобных лексических единиц ведет к недоверию [15; 17]. В качестве иллюстрации можно привести пример приёма у отоларинголога, когда пожилая пациентка не смогла осмыслить произнесённую доктором фразу «Да у Вас же перфорация!». Употребленный термин был воспринят пациенткой как загадочный диагноз. Вместо того, чтобы разъяснить значение лексемы «перфорация», врач задал риторический вопрос: «Разве Вы не знаете, что такое перфорация?» (из авторского банка интернет-отзывов о врачах). В подобной ситуации возникает закономерный вопрос о возможности формирования доверительных отношений между пациентом и медицинским специалистом.

Под *краткостью* речи понимается отказ от излишней информации. Высказывание должно содержать как можно меньше слов. Основным правилом лаконичности является стремление избегать неоправданное дублирование, то есть не повторять сказанное и не заострять внимание на том, что понятно без дополнительного объяснения.

Правильность речи, как центральное понятие языковой культуры, заключается в соблюдении норм литературного языка. При устном общении – это нормы ударения и произношения. Врачу не подобает говорить, например, «новорожденный» или «лекарственные средства», надо только «новорождённый» и «лекарственные средства».

Чистота речи предполагает абсолютный запрет на слова-сорняки типа «так сказать», «это значит», «скажем так» [2; 10] и т. д. Кстати, их иначе называют словами-паразитами, потому что они не несут никакой смысловой нагрузки, не обладают никакой информативностью, а, наоборот, засоряют речь говорящего и отвлекают слушающего от сути высказанной мысли. Любой языковой огрех – негативный штрих к речевому портрету коммуниканта.

Считается, что устная речь – визитная карточка как специалиста, так и личности в целом.

Под языковой личностью врача подразумевается, прежде всего, специалист, умеющий порождать высказывание, рассчитанное на понимание пациентом или коллегами. Это такой человек, который умеет подобрать нужные слова для оформления мыслей, не применяя распространенные выражения типа «от слова совсем» (вместо «совсем нет»). Данный языковой мем (модное выражение) не усиливает смысл сказанного, а является прямым намёком на несерьёзную настроенность в общении. Представим ситуацию, что у пациента тяжелое заболевание и ему, конечно, не до языковой игры слов, то есть такая «категоричность» не воздействует ни на разум, ни на чувства пациента. У него возникает недоверие к врачу. Путь к доверию лежит через верно сказанное слово, через адаптацию профессионального медицинского языка к уровню понимания информации пациентом. Возникновению доверительных отношений способствует сам врач, соблюдая ряд требований и набор правил коммуникативного взаимодействия.

Эффективность коммуникации ориентирует врача на включение главных способов и видов речевой деятельности. К ним относятся оценка *уровня понимания* пациентом ситуации в отношении его заболевания, использование простого языка, структурирование информации, применение визуальных средств и процесс активного слушания [3; 8]. При оценке уровня понимания пациентом ситуации в отношении его заболевания врачу необходимо спроектировать беседу в нужном русле, причём должны использоваться открытые вопросы, типа «что пациент знает о своей болезни». Помимо отмеченного, врач должен обратить внимание на возраст, образование и культурный код пациента. Именно от этих параметров зависит коэффициент восприятия информации.

В зарубежной педагогической практике при обучении медиков коммуникационным навыкам включаются такие техники, как метод «Teach-Back» [16; 18], при котором запрашивается усвояемость пациентом услышанной информации, что позволяет оценить степень понимания и скорректировать объяснение. Внедрение подобных техник, ориентированных на повышение медицинской грамотности как уровня здоровой коммуникации, способствует выработке умения у будущих врачей создавать понятное объяснение диагноза и осуществлять план лечения. Подобное речевое поведение врача обеспечивает лучшим образом обратную связь с пациентом и развивает чувство уверенности в собственных коммуникативных навыках.

Использование простого языка. В ситуации беседы с пациентом врачу необходимо избегать употребления сложных терминов, их надо заменять метафорой или аналогией. Предложения должны быть не осложненными причастными или деепричастными оборотами.

Структурирование информации. В беседе с пациентом важным критерием является последовательность и логичность информации. Погружаться в детали не следует; чтобы избежать перегруженности пациента информацией, предложения должны быть краткими и чёткими.

Применение визуальных средств. Иллюстрация медицинской информации с помощью цифровых систем является эффективным средством в понимании проблем устной деловой беседы.

Процесс активного слушания – это важнейший метод в общении врача с пациентом. На первый взгляд, кажется, что всё просто. Но по факту статистики отмечается, что более 95 % процентов людей не владеют этим навыком [5; 10]. Конечно, активное слушание – это целая школа, представленная практическими советами, включающими в себя особые приёмы использования тактик и стратегий. Постигание теории и практики активного слушания поможет врачу точно адаптировать свою речь под понимание информации пациентом.

Коммуникативный, или риторический аспект, – одно из составляемых доверия к врачу. Овладение коммуникационными, или коммуникативными, навыками означает приобретение определённых знаний, с помощью которых формируется доверительное отношение. Термины «коммуникационные навыки» и «коммуникативные навыки», употребляемые с однокоренными определениями, часто используются в речевой практике как взаимозаменяемые. Однако надо заметить, они имеют некоторые различия. Коммуникационные навыки охватывают широкий спектр умений, связанных с передачей и восприятием информации. Сюда относятся как вербальные, так и невербальные аспекты общения (такие как речь, письмо, слушание, а также жесты, мимика и тон голоса). В содержание понятия «коммуникативные навыки» включаются умение говорить и проявление эмпатии, обеспечивающие благоприятное взаимодействие при установлении контакта [1; 5; 8; 9; 12].

Известно, что *умение говорить* поддерживается различными речевыми формами общения, иначе говоря, это многие виды речевой деятельности, которые необходимы врачу для установления доверительных отношений с пациентом. Среди них, наряду с использованием навыка изъясняться (выражать мысль чётко и ясно), надо уметь номинировать (умело и уместно ввести значение слова, термина), комментировать (пояснять, рассуждать или делать критическое замечание), резюмировать (кратко изложить суть либо сказанного пациентом, либо информации, исходящей от врача) и перефразировать, чтобы пояснить или уточнить информацию. В коммуникативном поведении врача перефразирование, как правило, сопровождается уточняющими вопросами. Прием использования уточняющих вопросов – это как раз есть проверка понимания пациентом услышанной информации и в то же время обратная связь с ним [14; 16]. Например, заданный напрямую вопрос «насколько понятны объяснения и рекомендации» служит своего рода обратной связью, которая позволяет врачу корректировать своё речевое поведение и подталкивает его к совершенствованию собственной речи. На самом же деле рефлексия, как способность врача оглянуться, осмыслить свои речевые действия и эмоции в отношениях с пациентом, – неотъемлемое свойство его личности.

Специалисты в области коммуникации считают, что говорящий должен соблюдать общепринятые правила: учитывать психологические свойства личности слушающего, считывать восприятие прозвучавшей информации. Эти правила заслуженно называют законами, которые, как главные инструменты, регулируют речевое поведение говорящего [15; 17; 18]. Соблюдение общеобязательных коммуникативных правил самым наилучшим способом будет обеспечивать непринужденное общение врача в разных ситуациях и с различными пациентами. Суть этих правил заключается: во-первых, в изучении адресата в преддверии беседы по параметрам:

социальный статус, уровень образования, особенности личности; во-вторых, в определении понимания информации пациентом; в-третьих, в способности почувствовать отражение воздействия своей речи на пациента, то есть насколько верит ему больной.

Роль коммуникативных навыков врача в обеспечении качественной медицинской помощи широко исследуется в научной литературе [2; 5; 7; 9; 10; 12; 14; 15]. Особое внимание учёные уделяют способности трансформировать медицинский язык в понятную пациенту форму и строить диалог, ориентированный на понимание, доверие и сотрудничество. Многими учёными подчёркивается, что эффективная коммуникация напрямую связана с положительными клиническими результатами и приверженностью пациентов к назначенному лечению [15; 17; 18]. Исследование проблем коммуникации при оказании первичной медико-санитарной помощи показало, что применение рекомендованных моделей общения повышает уровень удовлетворённости пациентов консультацией, улучшает психологический комфорт, укрепляет доверие и увеличивает приверженность терапевтическим схемам, а также снижает риски эмоционального выгорания медицинского персонала. Как в отечественной, так и в зарубежной речевой практике врача отмечается, что «пациентоориентированные» модели коммуникации, где акцент делается на эмпатию, доверие и диалогическое взаимодействие [2; 3; 6; 8; 9; 14], обеспечивают более высокую эффективность лечения и лучшее эмоциональное состояние пациента по сравнению с традиционными иерархическими моделями, где пациент воспринимается только как получатель указаний.

Как известно, языковая культура общения включает в себя этический аспект. Соблюдение речевого этикета регулирует межличностные отношения. Речевой этикет – это живой опыт целесообразной, эффективной, убедительной речи. Основы речевого этикета зиждутся на общечеловеческих ценностях. Для врача одной из таких категорий является милосердие – это нравственное начало, которое коррелирует с речевым поведением врача и, безусловно, открывает путь к доверию пациента. Нравственная культура – это единство внешней и внутренней культуры врача, одним из составных элементов которой является врачебный этикет. Врачебный речевой этикет – это порядок речевого поведения, поддерживаемый этикетными нормами.

Этикетные нормы врача – это выражение нравственного начала в речевом поведении, которое проявляется в предупредительной заботе о пациенте, уважении его как личности, в милосердии и человечности. В речевой коммуникации врача под этикетной нормой понимается владение этикетной культурой, то есть умение контролировать свои чувства и эмоции, а также управлять своей волей. В исследованиях сферы речевого этикета врача подчеркивается, что использование форм учтивости, вежливых обращений и эвфемизмов, а также умение выражать слова поддержки и сочувствия способствуют не только эстетическим характеристикам общения, но и отражают уровень профессиональной этики и гуманизации медицинской практики. Нарушение этикетных норм может привести к непониманию, снижению доверия пациента и даже к конфликтным ситуациям во взаимодействии «врач – пациент» [1; 4; 7].

Основной принцип этикетных норм врача – принять пациента таким, какой он есть (причём вне личных суждений и оценок), и настроиться на исполнение своего профессионального и гражданского долга. Соблюдение ряда языковых, коммуникативных и этических требований в речевом поведении способствует формированию языковой компетентности медика и является свидетельством его высокого уровня развития как языковой личности, умеющей профессионально создать высказывание.

Выделим наиболее важные свойства характера врача, ведущие к доверию. Известно, соблюдение этикетных норм обусловлено проявлением таких качеств, как доброжелательность, внимательность, тактичность, выдержанность, вежливость и др., которые представляют собой на деле принципы нравственности в речевом взаимодействии [1; 5; 13; 17]. Проявлению указанных качеств способствует знание правил, установленных во всем мире. Первым из них является проявление доброжелательности через улыбку. Не зря многие считают, что улыбка является универсальным знаком, который понимается абсолютно всеми: от малыша, не освоившего ещё речь, до человека, не знающего язык чужой страны. Именно улыбка передаёт позитивные эмоции независимо от культуры разных народов. Под улыбкой врач, как артист, скрывает своё собственное настроение, показывает, что он небезразличен к окружающим. Каждый врач должен научиться управлять своим мыслями и чувствами. Для этого надо привести в достойное состояние своё туловище, в буквальном смысле означает расправить плечи, высоко поднять голову, заполнить воздухом лёгкие и приветствовать улыбкой пациента. Значимым моментом в проявлении доброжелательности является использование в речи имени и отчества пациента. Это, с одной стороны, проявление уважения, а с другой – показ заинтересованности в помощи.

Внимательность, как свойство личности врача, являет собой полную сосредоточенность на пациенте. Как отмечается исследователями [5; 13], в профессиональной подготовке врача необходимо сформировать навык регулирования своей деятельности. Одним из условий в этом деле является умение концентрировать внимание, поскольку существуют внешние и внутренние факторы отвлечения врача от деятельности, то есть происходит некое торможение, не относящееся к задаче информации. Хорошим уроком концентрации внимания на пациенте является образное выражение восточного мудреца, который научился «столь удивительному и совершенному владению вниманием у кошки, которая ждала мышь возле норки» [18; 19]. Очевидным становится факт: внимательность врача – это демонстрация истинного интереса к тому, что говорит пациент. Этот интерес поддерживается обращением к нему с уточняющими вопросами с целью действительно вникнуть в суть, поэтому внимательный врач не должен считаться со временем, потраченным на больного. Он обязан придать значение не только словам говорящего, но и мимике, жестам, тону голоса. В сознании пациента такое поведение врача характеризуется ответственностью, и он его воспринимает как заботливую личность [15; 17; 18]. Как видим, в развитии навыков внимательности лежит не только глубокий интерес, но и целеустремленность врача.

Тактичность врача – это самоконтроль за потоком мыслей и умение выбрать подходящий момент, чтобы заявить, например, пациенту о его

диагнозе. К сожалению, иногда проявляется врачами языковая бестактность. К примеру, врач на основании диагностических данных при пятилетнем ребенке заявляет матери, что «вы потеряете девочку», а после ухода от врача волнение ребенка было передано словами «я что умру». Следствием проявленной бестактности со стороны доктора были не только невыносимые психологические страдания матери, но и её нежелание родить второго ребенка. Кстати, эта девочка, повзрослев, ныне вовсе не «колясочница» (такой способ передвижения прогнозировал врач) и недавно стала мамочкой, родив себе здорового ребенка (из авторского банка интернет-отзывов о врачах).

Выдержанность врача, как свойство характера, рассматривается нами в значении «последовательный человек», который твёрдо придерживается определённых принципов и правил в достижении цели. Такой доктор в силу своего упорства в процессе лечения больного всегда заслуживает уважение, а значит, и доверие, ведущее к гармоничному взаимодействию: один в соответствии с выработанными лечебными алгоритмами управляет ходом выздоровления, а второй чётко выполняет все предписания.

Установление контакта, как канала доверия, на основе соблюдения языковых и этических норм общения способствует готовности выполнять медицинские предписания пациентом. В зарубежной практике доверие трактуется как повышение комплаентности пациента (от англ. *patient compliance* «приверженность лечению, степень соответствия между поведением пациента и рекомендациями, полученными от врача»), сочетающей в себе достижение целей эффективной терапии путем соблюдения речевой культуры и заботы о пациенте [4; 8], причём с акцентом требования соблюдения речевого этикета в коммуникации [1].

Итак, вслед за исследователями в области коммуникации врача и пациента считаем, что этический аспект, наряду с культурой речи, является неотъемлемым компонентом профессионального общения, способствующий повышению уровня доверия, соблюдению принципов гуманизма, улучшению удовлетворённости пациентов и эффективности лечения [5; 6]. В современных исследованиях и в практических ситуациях подчёркивается, что эффективная коммуникация строится на доверии, которое рождается благодаря умелой структуре общения врача с пациентом. Достижению внедрения рекомендаций способствует практика интеграции специализированных тренингов, техник «Teach-Back» [4], психологических упражнений и активных методов обучения в подготовке медиков.

Значимость врача как профессиональной личности во многом определяется его языковой культурой, включающей в себя структурирование информации, подтверждение понимания пациентом и процесс активного слушания. Речевая грамотность является вектором, влияющим на уровень доверия пациента. Понимание диагнозов и методов лечения осуществляется пациентом благодаря соблюдению врачом главных языковых требований в общении.

Коммуникативная модель врача, ориентированная не только на учёт медицинской информации, но и эмоциональных, культурных и личностных особенностей пациента, является важным критерием в его практической деятельности. Использование врачом описанных тактических речевых приемов способствует рождению атмосферы доверия, что ведет к лучшим

результатам в лечении. И, более того, доверительное отношение пациента способствует появлению глубокого интереса у лечащего врача, подталкивая последнего к поиску целесообразных решений вопроса.

Выводы. Речевая грамотность врача, с одной стороны, выступает основой формирования доверительных отношений с пациентом, а с другой – служит показателем эффективности медицинского взаимодействия благодаря языковой точности, доступности изложения, коммуникативной компетентности и соблюдению норм речевого этикета. Установлено, что интеграция этических принципов и культуры речи в профессиональную деятельность врача способствует повышению уровня понимания пациентом медицинской информации, снижению коммуникативных барьеров и росту удовлетворённости качеством оказанной помощи. Применение современных коммуникативных технологий, обучающих практик и включение активных методов и техник проверки понимания усиливают результативность взаимодействия и формируют устойчивую модель пациентоориентированного общения. В свою очередь, учет эмоциональных и индивидуальных особенностей пациента, а также использование эффективных речевых стратегий, способствуют возникновению атмосферы доверия, которая положительно влияет на приверженность лечению и конечные медицинские результаты.

Список литературы

1. **Абиева, Н. М.** Этика общения как ключевой аспект дисциплины «Культура речи врача» в медицинском вузе / Н. М. Абиева, Ш. О. Джамалдинова // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 5(102). – С. 95–98. – DOI: 10.24412/1991-5497-2023-5102-95-98. – EDN: MOAPZH.
2. **Бутина, А. В.** Основания коммуникации врача и пациента в условиях цифровизации здравоохранения / А. В. Бутина // Социология медицины. – 2023. – № 2. – С. 195–200. – EDN: QVSNUD.
3. **Дегтярёва, Л. Н.** Основы профессионального общения врача с пациентом / Л. Н. Дегтярёва // Российский семейный врач. – 2022. – Т. 26, № 2. – С. 5–52.
4. **Доверие пациента к врачу как условие эффективности лечения** / Кисляков П. А., Шмелева Е. А., Карасева Т. В., Прияткин Д. А. // Социология медицины. – 2025. – Т. 17, № 1. – С. 497–520. – DOI: 10.12731/2658-6649-2025-17-5-1648.
5. **Игна, О. Н.** Пациент-ориентированная лингво-профессиональная подготовка студентов-медиков / О. Н. Игна, И. И. Сошенко, А. О. Окороков // Перспективы науки и образования. – 2023. – № 3(63). – С. 87–101.
6. **Изуткин, Д. А.** Роли врача и пациента в различных моделях отношений / Д. А. Изуткин // Социология медицины. – 2015. – Т. 14, № 1. – С. 45–48. – DOI: 10.17816/socm38659.
7. **Карашук, Л. Н.** Проблематика доверия во взаимоотношениях врач-пациент / Л. Н. Карашук // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2020. – Т. 8, № 1. – С. 17–24. – DOI: 10.23888/humJ2020117-24.

-
8. **Комалова, Л. Р.** Структура и динамика коммуникативного взаимодействия в паре «потенциальный пациент – врач» в рамках письменной консультации на интернет-форуме / Л. Р. Комалова // *Russian Journal of Linguistics*. – 2024. – Vol. 28, № 2. – P. 338–364. – DOI: 10.22363/2687-0088-35049. – EDN: EQVIJU.
 9. **Макарова, О. В.** Коммуникативные ошибки врача в диалоге с пациентом / О. В. Макарова, А. В. Нистратова // *Russian Journal of Education and Psychology*. – 2022. – Т. 13, № 22. – С. 77–85.
 10. **Проблемы коммуникации** врача и пациента / Давидов Д. Р., Москвичева А. С., Шубина Л. Б., Шикина И. Б. // *Социальные аспекты здоровья населения*. – 2022. – № 69(3). – С. 1–28. – EDN: AKNTVR. – DOI: 10.21045/2071-5021-2023-69-3-2.
 11. **Рэй, А.** Увядающее доверие: переосмысление отношений между врачом и пациентом / А. Рэй, В. Патха-Рэй // *Индийский журнал офтальмологии*. – 2018. – Т. 66, № 11. – С. 1529–1530.
 12. **Творогова, Н. Д.** Коммуникативная составляющая профессиональной деятельности медицинского работника. Часть 2 / Н. Д. Творогова // *Медицинская психология в России*. – 2021. – Т. 13, № 4(69). – С. 1–16. – DOI: 10.24412/2219-8245-2021-4-2.
 13. **Турова, И. В.** Особенности коммуникативной компетентности будущих врачей / И. В. Турова // *СибСкрипт*. – 2024. – Т. 26, № 5. – С. 807–822. – DOI: 10.21603/sibscript-2024-26-5-807-822. – EDN: RZBQPL.
 14. **How does patientcentered communication influence patient trust?: the roles of patient participation and patient preference** / S. Jiang, Z. Wu, X. Zhang [et al.] // *Patient Education and Counseling*. – 2024. – Vol. 122. – Article 108161. – DOI: 10.1016/j.pec.2024.108161.
 15. **Lyu, X.** Approaches to reach trustworthy patient education: a narrative review / X. Lyu, J. Li, S. Li // *Healthcare*. – 2024. – Vol. 12, № 23. – Article 2322. – DOI: 10.3390/healthcare12232322.
 16. **Patient perception** of doctor communication skills and patient trust in rural primary health care: the mediating role of health service quality / L. Gu, B. Tian, Y. Xin [et al.] // *BMC Primary Care*. – 2022. – Vol. 23(1). – Article 255. – DOI: 10.1186/s12875-022-01826-4.
 17. **Patient trust** in physicians matters – understanding the role of a mobile patient education system and patientphysician communication in improving patient adherence behavior: field study / D. Wu, P. B. Lowry, D. Zhang, Y. Tao // *Journal of Medical Internet Research*. – 2022. – Vol. 24, № 12. – Article e42941. – DOI: 10.2196/42941.
 18. **Sharkiya, S. H.** Quality communication can improve patientcentred health outcomes among older patients: a rapid review / S. H. Sharkiya // *BMC Health Services Research*. – 2023. – Vol. 23. – Article 886. – DOI: 10.1186/s12913-023-09869-8.
 19. **The influence** of doctorpatient communication on patients’ trust: the role of patientphysician consistency and perceived threat of disease / X. Liu, J. Zeng, L. Li [et al.] // *Psychology Research and Behavior Management*. – 2024. – Vol. 17. – P. 2727–2737. – DOI: 10.2147/PRBM.S460689.

Kudinova T. A.,
Sholudchenko I. E.

Speech Literacy of a Doctor as a Step of Patients' Trust

The article analyzes the literacy of the doctor's speech behavior as a way of effective interaction in business communication. The main linguistic aspects are described as the most necessary aspects of the formation of the doctor's speech personality. The article contains clear statement of thoughts, necessary medical terms adaptation to the patient's lexical level of understanding, communicative competence and speech etiquette. Each of the aspects is interpreted as a set of linguistic concepts and their significance is indicated. Competent speech of a doctor lies loyalties with him and thereby allows to take information correctly that not only supports the patient's spirit, but contributes to the correct regulation of high-quality medical care as well. An overview of doctors' unsuccessful statements is given, which undermine the authority of the doctor and do not contribute to the emergence of trust of the patient.

Key words: language literacy, language type of a doctor, standard of speech behavior, skills of medical language adaptation, active listening

УДК 811.161.1'42'27:659.123:177.61-055.26 (470.6 ЛНР)

Давидкова Елизавета Павловна,
ассистент кафедры русского языкознания и
коммуникативных технологий
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
davidkova1704@mail.ru

Аксиология семейных ценностей в социальной региональной рекламе

В статье рассматривается региональная социальная реклама как форма публичного дискурса, ориентированного на трансляцию и закрепление семейных ценностей. Цель исследования – выявление социолингвистических и лингвокультурологических характеристик образа матери в социальной рекламе города Луганска. Материалом исследования послужили рекламные баннеры, репрезентирующие материнство как один из ключевых аксиологических концептов, сохраняющих вековые традиции. В статье используется комплексный подход, включающий дискурс-анализ, социолингвистический и визуально-семиотический методы. Результаты исследования позволяют определить образ матери как инструмент формирования ценностного суждения о роли семьи в региональном публичном пространстве.

Ключевые слова: семейные ценности, аксиология, социальная реклама, региональный дискурс, традиционная картина мира, образ матери

Введение. Современное городское пространство представляет собой не только совокупность архитектурных и инфраструктурных объектов, но и сложную семиотическую среду, в рамках которой формируются, транслируются и закрепляются социально значимые ценности. Одним из ключевых элементов среды города является мультимодальная социальная реклама, синтезирующая вербальный и визуальный сегменты, ориентирующие на социокультурные традиции. В региональном контексте социальная реклама адаптируется к условиям региона через активизацию мотивационной и воспитательной функций, на основе которых формируется ценностная коммуникация, направленная на формирование и поддержание традиционных представлений о семье и социальных ролях.

Особое место в системе региональной социальной рекламы занимает образ матери как центральный элемент традиционной картины мира. В лингвокультурологическом аспекте лексема *мать* обладает устойчивой символической и аксиологической нагрузкой, репрезентируя не только биологическую, но и культурно-нормативную функцию. В публичном дискурсе образ матери вызывает представления о заботе, защите, нравственном начале и эмоциональной стабильности, что делает его эффективным инструментом воздействия на массового адресата.

В социальной рекламе образ матери конструируется как культурный универсал, закреплённый в коллективном сознании и воспринимаемый как безусловная ценность. Через вербальные и визуальные средства рекламного текста формируется ценностное суждение о роли матери в семье и обществе,

соотносимое с традиционной системой координат. Таким образом, семейные ценности в целом и материнство в частности функционируют как лингвокультурные маркеры, обеспечивающие узнаваемость и нормативность транслируемых смыслов.

Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, возросшим интересом гуманитарных наук к изучению публичного дискурса и визуально-вербальных практик городской коммуникации, с другой – недостаточной изученностью региональных вариантов социальной рекламы в лингвокультурологическом и социолингвистическом аспектах. Социальная реклама г. Луганска, ориентированная на трансляцию семейных ценностей, отражает специфический социокультурный контекст региона и выполняет функцию формирования устойчивых ценностных ориентиров в общественном сознании.

Степень разработанности проблемы свидетельствует о наличии значительного числа исследований, посвященных дискурсивному анализу рекламы, визуальной семиотике, языку эмоций и аксиологическим аспектам публичной коммуникации. Вместе с тем семейные ценности как инструмент воздействия в региональной социальной рекламе остаются недостаточно систематизированным объектом исследования, особенно в аспекте лингвокультурологической интерпретации образа матери и его социолингвистических функций.

Цель статьи – выявление и описание механизмов репрезентации семейных ценностей в региональной социальной рекламе г. Луганска, а также определение социолингвистических и лингвокультурологических функций образа матери в процессе формирования ценностных суждений. В работе анализируются вербальные и визуальные средства актуализации семейной тематики, способы культурной универсализации и нормативизации образа матери, а также совместная роль этих средств в конструировании традиционной картины мира в публичном пространстве.

Концепт региональности в современных гуманитарных исследованиях рассматривается как совокупность социокультурных, языковых и ценностных характеристик, присущих определенному территориальному сообществу. Теоретические основы изучения региональности были сформированы в работах представителей социолингвистики, лингвокультурологии и регионоведения, рассматривающих регион как особое коммуникативное пространство, в рамках которого складываются специфические модели языкового поведения и культурной идентичности. Для регионального дискурса характерны локальная тематическая направленность, опора на коллективную память, актуализация культурных символов региона, а также отражение ценностных установок конкретного сообщества. В социальной рекламе региональность проявляется через использование образов, понятий и коммуникативных стратегий, соотносимых с локальным социокультурным опытом адресата.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе регионального рекламного материала с позиций лингвокультурологии и социолингвистики, а также в выявлении специфики функционирования образа матери как культурного концепта в социальной рекламе. Впервые региональная социальная реклама рассматривается как форма публичного

дискурса, направленного на формирование и закрепление ценностных представлений о семье и материнстве.

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, сочетающий положения дискурс-анализа, социолингвистики и лингвокультурологии. В рамках данного подхода социальная реклама рассматривается как многокомпонентный медиатекст, функционирующий в конкретном культурном и социальном пространстве и реализующий стратегии ценностно-эмоционального воздействия. В качестве основного метода используется дискурс-анализ, направленный на выявление устойчивых смысловых и прагматических характеристик рекламных сообщений; социолингвистический метод, позволяющий интерпретировать рассматриваемые рекламные тексты с учетом региональной языковой и культурной ситуации; лингвокультурологический анализ, направленный на определение функций образа матери как носителя традиционных ценностей и культурных смыслов.

Методы. Для анализа визуального компонента рекламных баннеров применяется метод визуально-семиотического анализа, разработанный и апробированный в современных исследованиях социальной рекламы. Так, И. В. Соколова рассматривает визуально-семиотический анализ как «инструмент выявления ценностных смыслов социальной рекламы, основанный на интерпретации взаимодействия вербальных и невербальных средств, символики образов и их соотносительности с культурно обусловленными представлениями о семье и материнстве» [14]. Данный метод позволяет выявить корреляцию визуальных образов с лингвокультурными установками и традиционной картиной мира.

Ильина М. А. в работе «Региональная социальная реклама как инструмент ценностной консолидации общества» отмечает, что региональная социальная реклама выполняет не только информативную, но и ценностно-консолидирующую функцию, способствуя формированию устойчивых аксиологических ориентиров в локальном сообществе [8]. В этом контексте обращение к семейной тематике позволяет актуализировать культурно значимые образы, воспринимаемые как социальная норма и элемент традиционной картины мира.

Российские исследователи указывают, что ценностное воздействие в рекламном дискурсе конструируется целенаправленно посредством устойчивых языковых и визуальных стратегий (А. А. Горячев [5], Ю. К. Пирогова [10], М. В. Терских [15]). Апелляция к семейным ценностям, в частности к образу матери, обладает высокой степенью культурной универсальности и символической значимости, что делает данный дискурс особенно эффективным в социальной региональной рекламе.

Эмпирической базой исследования послужили тексты социальной рекламы, размещенные в общественном пространстве г. Луганска и ориентированные на репрезентацию семейных ценностей. Анализируемые рекламные материалы были представлены в городской среде в рамках информационной кампании, приуроченной ко Дню Матери, что обусловило тематическую направленность и ценностное содержание сообщений. Отбор материала осуществлялся на основе тематической однородности и повторяемости лингвокультурных показателей и дискурсивных стратегий.

Совокупность использованных методов обеспечивает целостное рассмотрение семейных ценностей как инструмента воздействия в региональной социальной рекламе

Результаты исследования. В современных российских лингвистических и социокультурных исследованиях социальная реклама рассматривается как форма публичного дискурса, ориентированного на трансляцию и нормативное закрепление социально значимых ценностей, в том числе ценностей семьи и родительства [1; 11]. Эмоциональное воздействие в социальной рекламе выступает ключевым механизмом коммуникации, поскольку именно через эмоциональную сферу осуществляется формирование устойчивых ценностных суждений и моделей социального восприятия.

Как отмечает И. А. Соболева в исследовании «Аксиологические параметры дискурса социальной рекламы», социальная реклама не только транслирует ценности, но и оформляет их через определённые дискурсивные практики, используя вербальные и визуальные способы репрезентации ценностных нарративов [13]. В лингвокультурологическом и социолингвистическом аспектах образ матери интерпретируется как аксиологический концепт, выполняющий нормативную функцию в публичной коммуникации. По наблюдениям О. В. Казаченко [9], репрезентация материнства в социальной рекламе способствует формированию культурно обусловленных моделей социально одобряемого поведения и закреплению представлений о роли матери в традиционной системе ценностей. Образ матери конструируется как устойчивый и внеисторический, что усиливает его интегративный и объединяющий потенциал.

Значительное внимание в исследованиях уделяется проблеме адресации и персонализации рекламного сообщения. Т. В. Епремян в исследовании «Дискурс социальной рекламы в современном городском пространстве» указывает, что использование личных и инклюзивных форм обращения снижает коммуникативную дистанцию и способствует формированию эффекта эмоционального соучастия адресата в транслируемых ценностных смыслах [6].

Опираясь на положения, сформулированные в теоретическом разделе, в анализируемом корпусе социальной рекламы г. Луганска можно выделить несколько ключевых стратегий ценностного и эмоционального воздействия: стратегию универсализации, стратегию эмоциональной идентификации и стратегию пространственно-телесной метафоризации. Выделение указанных стратегий опирается на положения исследований рекламного и публичного дискурсов Т. В. Епремян, М. А. Ильиной, О. В. Казаченко и И. В. Соколовой, посвященных механизмам эмоционального и ценностного воздействия социальной рекламы.

Стратегия универсализации реализуется посредством языковых средств, снимающих возрастные, временные и социальные ограничения. Уступительные конструкции («сколько бы ни было лет», «как бы далеко ни») и обобщающие лексемы («всегда», «вся») формируют представление о роли матери как универсальной и культурно значимой ценности. В социолингвистическом аспекте такая стратегия выполняет функцию нормализации семейных ценностей, так как переводит индивидуальный эмоциональный опыт в сферу коллективного культурного знания.

Стратегия эмоциональной идентификации направлена на вовлечение адресата в дискурсивное пространство рекламного сообщения. Она реализуется через использование личных инклюзивных местоимений («я», «ты», «мы»), а также через апелляцию к личному и культурному опыту адресата, что способствует формированию устойчивого ценностного суждения о значимости материнства в системе семейных отношений.

Стратегия пространственно-телесной метафоризации основана на репрезентации семейных ценностей и образа матери через метафоры дома, пути, объятий и взгляда. Эти образы переводят абстрактные культурные смыслы в телесно переживаемый и пространственно-локализованный опыт, усиливая ценностное и эмоциональное воздействие рекламных сообщений.

В рамках настоящего исследования стратегии универсализации, эмоциональной идентификации и пространственно-телесной метафоризации рассматриваются как аналитические категории, выделенные автором на основе положений современных исследований рекламного и публичного дискурсов [2; 3; 4; 7]. Выделение названных стратегий позволяет перейти к анализу конкретных фотоматериалов и проследить, каким образом лингвокультурные и социолингвистические модели репрезентации семейных ценностей реализуются в вербально-визуальных решениях социальной рекламы.

Рис. 1. «В глазах своей мамы я вижу всю любовь мира»

Вербальный анализ. Рекламное высказывание построено в форме *я-высказывания*, что способствует персонализации сообщения и вовлечению адресата в ценностное пространство семейных отношений. Использование притяжательного местоимения *своей* акцентирует принадлежность и устойчивую связь между ребенком и матерью, актуализируя представление о семье как базовой социальной и культурной единице. Лексема *мама* в отличие от нейтрального *мать* обладает выраженной эмоционально-культурной маркированностью и в русской лингвокультуре соотносится с представлениями о заботе, близости и безусловной поддержке.

Как отмечает Л. Н. Синельникова в исследовании, посвящённом «гендерным признакам языковой картины мира», образ матери в

публичном дискурсе может рассматриваться как культурно маркированный аксиологический концепт, отражающий традиционные ценностные представления общества [12]. Сочетание обобщающей лексики *вся* с абстрактным существительным *любовь* формирует гиперболизированный образ материнской любви как универсальной ценности, выходящей за рамки индивидуального опыта. Синтаксическая конструкция с глаголом перцептивного восприятия *я вижу* переводит ценностную категорию любви в сферу чувственно переживаемого и визуально подтверждаемого опыта, что усиливает эффект нормативности транслируемого смысла.

Визуально-семиотический компонент. Минималистичное линейное изображение матери и ребенка, заключенных в форму сердца, функционирует как визуальный символ семейного единства и эмоциональной защищенности. Сердце выступает универсальным культурным знаком любви и привязанности, а его включение в композицию усиливает аксиологическую нагрузку образа. Цветовое решение (красный и голубой) коррелирует с традиционными культурными ассоциациями любви, тепла и безопасности, закрепляя образ матери как источника стабильности и эмоционального равновесия в семейной картине мира.

Дискурсивная стратегия. В данном рекламном сообщении реализуется стратегия эмоционально-ценностной идентификации, направленная на формирование устойчивого ценностного суждения о роли матери в семье. Адресат соотносит себя с позицией ребенка, что способствует внутреннему принятию образа матери как центральной фигуры традиционной семейной модели и носителя базовых культурных ценностей.

Рис. 2. «Как бы далеко мы ни ушли, любовь мамы всегда будет вести нас домой»

Вербальный анализ. Высказывание построено в форме обобщенно-личного утверждения с использованием инклюзивного местоимения *мы*, что расширяет адресность сообщения и переводит индивидуальный опыт в плоскость коллективного культурного знания. Уступительная конструкция

«как бы далеко ни» актуализирует семантику преодоления жизненных обстоятельств, тогда как лексема *всегда* закрепляет представление о неизменности и устойчивости материнской роли. Использование интимной лексемы «мама» усиливает культурно-эмоциональную маркированность образа и соотносится с традиционными представлениями о матери как нравственном и ценностном ориентире.

Метафора *вести домой* обладает выраженной лингвокультурологической значимостью, поскольку в русской картине мира «дом» символизирует не только физическое пространство, но и сферу безопасности, принятия и семейной принадлежности. Таким образом, материнская фигура конструируется как медиатор между индивидуальным жизненным путем и ценностным ядром семьи.

Визуально-семиотический компонент. Изображение ладони, поддерживающей сердце, репрезентирует направляющую и охранительную функцию матери. Сердце функционирует как универсальный символ любви и привязанности, а жест поддержания визуально кодирует идею заботы и ответственности. Минималистичное исполнение изображения способствует быстрому считыванию ценностного смысла и его внутреннего принятия адресатом.

Дискурсивная стратегия. Реализуется стратегия ценностной универсализации, при которой образ матери и семейных отношений представлен как культурно устойчивый и нормативный. Социолингвистическая функция данной стратегии заключается в закреплении представления о матери как постоянном нравственном ориентире и связующем звене между личным опытом и традиционной семейной моделью.

Рис. 3. «Сколько бы тебе ни было лет, ты всегда нуждаешься в маме»

Вербальный анализ. Рекламное высказывание строится на персонализированной адресации через местоимение *ты*, что усиливает эффект прямого обращения и создает иллюзию интимного диалога

с адресатом. Уступительная конструкция *сколько бы тебе ни было лет* снимает возрастные и временные ограничения, подчеркивая универсальность и неизменность потребности в материнской поддержке. Глагольная форма *нуждаешься* акцентирует постоянный, глубинный характер этой связи, представляя ее не как ситуативную зависимость, а как экзистенциальную необходимость, сохраняющуюся на протяжении всей жизни. Лексема *мама* функционирует как лингвокультурный маркер близости и эмоциональной защищенности, что способствует формированию позитивного ценностного суждения о роли матери в семейной структуре.

Визуально-семиотический компонент. Образ матери, обнимающей ребенка, репрезентирует телесное измерение заботы и эмоциональной поддержки. Объятие как универсальный невербальный знак безопасности и принятия усиливает вербальный посыл и переводит ценностный смысл в сферу телесно переживаемого опыта.

Дискурсивная стратегия. В данном случае реализуется стратегия эмоционально-ценностной идентификации, направленная на формирование и закрепление представления о матери как незаменимом элементе семейной системы. Социолингвистическая функция стратегии заключается в нормализации идеи постоянной значимости материнской фигуры на протяжении всей жизни человека.

Рис. 4. «Объятия мамы – лучшее место на земле»

Вербальный анализ. Высказывание основано на метафорическом переосмыслении пространственного понятия *место*, которое в данном контексте наполняется аксиологическим содержанием. Объятия матери репрезентируются как символически маркированное пространство максимальной безопасности, принятия и эмоционального комфорта. Суперлатив *лучшее* задает ценностную иерархию, в рамках которой семейная близость превосходит любые иные социальные или географические пространства. Использование лексемы *мама* актуализирует культурно обусловленное представление о матери как источнике базовой эмоциональной устойчивости и нравственного равновесия.

Визуально-семиотический компонент. Изображение матери и ребенка в момент объятия функционирует как визуальный эквивалент защищенного

пространства. Композиция изображения и телесный контакт персонажей усиливают восприятие семьи как зоны эмоциональной стабильности и культурной нормы.

Дискурсивная стратегия. Реализуется стратегия пространственно-телесной метафоризации, при которой абстрактные семейные ценности переводятся в телесно и пространственно-переживаемый опыт. В социолингвистическом аспекте данная стратегия способствует формированию устойчивого ценностного суждения о материнстве как основе традиционной семейной картины мира.

Выводы и перспективы развития поставленной проблемы. Проведенный анализ вербальных и визуально-семиотических компонентов рекламных сообщений (Рис. 1–4) позволяет охарактеризовать дискурс семейных ценностей в региональной социальной рекламе как структурированное и системно организованное коммуникативное явление. Рассматриваемые тексты и изображения реализуют устойчивый набор лингвокультурных и дискурсивных стратегий, направленных на формирование и закрепление ценностных представлений о семье и роли матери в традиционной картине мира.

Во всех проанализированных случаях фигура матери репрезентируется как центральный элемент семейной системы и ключевой носитель ценностей заботы, эмоциональной поддержки и стабильности. Лексема «мама» и связанные с ней номинации функционируют не только как обозначения конкретного социального статуса, но и как культурно маркированные знаки, актуализирующие представление о семье как пространстве эмоциональной защищенности и нравственной опоры. Использование уступительных конструкций, обобщающих лексем и инклюзивных форм адресации способствует снятию возрастных, социальных и временных ограничений и переводу индивидуального эмоционального опыта в сферу коллективного ценностного суждения.

Взаимодействие вербального и визуального компонентов обеспечивает высокий уровень эмоциональной и смысловой прозрачности рекламных сообщений. Минималистичные изображения матери и ребенка, а также устойчивые символы сердца и объятий функционируют как универсальные лингвокультурные маркеры семейной близости, заботы и защиты. Пространственные и телесные метафоры (*дом, объятия, место*) способствуют конкретизации абстрактных ценностей и их репрезентации в форме телесно и чувственно переживаемого опыта, что усиливает воздействующий потенциал рекламы в условиях городской среды.

С точки зрения дискурсивной организации в анализируемом материале доминируют стратегии универсализации, эмоционально-ценностной идентификации и нормативно-ценностной апелляции. Их совокупное функционирование направлено на формирование устойчивого ценностного суждения о матери как незаменимой фигуре семейной структуры и нравственном ориентире, сохраняющем свою значимость на протяжении всей жизни человека.

Таким образом, социальная реклама города Луганска, апеллирующая к образу матери, выполняет не только коммуникативную, но и социолингвистическую функцию, способствуя закреплению традиционных

семейных ценностей в публичном дискурсе и формированию коллективных представлений о семье как базовой социокультурной ценности регионального сообщества.

Список литературы

1. **Аматов, А. М.** Дискурс социальной рекламы: прагматика прагматизма / А. М. Аматов // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2021. – Т. 7, № 3. – С. 52–61.
2. **Анисимова, Т. В.** Особенности использования стилистических фигур в дискурсе социальной рекламы / Т. В. Анисимова, С. А. Чубай // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2022. – № 2. – С. 97–105.
3. **Беляева, Н. А.** Эмоциональное воздействие как коммуникативная стратегия социальной рекламы / Н. А. Беляева // Медиалингвистика. – 2022. – № 4. – С. 78–89.
4. **Гаврилова, Е. С.** Язык эмоций в публичном дискурсе: социалингвистический аспект / Е. С. Гаврилова // Вестник гуманитарных исследований. – 2023. – № 1. – С. 34–42.
5. **Горячев, А. А.** Стратегии и тактики рекламного дискурса / А. А. Горячев. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2010. – 214 с.
6. **Епремян, Т. В.** Дискурс социальной рекламы в современном городском пространстве / Т. В. Епремян // Вопросы рекламного дискурса. – 2021. – № 3. – С. 45–60.
7. **Зотова, А. С.** Семиотика рекламной коммуникации в сетевых социальных сервисах web 2.0 / А. С. Зотова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Т. 12, № 4. – С. 1285–1298.
8. **Ильина, М. А.** Региональная социальная реклама как инструмент ценностной консолидации общества / М. А. Ильина // Социальные коммуникации. – 2023. – № 2. – С. 59–67.
9. **Казаченко, О. В.** Репрезентация семейных ценностей в социальной рекламе: лингвистический аспект / О. В. Казаченко // Язык и культура. – 2024. – № 2. – С. 15–29.
10. **Пирогова, Ю. К.** Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации / Ю. К. Пирогова // Текст. Интертекст. Культура : сб. докл. междунар. науч. конф. (Москва, 4–7 апр. 2001 г.) / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. ; [ред.-сост.: В. П. Григорьев, Н. А. Фатеева]. – Москва, 2001. – С. 543–553.
11. **Ремчукова, Е. Н.** Языковые средства формирования имиджа России в современной рекламе / Е. Н. Ремчукова, В. А. Омеляненко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – Т. 8, № 2. – С. 341–349.
12. **Синельникова, Л. Н.** Гендерные признаки языковой картины мира / Л. Н. Синельникова // Динамизм социальных процессов в постсоветском обществе : сб. материалов I Междунар. семинара (Луганск, 10–12 окт. 2000 г.) / [отв. ред. вып.: Л. Н. Синельникова, Л. Ф. Компанцева, Г. А. Петровская.]. – Луганск ; Цюрих ; Женева, 2001. – Вып. 2, ч. 1. – С. 142–157.

13. **Соболева, И. А.** Аксиологические параметры дискурса социальной рекламы / И. А. Соболева // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2025. – № 1(123). – С. 59–67.
14. **Соколова, И. В.** Визуально-семиотические средства репрезентации семейных ценностей в социальной рекламе / И. В. Соколова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – № 6. – С. 112–118.
15. **Терских, М. В.** Типология стратегий коммуникативного воздействия в дискурсе социальной рекламы / М. В. Терских // Научный диалог. – 2020. – № 4. – С. 164–175.

Davidkova E. P.

Axiology of Family Values in Regional Social Advertising

The article examines regional social advertising as a form of public discourse aimed at the transmission and consolidation of family values. The purpose of the study is to identify the sociolinguistic and linguocultural characteristics of the image of the mother in social advertising in the city of Lugansk. The research material consists of advertising banners representing motherhood as one of the key axiological concepts preserving long-standing traditions. The article employs an integrated approach that includes discourse analysis, sociolinguistic analysis, and visual-semiotic methods. The results of the study make it possible to define the image of the mother as a tool for shaping value judgments about the role of the family in the regional public space.

Key words: family values, axiology, social advertising, regional discourse, traditional worldview, image of the mother

Пономарева Татьяна Александровна,
канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
tanya_p-05@mail.ru

Стилевые доминанты и лингвистические вызовы цифровой эпохи

Статья посвящена изучению некоторых инвариантных характеристик и стилевых доминант интернет-коммуникации. Подробно описывается такая стилевая доминанта, как кликбейт, который понимается как проявление лингвокреативности автора. Отмечено двойственное отношение к кликбейту в современной интернет-коммуникации: с одной стороны, он воспринимается как инструмент дезинформации и манипуляции адресатом, с другой стороны, кликбейт может рассматриваться как эффективный способ привлечения целевой аудитории. Описываются некоторые тенденции и лингвистические вызовы, наблюдаемые в языке цифровой эпохи: стирание границ между устной и письменной речью, трансформация языковых норм, проблема достоверности и верификации информации, влияние на когнитивные процессы пользователей.

Ключевые слова: цифровая эпоха, интернет-коммуникация, стилевые доминанты, кликбейт, лингвистические вызовы

Введение. Цифровая эпоха, стремительно ворвавшаяся в нашу жизнь, не только трансформировала способы коммуникации, но и оказала огромное влияние на язык, породив новые стилевые доминанты и поставив перед нами ряд лингвистических вызовов. Сегодня мы живем в мире, где текст становится мгновенным, динамичным, интерактивным и визуальным, и это неизбежно отражается в том, как мы говорим, пишем и воспринимаем информацию.

Цель статьи – рассмотреть основные инвариантные черты и стилевые доминанты интернет-коммуникации; описать такую стилевую доминанту, как кликбейт; обозначить некоторые тенденции, наблюдаемые в языке цифровой эпохи.

Теоретической базой для разработки данной темы стали труды таких ученых, как С. Ф. Барышева, Н. И. Клушина, Т. Н. Колокольцева, М. А. Кронгауз, О. В. Лутовинова, Л. Е. Малыгина, А. В. Николаева, Л. Н. Синельникова и др.

Методы и методология исследования. В ходе исследования применялись общенаучные методы наблюдения и анализа. Для изучения и интерпретации языкового материала использовались метод сплошной выборки и метод стилистического и контекстуального анализа.

Результаты исследования. Н. И. Клушина, С. Ф. Барышева, А. В. Николаева, Л. Е. Малыгина, опираясь на работы Б. Тошовича [21], полагают, что интернет «является особым стилистическим пространством,

со своей особой структурой, в котором находится место и для сетевых функциональных стилей, и для стилей не функциональных, в этом пространстве реализуются стилистические категории и приемы...» [20, с. 137].

Интернет-коммуникация – это «полифункциональное общение в электронной среде, для которого характерны дистантность, опосредованность, мультимедийность (и как следствие – поликодовость сообщений), гипертекстуальность, разнообразие дискурсивных и жанровых воплощений, а также возможность широкого варьирования по параметрам персональность / институциональность» [13, с. 5].

В интернет-коммуникации язык подвергается разнообразнейшим изменениям, причиной которых становятся экстралингвистические и интралингвистические факторы. К первым, вслед за Н. И. Клушиной, можно отнести то, что связано с технологическими возможностями интернета: «скорость, мгновенный обмен информацией, интерактивность, техническую опосредованность, многоканальность передачи информации, нелинейность, мультимедийность и т. п.» [12, с. 130]; ко вторым – «поликодовость, компрессию, гипертекстуальность, модульность и т. п.» [Там же]. Т. Н. Колокольцева, характеризуя языковые тенденции, наблюдаемые в интернет-коммуникации, отмечает такие её свойства: увеличение диалогичности, усиление коллоквиализации (разговорности; речь в интернете – «письменная разговорная речь»), тенденция к экспрессивизации общения (как следствие – увеличение лингвокреативности пользователей, реализующей людическую функцию языка), глобальное снижение и огрубление речи, что проявляется в нарушении языковых и речевых норм, норм нетикета и пр. [13, с. 6–7].

По мнению Н. И. Клушиной, С. Ф. Барышевой, А. В. Николаевой, Л. Е. Малыгиной, «стилистическое пространство интернета структурируется с помощью взаимообусловленных стилевых доминант, наиболее важными из которых представляются: устность, компрессия, мультимедиальность, креативность» [20, с. 137].

Клушина Н. И. и Николаева А. В. разрабатывают концепцию стилевых доминант по отношению к интернет-коммуникации, поскольку в ней зарождаются новые стилевые доминанты, отличающие ее от медиапространства предшествующей эпохи [10, с. 45]. «Любое коммуникативное пространство, – отмечают авторы, – структурируется с помощью стилевых доминант, которые, с одной стороны, объединяют тексты, циркулирующие в данном пространстве на основе каких-либо качественных их характеристик, а с другой стороны, позволяют дифференцировать различные коммуникативные пространства по наличию / отсутствию в них определенных стилевых доминант» [10, с. 44].

Стилевые доминанты, по определению Н. И. Клушиной и А. В. Николаевой, – это «отличительные стилистические черты, присущие целостной коммуникации», «структурирующие интернет-дискурс таким образом, чтобы привлечь максимальное внимание читателей к авторскому тексту» [10, с. 45]. К основным стилевым доминантам интернет-коммуникации Н. И. Клушина и А. В. Николаева относят кликбейт, хайп, холивар, троллинг и др. [10, с. 45].

В данной статье рассмотрим подробнее такую стилевую доминанту интернет-коммуникации, как кликбейт. Кликбейт – с английского языка

буквально – «приманка для кликов», «кричащий заголовок»; термин образован от английских слов «click» (кликнуть) и «bait» (наживка). Первоначально в определении кликбейта негативных коннотаций не было [10, с. 46]. Так, «Краткий словарь информационных технологий» определяет кликбейт как «снабжение текста сообщения в социальной сети или на сайте яркими привлекательными элементами для увеличения посещаемости. Этими элементами могут быть яркая картинка, броский заголовок и т. п.» [14]. Но практика использования кликбейта быстро приобрела негативные коннотации, что привело к общественному осуждению данного явления и его признанию неприемлемым в медийном пространстве и сфере интернет-коммуникаций.

Долгое время кликбейт обоснованно рассматривался (а иногда продолжает рассматриваться) отрицательно (например, в работах Н. И. Клушиной, А. В. Николаевой [10]; И. А. Битнер, А. В. Коршуновой, Б. О. Лузина [3]; А. А. Негрышева [17]; авторы коллективной монографии «Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность» ставят кликбейт в один ряд с явлениями фейка и постправды [23], С. В. Венидиктов рассматривает кликбейт как инструмент создания фейковых новостей [4]).

Вместе с тем, некоторые ученые, например, О. А. Гаврикова, отмечают, что в последнее время «под сомнением оказалась сама трактовка понятия кликбейтинга как смыслового искажения информации с целью привлечения внимания читателей к заведомо ложной или несущественной информации путем перехода по предлагаемой ссылке» [5, с. 208]. Исследователи считают, что заголовки, использующие приемы кликбейта, не всегда ведут к обману ожиданий реципиента. Нередко они выполняют функцию эффективного инструмента для привлечения внимания к материалу в условиях перенасыщенного информационного пространства [там же].

В последнее время лингвисты всё чаще пишут об изменении характера кликбейта [5; 16 и др.] и приходят к выводу, что понятие кликбейта претерпело трансформацию, в современной медиасреде он перестал быть синонимом обмана и манипуляций, превратившись в набор инструментов для привлечения внимания целевой аудитории.

Таким образом, можно отметить двойственное отношение к кликбейту. С одной стороны, он воспринимается как инструмент дезинформации и манипуляции адресатом. С другой стороны, кликбейт может рассматриваться как эффективный способ привлечения целевой аудитории.

Мы полагаем, что качественный современный кликбейт является проявлением лингвистической креативности автора, сохраняя при этом свою основную, аттрактивную, функцию – функцию привлечения внимания. Однако среди исследователей нет единого мнения: некоторые считают кликбейт и лингвокреативность принципиально разными явлениями. В то время как лингвокреативность опирается на оригинальность и словотворчество для привлечения внимания, кликбейт использует провокацию и манипуляцию. Лингвокреативность стремится удивить и вызвать интеллектуальный отклик, тогда как кликбейт нацелен на быструю, часто поверхностную реакцию, играя на эмоциях без глубокого содержания.

По нашему мнению, современный качественный кликбейт можно считать проявлением авторской лингвокреативности, поскольку его сильный воздействующий потенциал сближает эти понятия.

Проиллюстрируем данные рассуждения примерами.

Мы обратились к статьям канала «Файнманомика – финансы без паники» [22] на платформе Дзен. Этот канал представляет собой «блог независимого финансового советника, где он простым языком объясняет, как устраивать личные финансы и инвестиции так, чтобы деньги работали на человека, а не наоборот» (описание канала) [22].

Синтаксис заголовков играет ключевую роль в их восприятии. Типичная синтаксическая структура – это либо два простых предложения, либо бессоюзное сложное предложение, где одно из простых часто является назывным. Например: *Средняя зарплата в России 2026: кому на Руси жить хорошо; Новый налог на вклады: сколько придется заплатить государству в 2026 году; Пенсии и зарплаты бюджетников выросли: правда или формальная индексация; Рубль неожиданно окреп: как это отразится на кошельках простых людей; Ловушки для кошелька: почему счетчики больше не спасают от тройных тарифов* [22]. Эти синтаксические особенности обеспечивают заголовкам краткость, информативную емкость, экспрессивность и выразительность.

Кроме того, заголовки часто строятся как вопросы или как повествовательные предложения с подразумеваемым вопросом (с использованием относительных местоимений): *Деньги есть? Разбираемся с ростом доходов; Прогноз для экономики понизили. Как это отразится на наших доходах; Повышение налогов и новые штрафы. Что еще приготовил нам май?; Августовская прибавка к пенсии: кому добавят и сколько; Коммуналка подорожает дважды за год: к чему готовиться и как экономить* [22]. Такая форма усиливает эмоциональную составляющую, побуждая читателя к переживаниям – тревоге, любопытству или удивлению. Заголовки эффективно используют апелляцию к выгоде или страху, поднимая острые социальные вопросы, например, о коммунальных платежах, пенсиях, налогах и штрафах.

Дубинина В. А. справедливо отмечает, что «цифровое пространство становится идеальной средой для реализации интертекстуального взаимодействия, поскольку структура коммуникации здесь предельно фрагментарна, нелинейна и реплицируема» [6, с. 36]. Такая особенность цифровой коммуникации находит яркое проявление и в создании кликбейт-заголовков. Так, в заголовке *Средняя зарплата в России 2026: кому на Руси жить хорошо* второе простое предложение представляет собой отсылку к поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Использование цитаты предполагает, что читатель знаком с культурным контекстом, что усиливает вовлечённость адресата, привлекает его внимание. Подобный приём, основанный на узнаваемости литературного источника, позволяет автору текста мгновенно установить связь с аудиторией, играя на общих культурных кодах и вызывая ассоциации с вечным вопросом о справедливости, поднятым в оригинальном произведении поэта.

Таким образом, кликбейт-заголовки не просто информируют о содержании, но и активно работают на привлечение аудитории, используя образные выражения и языковые приемы.

Цифровая эпоха ставит перед нами не только новые возможности, но и серьезные лингвистические вызовы, требующие осмысления и адаптации. Остановимся на некоторых из них. Размывание границ между устной и письменной речью. Язык общения интернета однозначно признаётся особой формой функционирования языка, при этом общепринятой номинации для этого явления нет. Так, Н. И. Клушина пишет о возникновении феномена «новой устности», М. А. Кронгауз говорит о «новой промежуточной форме языка», Анна А. Зализняк и И. Микаэлян называют этот феномен «спонтанная письменная речь», С. Ф. Барышева использует термин «устно-письменная форма речи», Е. И. Литневская, Т. Н. Колокольцева предлагают называть это явление «письменная разговорная речь» [8, с. 87]. Неоспоримым является тот факт, что мессенджеры и социальные сети стирают грань между формальным письмом и неформальным общением. Это приводит к целому ряду лингвистических проблем: снижению уровня грамотности, упрощению языка и др.

Трансформация языковых норм и правил. Традиционные языковые нормы, сформированные в эпоху печатного слова, подвергаются испытанию. Появляются новые слова, выражения, грамматические конструкции, которые не всегда вписываются в существующие правила. Вопрос о том, следует ли эти новые явления фиксировать и кодифицировать, остается открытым. Этим проблемам посвящено множество научных работ [1; 2; 7; 8; 9; 11; 16; 18; 24 и др.].

Проблема достоверности и верификации информации. Скорость распространения информации в цифровом пространстве порождает проблему фейковых новостей и дезинформации. Язык, используемый в таких материалах, часто манипулятивен и эмоционально заряжен, что затрудняет критическое восприятие.

Влияние на когнитивные процессы пользователей. Постоянное потребление коротких, визуально насыщенных текстов может влиять на нашу способность к концентрации, глубокому анализу и критическому мышлению. Язык становится инструментом быстрого получения информации, а не средством для ее глубокого осмысления. Обилие информации и скорость ее потребления порождают феномен «клипового мышления», когда глубокое погружение в тему уступает место поверхностному ознакомлению с множеством фактов.

Выводы и перспективы развития поставленной проблемы. Итак, цифровая реальность требует от носителей языка гибкости и адаптивности, заставляя переосмысливать традиционные нормы и искать свежие формы выражения. В интернет-коммуникации язык подвергается разнообразнейшим изменениям, причиной которых становятся экстралингвистические и интралингвистические факторы. Целесообразно говорить о стилевых доминантах интернет-коммуникации, которые её структурируют таким образом, чтобы максимально реализовать аттрактивную функцию – функцию привлечения и удержания внимания. В статье была проанализирована такая стилевая доминанта интернет-коммуникации, как кликбейт. Современные кликбейт-заголовки считаем возможным рассматривать как проявление лингвокреативности автора, то есть его способности творчески использовать языковые средства для достижения определенной цели. Изучение других

стилевых доминант (хайпа, холивара, троллинга и др.), описание их трансформаций и изменений видится в перспективах исследования.

Цифровизация породила новые формы общения, новые жанры, новые способы взаимодействия, что, в свою очередь, поставило перед лингвистикой ряд вызовов. Изучение этих вызовов не только обогащает наше понимание языка как такового, но и имеет практическое значение для развития образования, межкультурной коммуникации и сохранения языкового наследия.

Список литературы

1. **Барышева, С. Ф.** «Устно-письменная» форма речи в интернет-коммуникации как проявление тенденции к разговорности и диалогичности / С. Ф. Барышева // Мир лингвистики и коммуникации. – 2021. – № 2. – С. 34–47.
2. **Барышева, С. Ф.** Креативные ресурсы категории разговорности в современной интернет-коммуникации / С. Ф. Барышева, Н. И. Клушина // Верхневолжский филологический вестник. – 2022. – № 4. – С. 23–29.
3. **Битнер, И. А.** Кликбейтные заголовки в зеркале теории речевых актов / И. А. Битнер, А. В. Коршунова, Б. О. Лузин // Сибирский филологический форум. – 2021. – № 2(14). – С. 24–36. – DOI: 10.25146/2587-7844-2021-14-2-75.
4. **Венидиктов, С. В.** Кликбейт-заголовки «негативных» новостей правоохранительной тематики (по материалам портала TUT.BY) / С. В. Венидиктов // Языковая компетентность: методические аспекты практико-ориентированного образования : материалы II Междунар. науч.-метод. конф. (27–30 апр. 2020 г.) / редкол.: С. В. Венидиктов (отв. ред.) [и др.]. – Могилёв, 2020. – С. 42–48.
5. **Гаврикова, О. А.** Анализ смысловой организации медиатекстов (на примере кликбейт-заголовков новостного онлайн-издания The Guardian) / О. А. Гаврикова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13, вып. 2. – С. 207–211. – DOI: 10.30853/filnauki.2020.2.41.
6. **Дубинина, В. А.** Интертекстуальность в цифровом дискурсе / В. А. Дубинина // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2025. – № 4(129). – С. 35–40.
7. **Едличко, А. И.** Языковые нормы в цифровую эпоху / А. И. Едличко // Вестник Московского Университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2025. – Т. 28, № 2. – С. 91–104. – DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-6.
8. **Занадворова, А. В.** О терминах «письменная разговорная речь» и «непринужденная письменная речь» / А. В. Занадворова // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2024. – № 3(41). – С. 86–96. – DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.7.
9. **Иванова, М. В.** Русский язык в современном интернет-пространстве: динамические процессы и тенденции развития / М. В. Иванова, Н. И. Клушина // Русистика. – 2021. – Т. 19, № 4. – С. 367–382.
10. **Клушина, Н. И.** Введение в интернет-стилистику / Н. И. Клушина, А. В. Николаева. – Москва : ФЛИНТА, 2020. – 240 с.

11. **Клушина, Н. И.** Русская разговорная речь в Интернете: от категории разговорности к «новой устности» / Н. И. Клушина // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2024. – № 3(41). – С. 185–193.
12. **Клушина, Н. И.** Стилистика цифровой эпохи: вызовы и перспективы / Н. И. Клушина // Лингвистика первой четверти XXI века: тенденции, итоги и перспективы : кол. моногр. / Е. Н. Васильева, Доу Чуньяо, Е. Я. Дугин [и др.] ; под общ. ред. А. А. Романова. – Москва, 2024. – С. 120–140.
13. **Колокольцева, Т. Н.** Предисловие / Т. Н. Колокольцева // Интернет-коммуникация как новая речевая формация : монография / науч. ред.: Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. – 5-е изд., стер. – Москва, 2025. – С. 5–9.
14. **Краткий словарь информационных технологий.** – Текст : электронный // HT Lab : [сайт]. – URL: <https://ht-lab.ru/obuchenie/slovari/kratkiy-slovar-it/klikbeyt/> (дата обращения: 25.04.2026).
15. **Кузнецов, Е. С.** Эволюция кликбейта: от инструмента желтой прессы к ключевой технологии интернет-СМИ / Е. С. Кузнецов // Верхневолжский филологический вестник. – 2021. – № 2(25). – С. 48–54. – DOI: 10.20323/2499-9679-2021-2-25-48-54.
16. **Кухтенкова, Е.** Скобки вместо точки: Лингвист Максим Кронгауз рассказал, что значит «насыпать ногти» и почему это немодно / Е. Кухтенкова. – Текст : электронный // Российская газета. – 2025. – 5 дек. – URL: https://rg.ru/2025/12/05/lingvist-krongauz-obiasnil-pochemu-nemodno-nasypat-nogti-v-konce-predlozheniia.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.rsu.ru%2F (дата обращения: 25.04.2026).
17. **Негрышев, А. А.** Механизм когнитивной «ловушки» в баннерном кликбейт-заголовке / А. А. Негрышев // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – № 7(43). – С. 1–6. – DOI: 10.18454/RULB.2023.43.33.
18. **Сейсенбаева, А. Т.** Динамика языковой нормы в эпоху цифровой коммуникации: между консервацией и инновацией / А. Т. Сейсенбаева // Молодой ученый. – 2025. – № 20.1(571.1). – С. 20–23.
19. **Синельникова, Л. Н.** Хештегирование как новая дискурсивная практика / Л. Н. Синельникова // Лингвистика первой четверти XXI века: тенденции, итоги и перспективы : кол. моногр. / Е. Н. Васильева, Доу Чуньяо, Е. Я. Дугин [и др.] ; под общ. ред. А. А. Романова. – Москва, 2024. – С. 141–164.
20. **Стилистические доминанты интернет-коммуникации** / Н. И. Клушина, С. Ф. Барышева, А. В. Николаева, Л. Е. Малыгина // Актуальные проблемы стилистики. – 2020. – № 6. – С. 136–144.
21. **Тошович, Б.** Структура интернет-стилистики / Б. Тошович. – Москва : Флинта : Наука, 2018. – 492 с.
22. **Файнманомика – финансы без паники.** – Текст : электронный // Яндекс Дзен : [блог-платформа : сайт]. – URL: <https://dzen.ru/a/ag4K2YIf7UXjuUpx> (дата обращения: 25.04.2026).
23. **Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность** : кол. моногр. / С. Т. Золян, Н. А. Пробст, Ж. Р. Сладкевич [и др.] ; под ред. Г. Л. Тульчинского. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. – 288 с.

24. Штукарева, Е. Б. Языковая специфика интернет-коммуникации / Е. Б. Штукарева // Интернет-коммуникация как новая речевая формация : монография / науч. ред.: Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. – 5-е изд., стер. – Москва, 2025. – Гл. 16. – С. 291–303.

Ponomareva T. A.

Stylistic Dominants and Linguistic Challenges of the Digital Age

This article is dedicated to the study of some invariant characteristics and stylistic dominants of internet communication. A stylistic dominant such as clickbait is described in detail, understood as a manifestation of the author's linguistic creativity. The dual attitude towards clickbait in modern internet communication is noted: on the one hand, it is perceived as a tool for disinformation and manipulation of the addressee; on the other hand, clickbait can be considered an effective way to attract a target audience. Some trends and linguistic challenges observed in the language of the digital age are described: the blurring of boundaries between oral and written speech, the transformation of linguistic norms, the problem of information reliability and verification, and the influence on users' cognitive processes.

Key words: digital age, internet communication, stylistic dominants, clickbait, linguistic challenges

Селезнева Кристина Олеговна,
канд. филол. наук,
ст. преподаватель отдельной дисциплины
ФГКВОУ ВО «КВВАУЛ
им. Героя Советского Союза А. К. Серова»
kireeva_kristina@mail.ru

Жаргонная лексика и фразеология сферы образования, воспитания и обучения XIX века

Статья посвящена рассмотрению жаргонной лексики и фразеологии, относящейся к сфере образования, воспитания и обучения в русском языке XIX века. Методом сплошной выборки из «Словаря русского школьного жаргона XIX века» О. А. Анищенко был получен лексический и фразеологический корпус, который послужил материалом для дальнейшего исследования. В результате были выделены 40 семантических групп, которым дана характеристика и произведено их описание. Отдельно рассмотрены самые многочисленные группы, проанализированы способы пополнения жаргона исследуемой сферы рассматриваемого временного периода.

Ключевые слова: жаргонная лексика и фразеология, семантическая группа, сфера образования, воспитания и обучения, молодёжный жаргон, метод сплошной выборки, словарные данные

Введение. В связи с расширением зоны активного употребления жаргонизмов, которые переходят в разговорное употребление из социально ограниченных подсистем, оказывая тем самым мощное влияние на язык средств массовой коммуникации и интернета, проблема жаргонизации современного русского языка привлекает всё большее внимание исследователей.

Теоретико-методологическая основа. Представление о разнообразии социальных групп, использующих жаргон, можно получить из работ О. А. Брагиной, В. В. Журы, М. С. Невзоровой, С. В. Манджиевой, Д. Д. Халгаевой, Д. Н. Радоченко, Е. С. Джалсановой, Б. А. Тюрбеовой, Ю. Цзюй и Ж. Лю [3; 7; 16; 20]. Результаты исследования английского и немецкого жаргона встречаем у Е. Н. Галичкиной, Л. М. Шатиловой, Я. В. Зубковой и С. Н. Орловой [5; 21], а сопоставление жаргона в разных языках – у М. И. Гусевой, Т. Я. Заглядкиной, Л. Г. Петровой, А. Г. Мартиросян, О. Н. Кравченко [6; 10]. Особенности изучения жаргонной лексики среди иностранцев занимаются А. М. Ямалетдингова и Л. Р. Глотова [22].

Разновидности, ключевые процессы и особенности функционирования современного молодёжного жаргона в русском языке освещаются Х. И. Албагачиевой, З. И. Добриевой, С. М. Рабадановой, З. В. Режук, О. В. Ширияевой-Ширинг и Е. А. Хомяковым [23; 1; 11; 12; 19]. Нельзя не упомянуть О. А. Анищенко, чей вклад в изучение жаргона XIX века сложно переоценить, так как ее «Словарь русского школьного жаргона XIX века» представляет собой, на наш взгляд, кладёзь забытых школяризов.

К важной проблеме разграничения понятий *жаргон*, *сленг* и *арго* обращаются в своих трудах М. А. Кропачева и Е. С. Литвинова, поскольку многообразие исследований в данной области «не облегчает, а, напротив, усложняет разграничение этих языковых образований» [8, с. 79].

Поскольку предметом нашего исследования является жаргонная лексика и фразеология сферы образования, воспитания и обучения XIX века, обратимся к определению понятия *жаргон*. Толковые и литературоведческие словари русского языка, а также словари иностранных слов сходятся в трактовке жаргона как речи «какой-либо социальной или профессиональной группы, содержащей большое количество свойственных только этой группе слов и выражений (часто искусственных, тайных или условных)» [3]. Нам близка подобная трактовка, поэтому мы в своей работе будем опираться на неё, выделяя такие основные признаки жаргона, как искусственность и понятность ограниченному кругу лиц.

Отметим, что в лексикографических источниках наблюдается относительное единство в определении жаргона, поэтому, исходя из того, что язык учащейся молодёжи (студенческий жаргон и школьный жаргон) является частью молодёжного жаргона [17; 18], естественно, что в научной литературе такие словосочетания, как «молодёжный сленг», «молодёжный жаргон», «молодёжный социолект», «молодёжная речь», «школьный жаргон», «студенческий жаргон» используются как синонимы.

Актуальность исследования. «Современное общество всё чаще сталкивается с трудностями речевого самовыражения, а также с отсутствием устойчивой мотивации к осмысленному анализу качества коммуникации. Эти явления отражают не только пробелы в культуре речи, но и более глубокие ценностные, воспитательные и моральные проблемы, имеющие значительный социальный резонанс» [10, с. 13]. Жаргон является отражением тех процессов, которые происходят в обществе, поэтому изучение данного пласта лексики и фразеологии XIX века актуально для более глубокого понимания социокультурной ситуации России того времени. Изучение жаргона позволяет проследить взаимоотношения между литературным языком и другими подсистемами национального языка не только в статике, но и в динамике, что подчёркивает *значимость* предпринятого исследования.

Цель статьи – дать характеристику жаргонной лексике и фразеологии сферы образования, воспитания и обучения в русском языке XIX века. Выбор темы не случаен, поскольку является частью комплексного описания лексико-фразеологического поля названной сферы [13; 14; 15].

Методы исследования. Использование описательного метода помогло нам представить теоретические основы изучения жаргонной и сленговой лексики и фразеологии, а для сбора материала мы обратились к воспоминаниям бывших студентов, учащихся гимназий, семинарий, кадетских корпусов и к «Словарю школьного жаргона XIX века» О. А. Анищенко [2], о котором упоминали выше. Методом сплошной выборки был получен материал, представляющий собой 699 лексических и фразеологических единиц, относящихся к сфере образования, воспитания и обучения. Данный корпус был систематизирован и распределён по семантическим группам.

Результаты исследования. В общей сложности получилось 40 групп, которые представлены ниже в порядке убывания. Отметим, что в связи

с ограниченным объёмом статьи в качестве примеров будут приводиться лишь некоторые единицы из всей группы.

Характеристика человека и его качеств в отношении к обучению и воспитанию (101 единица): амартан; балдюк; вольница; деликатес; долбяжка (долбляшка) и т. д.

Шутки, насмешки, издевательства и побои (69 единиц): бенефис; паля; пиво; смазь и т. д.

Наименования учащихся в зависимости от класса и/или года обучения (61 единица): дикарь; козерог; малыш; пернатый и т. д.

Наименования учащихся определённых учебных заведений (41 единица): внучки; гимназ; костомаровец; реал и т. д.

Наказание с воспитательной целью (33 единицы): лупсенция; румяны; субботник; факельщик и т. д.

Еда, напитки, выпивка (29 единиц): вкусы; кусочки; мертвичина; пивомедие и т. д.

Действия учителя и обучающегося на уроке и вне урока (29 единиц): бегать; дёргать; засохнуть; кричать и т. д.

Наименования документов и нормативных актов (23 единицы): коман; матрикул; пересадка; титулка и т. д.

Обучение чему-либо, усвоение знаний, приобретение навыков (23 единицы): долбня; скоблить; зубрёж; в зуб знать и т. д.

Объединения лиц и лица, связанные общей деятельностью (22 единицы): блохи; духовенство; зелёные; кулей и т. д.

Наименования учащихся в зависимости от их обязанностей (21 единица): дежурный; дядька; комиссар; сениор и т. д.

Оценки и оценивание (20 единиц): месячные баллы; пятки; чвара; шестёрка и т. д.

Учебные, воспитательные и просветительские помещения, места, здания и сооружения (20 единиц): жедепом; капонир; класс; номер и т. д.

Формы отчётности и виды контроля (16 единиц): передержка; передряга; говорящие программы; пуститься на феру и т. д.

Наименования учащихся по внешности (14 единиц): девочки; старик; чугунный; матрёшка и т. д.

Степень подготовки к занятиям (14 единиц): заторнуть; подкинуть; надавать жарких; оставить на племя и т. д.

Игры, развлечения (12 единиц): бриманка; пёрышки; швычки; ломать пряники и т. д.

Наименования учащихся в зависимости от их положения в коллективе (12 единиц): богаделка; любимец; спартанец; цукатель и т. д.

Наименования учащихся в зависимости от направления обучения, факультета, специальности (11 единиц): богослуй; поэт; академик училищный; философ и т. д.

Временные промежутки, периоды, перерывы в образовательном процессе (10 единиц): вакат; места; рекреация; торжество старых дев и т. д.

Прогулы занятий (10 единиц): втыкать; огуряться (огурнуться); спасаться; править казну и т. д.

Одежда (9 единиц): анафемская; бриль; мантошки; красная говядина и т. д.

Наименования учащихся в зависимости от их достижений, получаемых ими льгот (7 единиц): закал; кредитчик; оседлый; отличник и т. д.

Обозначение благосостояния студента (7 единиц): барич; белоподкладочник; казна пузатая; фатёрный ученик и т. д.

Наименования мероприятий, акций, песен, ритуалов и обычаев (6 единиц): заведенция; коммерш (комерж); стодневка; звериада и т. д.

Прозвища отдельных учащихся (6 единиц): бегути; милушка (милуска); нарекать; азбучка забалдырь Евангилье Свитцы и т. д.

Наставление, поучение, совет (5 единиц): накопация; нотаия; антимоию разводить; раця и т. д.

Общие наименования учащихся (4 единицы): павлушка; студиус; футур; футурус.

Размещение обучающихся в классе (4 единицы): дислокация; кавказ; камчатка; пересадка.

Характеристика педагогов по характеру и отношению к учащимся и работе (4 единицы): амфибия; забывала; добрая амфибия; мстительная амфибия.

Наименования классных руководителей (3 единицы): классуха; синявка; синий пастух.

Наименования руководителей, их должностей и деятельности (3 единицы): маман; локомотив; лукавый царедворец.

Наименования учебных подразделений (3 единицы): академия; риторика; точка.

Отчисление (3 единицы): выгонять-выгнать; исключиться; отправить за ворота.

Показатели успеваемости (3 единицы): золотая доска; красная доска; чёрная доска.

Шпаргалки, их использование и списывание (3 единицы): антидраль; антиплешь; сфурить.

Виды занятий (2 единицы): побочный; семинарий.

Наименования лиц после окончания учебного заведения (2 единицы): мышь; пепиньерка.

Общие наименования педагогов (2 единицы): звери; мушник.

Предметы, используемые в обучении и воспитании (2 единицы): кафедра; клякс папир.

Перечислим отдельно единицы, не вошедшие ни в одну семантическую группу: ABS; азбучка; анафематика; букет; бумаженция; в обноску; вокзал; вынести-выносить; галда; деньки; ковать; дикий; душка; ермолафия; запечатать; казённик; калю; камчатка; ковка; коза; курило; кусочница; матрикулист; обедник; оказёниться; перемена; подскуливаться; тараканиус; девятая школа; развод с церемонией.

Из приведённых данных видно, что самой многочисленной является семантическая группа «Характеристика человека и его качеств в отношении к обучению и воспитанию». В её состав входит 86 лексем и 15 словосочетаний. Безусловно, во все времена учащиеся обращают внимание на то, как учатся одноклассники и/или одноклассники. Конечно, всегда присутствует элемент конкуренции, а порой и зависти. Так,

в институтской среде XIX века прилежных и послушных учениц, которые стремились всячески угодить классным дамам, насмешливо называли *бонсюжешка, временищица, парфетка, парфешка*. Если хотели выразить своё к ним презрение, обращались к таким лексическим единицам, как *подлизака, подлизалка, подлизушка, подлипалка, подлипало, подольстиха*. В семинарии своё призрение к послушным семинаристам выражали при помощи лексемы *подхолюз*, которая несла в себе значение «ласкатель, льстец».

В зависимости от учебного заведения лучшего ученика в классе в жаргоне гимназистов называли *золотой*, в жаргоне семинаристов – *первопартник*, а у институток – *сливки*. В рассматриваемой семантической группе достаточно длинный синонимический ряд для характеристики глупых, невнимательных учеников и лентяев: *балдюк, бестия, биток, волтруп, дриттки (дритки), оболтус, пошехонцы, самогиты*. Нередко такие учащиеся оставались на второй год обучения, поэтому в училище их называли *бородач*, в семинарии – *кандидат*, в институте – *старенькая* или *чужестранка*, а в гимназии – *старик*.

К рассматриваемой нами группе относятся презрительные наименования учеников, которые бессмысленно заучивали заданный к уроку материал: *долбёжник, долбяжка (долбяшка), зубрила, зубрилка, зубрило, зубряга, зубряжка, прожигала*. Как мы видим, часть из них прошла испытание временем и употребляется до сих пор (*зубрила, зубрилка, зубрило, зубряжка*).

На наш взгляд, не менее важна и вторая по количественному составу группа «Шутки, насмешки, издевательства и побои», в состав которой входит 69 единиц. Данный факт свидетельствует о том, что не только шутки и/или насмешки, но и побои и/или издевательства присутствовали в ученической среде. В разных учебных заведениях были приняты различные формы издевательства. Так, например, в кадетской и юнкерской среде бытовали удары в разные части тела: *бляха* (ладонью по голове), *горчишник* (в спину), *кукунька* (в голову суставами пальцев сжатого кулака), *маслянка* (по голове костяшками пальцев, которые сжаты в кулак), *набрюшник* (в живот), *туз* (в шею кулаком) и *фарфорка* (в голову). Более того, принято было *поиграть на скрипке* (т. е. сдавить суставы пальцев новичку, чтобы причинить боль), *показать Москву* или *показать квартиры докторов «ай» и «ой»* (т. е. схватить за волосы и резко дернуть их вверх, причиняя боль), *сделать из лица «лимон»* или *«мопса»* (т. е. схватить лицо руками, а потом больно щипать его). У семинаристов присутствовали *банки* (удары), *волосьянка* (трёпка за волосы), *паля* (удар линейкой по руке), *пиво* (удар по кулаку, который приставляли к голове жертвы), *румяны* (порка), *потасовка* (побои, удары), *смазь* (когда захватывалась часть лица или всё лицо целиком всей пятернёй и оттягивалось в стороны, доставляя боль). Количество и разнообразие лексических и фразеологических единиц говорит о значимости для учащейся молодёжи XIX века этих явлений. Яркие, образные, стилистически иронично или негативно окрашенные, они передают атмосферу, царившую в учебных заведениях того времени.

С этой группой перекликается семантическая группа «Наказание с воспитательной целью». В её состав входит 33 единицы – 13 лексем и 20 словосочетаний. Провинившиеся ученики и/или ученицы должны были понести наказания, которые отличались своим разнообразием. Чаше

всего вне зависимости от учебного заведения наказание представляло собой порку (*лупсенция, поронция, румяны, секуция* – в семинарии, *субботник* – в школе, *отставка с мундиром* – в гимназии) или лишение еды (*столпничать* – т. е. стоять за столом все время обеда; *без последнего блюда* – т. е. лишение последнего блюда; *голодный стол, чёрный стол* – отсаживание провинившегося за отдельный стол, на котором не было ничего, кроме воды, соли и хлеба; *без булки; сидеть за букетом* – лишение еды).

Последний факт объясняет наличие достаточно большого количества жаргонных единиц для еды, напитков и выпивки (в состав соответствующей группы «Еда, напитки, выпивка» вошли 29 единиц). Отметим, что большую часть группы составляют лексемы и словосочетания, связанные с выпивкой (*вино, ёри, дубина, лимонадка, пивомедие, политемпель*) и возможностью употребить спиртное (*дербулызнуть, двинуть от всех скорбей, до положения риз, закатить гелертера, писать по восемнадцатому псалму, на руках возьмут тя, с носков долой*).

Отдельно необходимо остановиться на семантической группе «Наименования учащихся в зависимости от их обязанностей», в составе которой 21 единица. Наименования, входящие в данную группу, позволяют представить спектр обязанностей учащегося XIX века. Так, например, ученик, который помогал учителю сечь своих товарищей, именовался *секарь, секундатор, секутор* или *лозарь*. Того, кто во время порки должен был держать провинившегося, называли *держатель*. Особым уважением (о чём говорит помета *Уваж.*) пользовались старшие ученики, которые должны были следить за поведением других учащихся – *сениор, старший, старишина, старшой, тотор*. Во все времена для любого учащегося были важны и остаются таковыми оценки. Самые низкие оценки назывались *журавль, двушник, калюга, боковые, шестёрка, лебедь, дубина, шепёрка, кол, ноль (ноль)*, а высокие – *пятки, чвара*.

Длинный синонимический ряд шуточных наименований ситуации, когда учащийся не сдал экзамен, зафиксирован в группе «Формы отчётности и виды контроля»: *надраться, наплешишься, поюхаться, скалиться, спалиться, срезаться, ссадиться, ссыпаться, получить плешь*. Всего по две единицы зафиксировано в группах «Виды занятий», «Наименования лиц после окончания учебного заведения», «Общие наименования педагогов» и «Предметы, используемые в обучении и воспитании». Что касается словообразования, то анализ имеющегося материала позволяет утверждать, что пополнение жаргонной лексики и фразеологии сферы образования, воспитания и обучения в XIX веке происходило, прежде всего, за счёт метафоризации. Например, институтки называли воспитанниц старшего класса *белые*, поскольку те носили платья белого цвета, воспитанниц среднего класса – *голубые*, а младшего класса – *кофейные*. *Синей говядиной* или *синим пупом* называли гимназистов, у которых были шинели тёмно-серого оттенка с голубоватым отливом.

Продуктивной формой пополнения корпуса жаргонных единиц является заимствование. На основе проведенного исследования мы можем утверждать, что в XIX веке сфера образования, воспитания и обучения пополнялась за счёт заимствований не только из широко распространённого французского языка, но и из немецкого, латинского и греческого (например,

футур, вакация, парфетка, монитор, бури, жирандольки и т. д.) Благодаря субстантивации корпус рассматриваемой нами сферы в XIX веке обогатился лексемами *великовозрастный, золотой, кочевой, отчавый, старенькая, второкурсный, корявый, пернатый, рогатые, хвостатый* и т. д., а благодаря усечению – *гимназ* (гимназист), *реал* (реалист) и *семинар* (семинарист) и т. д. Достаточно продуктивными оказались суффиксы *-к* (*зубрилка* от *зубрила*; *зубряжка* от *зубряга*; *подлизака* от *подлиза* и т. д.); *-як* (*вторяк* от *второй*; *первяк* от *первый* и т. д.); *-ник* (*второгодник*; *ряпужник*; *уездник* и т. д.).

Выводы и перспективы развития поставленной проблемы. Подводя итоги, хочется отметить, что жаргонная лексика и фразеология сферы образования, воспитания и обучения XIX века – явление многоплановое, интересное, заслуживающее более пристального и внимательного изучения, представляющее собой широкое поле деятельности для исследователя. Экспрессивность, эмоциональная насыщенность, проявляющаяся в жаргонных единицах, предоставляет возможность «прикоснуться» к изучаемой эпохе, окунуться в мир обучающегося того времени.

Список литературы

1. **Албагачиева, Х. И.** Современная жаргонная лексика в социальных сетях и способы её образования / Х. И. Албагачиева, З. И. Добриева // Вестник филологических наук. – 2024. – Т. 4, № 7. – С. 123–127.
2. **Анищенко, О. А.** Словарь русского школьного жаргона XIX века / О. А. Анищенко. – Москва : ЭЛПИС, 2007. – 368 с.
3. **Большой толковый словарь русского языка** / гл. ред. С. А. Кузнецова. – Санкт-Петербург : Норинт, 2006. – 1536 с.
4. **Брагина, О. А.** Этнонимы как способ пополнения военного жаргона / О. А. Брагина // Вестник филологических наук. – 2023. – Т. 3, № 11. – С. 157–161. – EDN: BTOMMW.
5. **Галичкина, Е. Н.** Словообразовательный анализ английского жаргона фикрайтеров / Е. Н. Галичкина // Мир науки, культуры, образования. – 2025. – № 2(111). – С. 553–557. – EDN: ODSAXA.
6. **Гусева, М. И.** Продуктивные словообразовательные модели в молодёжной лексике немецкого и русского языков / М. И. Гусева, Т. Я. Заглядкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 1300–1305. – EDN: GJZCFH.
7. **Жура, В. В.** Особенности концептуализации действительности в медицинском жаргоне и сленге / В. В. Жура, М. С. Невзорова // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 4(60). – С. 654–659. – EDN: ERMZUA.
8. **Кропачева, М. А.** Актуальные вопросы разграничения понятий просторечие, общий жаргон и сленг в русской лингвистике / М. А. Кропачева, Е. С. Литвинова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – Т. 18, № 2. – С. 79–90. – EDN: YOMBMA.
9. **Марфина, Ж. В.** Риторизация учебно-образовательного процесса: реалии, проблемы, перспективы / Ж. В. Марфина, И. А. Соболева // Вестник Луганского государственного педагогического университета.

- Серия «Филологические науки». – 2025. – № 4(129). – С. 12–19. – EDN: VQMBPZ.
10. **Петрова, Л. Г.** Русский и китайский молодёжные жаргоны как необходимые для изучения пласты лексики / Л. Г. Петров, А. Г. Мартиросян, О. Н. Кравченко // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 76-3. – С. 219–222. – EDN: RAJJFZ.
 11. **Рабаданова, С. М.** Функционирование и разновидности молодежного жаргона в системе русского языка / С. М. Рабаданова // Успехи гуманитарных наук. – 2024. – № 3. – С. 51–55. – EDN: AMDZVI.
 12. **Режук, З. В.** К вопросу о конфликтотенном потенциале жаргонной лексики в современном медиадискурсе / З. В. Режук, О. В. Ширяева-Ширинг // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – Т. 14, № 1. – С. 1–10. – EDN: PRUYFI.
 13. **Селезнева, К. О.** Эвфемизмы в сфере образования / К. О. Селезнева // Казанская наука. – 2022. – № 6. – С. 63–65. – EDN: OEDZBT.
 14. **Селезнева, К. О.** Лексические единицы педагогической сферы в сравнениях / К. О. Селезнева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2025. – № 2. – С. 198–206. – EDN: EOPAIN.
 15. **Селезнева, К. О.** Сфера образования, воспитания и обучения в афоризмах / К. О. Селезнева // Социальные и гуманитарные знания. – 2025. – Т. 11, № 3. – С. 304–314. – EDN: MVUNPH.
 16. **Способы словообразования жаргонной лексики хакеров** / С. В. Манджиева, Д. Д. Халгаева, Д. Н. Радченко [и др.] // Вестник филологических наук. – 2023. – Т. 3, № 5. – С. 94–98. – EDN: IOKKHA.
 17. **Хасанова, Н. Х.** Молодёжный сленг и современные технологии коммуникации / Н. Х. Хасанова // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. – 2023. – № 3(272). – С. 89–94.
 18. **Хасанова, Н. Х.** Причины употребления сленга современной молодёжью (на примере студентов Таджикистана) / Н. Х. Хасанова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – 2022. – № 3-4(78). – С. 304–316. – EDN: BLVZWQ.
 19. **Хомяков, Е. А.** Дегерсонификация в русском молодёжном жаргоне / Е. А. Хомяков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18, № 10. – С. 4404–4409. – EDN: IXJGAA.
 20. **Цзюй, Ю.** Способы образования спортивных жаргонизмов в русском языке / Ю. Цзюй, Ж. Лю // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2022. – Т. 8, № 2. – С. 160–171. – EDN: EUVBWW.
 21. **Шатилова, Л. М.** Употребление молодёжного сленга и жаргона в немецком языке / Л. М. Шатилова, Я. В. Зубкова, С. Н. Орлова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – № 5-2. – С. 237–242. – EDN: KZMFVO.
 22. **Ямалетдинова, А. М.** Изучение жаргонной лексики в иностранной аудитории / А. М. Ямалетдинова, Л. Р. Глотова // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. – 2025. – № 3. – С. 17–26. – EDN: ZPRPCH.

23. Mamontova, Yu. Yu. Slang of the English language: influence on Russian culture as a means of communication among youth / Yu. Yu. Mamontova, V. V. Kostovarova // Service Plus. – 2024. – Vol. 18, № 4. – P. 153–160. – EDN: CAMOXR.

Selezneva K. O.

**Slang Vocabulary and Phraseology of the Education, Upbringing
and Training Sphere in the 19th Century**

This article is devoted to the consideration of slang vocabulary and phraseology related to the education, upbringing and training sphere in the 19th century in Russian language. Using a continuous sampling method from O. Anishchenko's dictionary of 19th century Russian school slang a lexical and phraseological corpus was obtained. It was used as material for further research. As a result, 40 semantic groups were identified, characterized and described. The most numerous groups were considered separately. The methods of expanding the slang of this area during this period under review were analyzed.

Key words: *slang vocabulary and phraseology, semantic group, education, upbringing and training, youth slang, continuous sampling method, dictionary data*

Скляр Наталья Владимировна,
канд. филол. наук, доцент,
заведующий кафедрой
романо-германской филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
natalieskljar@mail.ru

Солодун Илья Александрович,
аспирант 2 курса, научная специальность
«Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика»
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
solodun.illia1908@mail.ru

Лингвокультурный концепт как форма трансляции образного мышления в художественном дискурсе

В статье рассматривается сущность концепта, его когнитивно-культурная наполненность и роль в репрезентации национальной картины мира. Особое внимание уделено анализу конкретного лингвокультурного концепта в поэзии Гейнриха Гейне; показано, как художественный текст становится средством выражения культурной специфики, национальных ментальных и эмоциональных особенностей. Выявляются механизмы формирования образного и эмоционального содержания, а также способы интеграции культурно значимых элементов в художественное высказывание. Результаты исследования демонстрируют, что лингвокультурный концепт является ключевой единицей, через которую язык и культура взаимодействуют в художественном дискурсе, обеспечивая глубокое понимание национально-культурных смыслов и художественного мышления автора.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, художественное мышление, художественный дискурс, культурная специфика, поэзия, когнитивная лингвистика, концептуальный анализ, образность текста

Введение. Лингвокультурный концепт в современной гуманитарной науке рассматривается как ключевая единица взаимодействия языка, культуры и сознания, обеспечивающая репрезентацию ценностных и смысловых доминант общества. Осмысление лингвокультурного концепта в этом аспекте позволяет выявить механизмы смыслообразования и интерпретации текста, а также уточнить роль языка как инструмента неразрывной связи между индивидуальным творческим сознанием и коллективной культурной памятью.

Актуальность исследования определяется устойчивым интересом современной лингвистики к антропоцентрической парадигме, в рамках которой человек рассматривается как носитель и продуцент культурно обусловленных смыслов, формируемых в определенной социокультурной

и природной среде. Особое значение приобретает анализ тех факторов окружающего пространства, которые, будучи репрезентированными в языке, оказывают влияние на формирование поведенческих стратегий и эмоционально-психологических состояний личности. Художественный текст в данном аспекте выступает репрезентативной моделью, в которой эксплицируется антропохронотопическая координата как совокупность пространственно-временных параметров бытия человека, что позволяет интерпретировать взаимосвязь человека и природы в художественном дискурсе как структурно организованный фрагмент текстовой информации, вербализуемый в соответствии с закономерностями текстовой номинации и смыслообразования.

Степень разработанности. В рамках исследований, восходящих к трудам Ю. С. Степанова [2], В. А. Масловой [8], А. Вежбицкой [13], В. И. Карасика [4], Ж. В. Марфиной [9], концепт интерпретируется не только как ментальная структура, но и как культурно маркированный способ организации художественного опыта. В художественном дискурсе он выступает формой трансляции художественного мышления, аккумулируя образные, символические и ценностные компоненты авторского мировидения [10; 3; 6].

Целью настоящей работы является комплексное выявление и теоретическое обоснование специфики лингвокультурного концепта как формы трансляции образного мышления в художественном дискурсе, включая определение его структурно-семантических и аксиологических параметров, анализ механизмов вербализации и дискурсивной организации, а также уточнение его роли в процессах смыслообразования и интерпретации текста.

Научная новизна состоит в том, что исследование предлагает подход к рассмотрению лингвокультурного концепта как способа выражения образного мышления в художественном дискурсе. В работе по-новому раскрывается его функциональный потенциал, связанный с организацией смыслового пространства текста и формированием его интерпретационных возможностей. Предлагаемый подход уточняет представление о концепте как динамической единице, обеспечивающей взаимодействие культурных смыслов и авторского мировидения.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов при преподавании лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и теории дискурса, а также в практике филологического анализа текста. Разработанные положения и аналитические принципы могут быть применены при интерпретации художественных произведений, подготовке учебно-методических материалов и написании научных работ, посвященных проблемам концептуализации и смыслообразования.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили тексты стихотворений Г. Гейне, репрезентирующие ключевую для его поэтики, концептуальную доминанту «Sonnenuntergang». В работе применены методы лингвокультурологического и когнитивно-дискурсивного анализа, а также элементы концептуального, семантико-стилистического и интерпретационного анализа текста.

Результаты исследования. В современной лингвистике интерпретация понятия «концепт» отличается многообразием подходов и трактовок. В рамках когнитивной лингвистики данный термин соотносится с ментальными механизмами познания и структурирования опыта, тогда как в лингвокультурологическом аспекте он связывается с репрезентацией и трансляцией культурных кодов. В связи с этим представляется целесообразным обратиться к анализу существующих дефиниций данного термина и выявить их теоретические основания.

Концепт связан со знанием, отражающим признаки объекта. Кроме того, в любом концепте заложены идеи, возникающие в разное время и в разные эпохи. Так, Н. Д. Арутюнова предлагает следующий подход к определению понятия «концепт»: исследовательница трактует концепт как понятие обыденной философии, которое является результатом взаимодействия различных факторов, таких как религия, фольклор, идеология, национальная традиция, жизненный опыт, ощущения и система ценностей, образы искусства. Концепты создают культурный слой, который выступает посредником между человеком и миром [1, с. 3].

В работах Д. С. Лихачева и Е. С. Кубряковой концепт является связующим звеном между словами и действительностью. По мнению Е. С. Кубряковой, концепт – это «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [3, с. 13]. В рамках когнитивного подхода при анализе концепта исследовательница считает уместным использование таких психологических понятий, как фон и фигура. Ведь противопоставление фона и фигуры связано с осознанием человеком самого себя – себя (как фигуры) на каком-либо фоне (окружение, пространство), а также с пониманием всех остальных явлений в окружающем мире. Кроме того, выделяется один из важнейших принципов познания – принцип контейнера, который называется «принципом обратимости позиции наблюдателя» [12, с. 206]. Суть этого принципа заключается в том, что при рассмотрении любого объекта в мире выбор перспективы его рассмотрения может быть кардинально изменен.

Теоретические основания исследования концепта базируются на ряде ключевых положений: естественный язык репрезентирует специфический способ восприятия и структурирования действительности; значения, закрепленные в языковой системе, формируют целостную мировоззренческую модель, выступающую в качестве коллективно разделяемой интерпретационной схемы [5]. Присущий языку тип концептуализации действительности сочетает в себе универсальные когнитивные механизмы и национально-культурную обусловленность. Формируемая таким образом картина мира носит наивный характер, отличаясь от научной модели познания, однако не сводится к упрощенным или примитивным представлениям.

С точки зрения В. Н. Телия, концепт – это «продукт человеческой мысли и явление идеальное, а следовательно, присущее человеческому сознанию в целом, а не только речевой деятельности. Концепт – это конструкт: он не воспроизводится, а реконструируется через свое речевое выражение и внеязыковое знание» [цит. по Е. В. Липатовой]. Таким образом, концепт следует рассматривать как ментальную, идеальную конструкцию,

формируемую в сознании человека и актуализируемую в процессе интерпретации через совокупность языковых средств и внеязыкового опыта.

Можно рассматривать концепт как модель или конструкт, замещающий объект исследования и созданный с целью его изучения. А. П. Бабушкин выделяет следующие свойства концепта:

- концепт – это ментальная репрезентация, определяющая взаимосвязь вещей между собой;
- концепты – это идеальные образы;
- концепт обязательно обозначается словом [цит. по Е. В. Липатовой].

Следует отметить, что концепты существуют и в индивидуальном сознании личности, и в коллективном сознании группы. Однако индивидуальные концепты более разнообразны, чем коллективные, поскольку коллективное сознание и опыт – не что иное, как условная производная от сознания и опыта отдельных индивидов, входящих в коллектив. Концепт рассматривается как интегративная единица, объединяющая исследования в области языка, сознания и культуры, поскольку он принадлежит сфере ментального и одновременно детерминирован культурными факторами, получающими языковое выражение [11]. В научной традиции концепт трактуется как особая смысловая структура, способная выступать «заместителем» множества объектов и явлений, облегчая процессы коммуникации и опираясь на культурный, национальный, профессиональный и индивидуальный опыт человека, а также понимается как совокупность знаний об объекте. Наряду с этим концепт интерпретируется как элемент идеальной сферы, обладающий именем и репрезентирующий культурно обусловленные представления человека о действительности.

Маслова В. А. в своей работе «Поэтический текст: новые подходы и решения» утверждает, что представители лингвокогнитивного подхода в концептологии под концептами понимают «минимальные предельные смысловые кванты», «мировоззренческие константы», «основные конститутивные элементы картин мира», и предлагает следующее определение этого термина: «концепт – это лингвоментальное образование, частично вербализованный культурный смысл, имеющий имя/имена в языке и включающий значение, культурные коннотации, понятие и образ, лежащий в основе наименования» [8, с. 225–226]. Исследователь также выделяет концепт как ментальную единицу с национально-культурной спецификой, в которой содержательная сторона охватывает совокупность знаний о соответствующем объекте, а выражение реализуется через систему языковых средств, включая лексику, фразеологизмы, поговорки и другие вербальные элементы. При этом следует различать термин «концепт» и термин «культурный концепт». Концепт национальной культуры – это образ, отражающий фрагмент национальной картины мира, обобщенный в слове и тексте, который и можно назвать лингвокультурным концептом.

Обозначенное разграничение позволяет перейти к рассмотрению конкретной реализации концепта в пределах определенной национальной традиции. В качестве объекта анализа в рамках настоящего исследования определен концепт *SONNENUNTERGANG* («Заход солнца») в немецкой лингвокультуре, поскольку он репрезентирует устойчивый фрагмент

национальной картины мира, закрепленный в языке и художественных текстах. Выбранный концепт носит лингвокультурный характер, так как включает не только номинативное обозначение природного явления, но и комплекс культурно обусловленных символических, эмоционально-ценностных и философских смыслов, актуализируемых в немецкой поэтической традиции. Его вербализация отражает специфику национального мироощущения, в которой мотив заката соотносится с темами перехода от одного этапа жизни к другому, меланхолии, романтического созерцания и экзистенциального переживания времени.

В начале XIX века в немецком художественном дискурсе появляется специфический образ заката солнца или сумерек (*SONNENUNTERGANG*). Писатели обращались к метафоризации луны, солнца, звезд и прочих небесных тел [14, с. 34], а концептуальные образы заходящего солнца *SONNENUNTERGANG* и сумерек *DÄMMERUNG* часто встречались в поэзии немецких писателей, таких как И. В. Гете, Новалис и Э. Т. А. Гофман. Эти образы несут в себе романтическую символику, отражая представления о хаотичной, иррациональной стороне бытия, о переходе в «ночное» состояние сознания, которое окутано тайной.

Обратимся к творчеству немецкого романтика Г. Гейне, в котором он нередко прибегает к использованию концепта *SONNENUNTERGANG*. Для рассмотрения было выбрано стихотворение «Sonnenuntergang», входящее в цикл «Северное море», изданный в 1867 году (<https://libcat.ru/knigi/priklyucheniya/unrecognised/589901-heinrich-heine-die-nordsee.html>), в котором центральная идея связана с символическим осмыслением разрыва и экзистенциального одиночества. Космические образы *die Sonne* («солнце») и *der Mond* («луна») выступают аллегорией разобщённых начал, утративших гармоничное единство. Движение солнца по небесному своду в дневное время интерпретируется как проявление внешней силы и независимости, однако этот мнимый суверенитет оборачивается внутренней отчуждённостью. В стихотворении «Солнце-бог» и «Луна-богиня» разрывают свой «брачный союз», а «заход солнца» выступает символом разлуки и одиночества. Уже само название стихотворения «Sonnenuntergang» тесно связано с его основной темой и одноименным концептом, создавая целостный и выразительный образ, вокруг которого строится все произведение. Лексема «Sonnenuntergang» не просто выражает свое прямое коннотативное значение и обозначает природное явление, но становится символом глубинных эмоциональных и философских смыслов, заложенных в стихотворении: заход солнца традиционно ассоциируется с концом дня, переходом от света к тьме, что символизирует завершение, прощание, уход чего-то важного. В этом смысле название сразу задает тон всему стихотворению, настраивая читателя на восприятие темы расставания, утраты и перехода.

В Большом словаре немецкого языка «*Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache*» лексическое значение языковой единицы, составляющей ядро концепта, раскрыто в следующей трактовке: «<...> der Vorgang, dass am Abend die Sonne sinkt und es dann dämmt und Nacht wird» [15, с. 1253]. В поэтическом тексте Г. Гейне оно обрастает ассоциативными связями: солнце в лирическом тексте – это красавец муж: «*Liebt sie noch immer den schönen Gemahl*», которого все еще любит супруга-Луна. Именно его

расставание с любимой супругой Луной лежит в основе метафорического значения концепта *SONNENUNTERGANG*: без любимой и детей Солнце ожидает только «заход», исчезновение.

Лексико-стилистические средства усиливают такое идейное наполнение концепта: «Die glühend rote Sonne» / «Огненно-красное солнце», «in einsamer Pracht» / «в одиноком величии», «Ergeht sich dort oben der Sonnengott» / «ходит там высоко Бог-Солнце», «den schönen Gemahl» / «красавец-супруг», «der trotzig Sonnengott» / «упрямый Бог-Солнце», «erglüht er / In doppeltem Purpur, / Vor Zorn und Schmerz» / «Вспыхнет багровым румянцем / Скорби и гнева», «unerbittlich eilt er hinab» / «беспощадно уйдет оно», «In sein flutenkaltes Witwerbett», / «на свое одинокое / влажно-холодное ложе», «die armen Götter» / «бедные боги», «Wandeln sie, qualvoll, / Trostlos unendliche Bahnen» / «Грустно проходят по небу / Свой путь безутешный / И бесконечный». Метафора и персонификация дополняют переносные смыслы, заложенные в этом образе.

Образ Солнца обрамлен прилагательными: «glühend rot» / «огненно-красный», «glührote» / «кроваво-красный», «einsam» / «одинокий», «schön» / «красивый», «trotzig» / «упрямый», «unerbittlich» / «безутешный», «flutenkalt» / «влажно-холодный», «arm» / «бедный», «qualvoll» / «мучительный», «trostlos» / «безутешный», делая его прекрасным и страдающим, что также подчеркивает его заход, угасание. Соотношение цвета и эмоций в описании образа подчеркивают особый характер его восприятия, например, огненный красный цвет как символ огня выражает страсть, энергию, силу и внутренний пыл. Цвет солнца «glühend rot», «glühend rot» в поэзии ассоциируется с закатом, т. е. моментом перехода, когда его сменяет луна. В этом контексте красный цвет в стихотворении Г. Гейне выражает не только страсть, но и интенсивность переживаний, драматизм момента, жаркие эмоции – в рассмотренном случае любовь и гнев; символизирует также жизненную силу, которая уходит, создавая атмосферу напряженности.

Большинство глаголов в тексте относятся к двум лексическим полям «движение» и «прощание»: «steigt / Hinab in's <...>», «trennte sich», «Ergeht sich», «eilt er hinab <...>», что несомненно усиливает описываемую тему расставания и страдания. но и придают образу заходящего солнца особую символическую глубину. Во-первых, глаголы движения отражают естественный, неизбежный ход времени и смену состояний. Подобное движение вниз, уход солнца за горизонт, символизирует не только физический процесс, но и внутренний переход – завершение, уход, потерю: «Und es trennte sich feindlich / Das hohe, leuchtende Eh'paar» / «И разделилась волшебной / В небе чета лучезарная». Глаголы в представленном примере подчеркивают неотвратимость расставания, его цикличность и естественность.

Во-вторых, глаголы прощания, такие как «trennte sich», акцентируют эмоциональную сторону происходящего, говорят о болезненном разрыве, о чувстве утраты и одиночества, которые сопровождают уходящий свет, но это не просто физическое движение, а эмоциональное переживание, связанное с расставанием: «Aber des Nachts, / Am Himmel, wandele Luna, / Die arme Mutter, / Mit ihren verwaisten Sternenkindern» / «А ночью По небу бродит луна, Бедная мать, Со своими сиротками-звездами».

Кроме того, глаголы движения и прощания вместе создают ощущение стремительности и неотвратимости процесса: «Eilt er hinab» передает

не только скорость, но и некоторую тревожность, напряжение, словно солнце уходит слишком быстро, не оставляя времени на прощание. Это усиливает драматизм момента и эмоциональную глубину стихотворения. Таким образом, движение солнца вниз становится метафорой внутреннего движения души, ее борьбы и принятия. Ассоциативные смыслы концепта *SONNENUNTERGANG* связаны с уходом света, с красотой и одновременно печалью прощания, что усиливает описание трагической неизбежности расставания и глубокого душевного кризиса лирического сознания, переживающего разрыв как форму безысходного одиночества.

На основе представленного анализа можно реконструировать систему концептуальных метафор, формирующих содержание концепта *SONNENUNTERGANG* в стихотворении Г. Гейне «Sonnenuntergang».

Так, *SONNENUNTERGANG* – ЭТО РАЗВОД / РАЗРЫВ БРАЧНОГО СОЮЗА: закат интерпретируется как метафорическое «расторжение брака» между Солнцем-богом и Луной-богиней. Глагол «trennte sich» актуализирует не природный процесс, а акт враждебного расставания, что переводит космическое явление в плоскость межличностной драмы.

SONNENUNTERGANG – ЭТО УТРАТА СЕМЬИ И ОТЦОВСТВА: уход Солнца сопровождается образом «вдовьего ложа» («Witwerbett»), а Луна предстает «бедной матерью» с «осиротевшими звездами-детьми». Закат становится символом разрушенной семьи и одиночества после разлуки.

SONNENUNTERGANG – ПАДЕНИЕ С ВЫСОТЫ ВЕЛИЧИЯ В ОДИНОЧЕСТВО. Дневное существование Солнца «in einsamer Pracht» метафорически соотносится с мнимым величием и независимостью. Движение вниз («eilt hinab») символизирует утрату статуса, силы и прежней гармонии.

SONNENUNTERGANG – ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ВЗРЫВ. Образ «glühend rot» и «In doppeltem Purpur, vor Zorn und Schmerz» формирует метафору заката как вспышки аффекта – соединения гнева и боли. Цветовая символика переводит физическое явление в регистр эмоционального конфликта.

SONNENUNTERGANG – ПЕРЕХОД ОТ ЖИЗНИ К УГАСАНИЮ. В словарной дефиниции закат – это переход к сумеркам и ночи; в поэтическом тексте он обретает значение угасания жизненной энергии. Уход света символизирует внутреннее истощение и духовный кризис.

SONNENUNTERGANG – НЕИЗБЕЖНОСТЬ ВРЕМЕНИ. Глаголы движения подчеркивают цикличность и фатальность процесса. Закат предстает как закономерный, но трагически переживаемый этап существования, где движение вниз метафорически равно внутреннему слому.

SONNENUNTERGANG – ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ОДИНОЧЕСТВО. Прилагательные «einsam», «trostlos», «qualvoll» формируют представление о закате как о состоянии предельной изоляции. Уход солнца становится образом замкнутости субъекта в собственном страдании.

Таким образом, концепт *SONNENUNTERGANG* в поэтической картине мира Г. Гейне реализуется как многослойная метафорическая модель, в которой природное явление структурируется через антропоморфные, семейно-брачные и экзистенциальные смыслы. Закат предстает не просто астрономическим процессом, а символом разрыва, утраты, эмоционального конфликта и трагической неизбежности одиночества.

Выводы и перспективы развития поставленной проблемы.

Лингвокультурный концепт выступает формой трансляции образного мышления в художественном дискурсе: через него осуществляется перевод абстрактных экзистенциальных смыслов в наглядно-чувственные образы, укорененные в культурной традиции. Концепт объединяет когнитивный, символический и эмоционально-ценностный уровни текста, обеспечивая целостность авторской картины мира и ее интерпретационный потенциал.

Проведённый анализ показал, что лингвокультурный концепт *SONNENUNTERGANG* в стихотворении Г. Гейне «*Sonnenuntergang*» функционирует как сложная семантико-образная структура, репрезентирующая особенности художественного мышления автора. В художественном дискурсе природное явление заката трансформируется в символическую модель межличностного разрыва, утраты семейного единства и экзистенциального одиночества. Концепт выходит за пределы словарного значения и обрастает устойчивыми ассоциативными и оценочными компонентами, формируемыми посредством метафоры, персонификации, цветовой символики и системы глаголов движения и прощания. В результате происходит концептуальное смещение: физическое движение солнца вниз интерпретируется как внутренний драматический процесс – эмоциональный конфликт, падение с высоты мнимого величия и переживание безысходности.

Перспективным представляется дальнейшее исследование, которое может быть направлено на изучение механизмов цветовой символики и пространственной метафоры как средств концептуализации эмоционального опыта, а также на моделирование структуры лингвокультурного концепта в рамках междисциплинарной парадигмы, объединяющей когнитивную лингвистику, поэтику и культурологию.

Список литературы

1. Данилевская, Н. В. Концепт как трансдисциплинарный феномен (к дальнейшей разработке проблемы) / Н. В. Данилевская // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2024. – Т. 16, вып. 4. – С. 28–39.
2. Демьянков, В. З. Об индивидуальной неповторимости и эпистемических гарантиях дискурса: лингвистическая прагматика в трудах Ю. С. Степанова / В. З. Демьянков // Критика и семиотика. – 2025. – № 2. – С. 169–183.
3. Камышева, М. Н. Лингвокультурные особенности немецкого сказочно-романтического дискурса в контексте современной теории дискурса: анализ и интерпретация / М. Н. Камышева // Язык и коммуникация: функционально-семантический, когнитивный и лингводидактический аспекты : материалы VII Межрегион. оч.-заоч. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Горловка, 31 окт. 2025 г. / [редкол.: Я. В. Полякова (отв. ред.) и др.]. – Горловка, 2025. – С. 50–51. – EDN: FAIJVC.
4. Карасик, В. И. Когнитивные, семиотические и акциональные характеристики музея как лингвокультурного феномена / В. И. Карасик // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое

- образование». – 2024. – № 2(54). – С. 120–135. – DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.09.
5. **Крысало, О. В.** Лингвокультурный потенциал «рамы» драматургического произведения (на материале пьесы Мартина Макдонаха «Калека с острова Инишмаан») / О. В. Крысало // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2025. – № 1(123). – С. 81–86. – EDN: LOVFED.
 6. **Лаврухина, А. В.** Двойственность труда и творчества в современной биографии Рюдигера Сафрански «Гофман»: концепт WERK в контексте немецкой лингвокультуры / А. В. Лаврухина // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2025. – № 1(123). – С. 129–133. – EDN: AAALPD.
 7. **Липатова, Е. В.** Дефиниции термина «концепт» в современном языкознании / Е. В. Липатова, Н. Б. Тиляева // Флагман науки. – 2024. – № 5(16). – С. 516–520.
 8. **Маслова, В. А.** Поэтический текст : новые подходы и решения : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Москва : Флинта : Наука, 2016. – 320 с.
 9. **Марфина, Ж. В.** Образно-ценностный компонент лингвокультурного концепта «родство» в русской языковой картине мира / Ж. В. Марфина // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2024. – № 65. – С. 37–52. – DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-37-52. – EDN: BVIQRQ.
 10. **Немецкий художественный текст: когнитивные и лингвокультурные аспекты : кол. моногр. / О. А. Кострова, Е. В. Беспалова, Ю. А. Блинова, О. В. Омелькина ; под общ. ред. О. А. Костровой. – Москва : ФЛИНТА, 2021. – 312 с.**
 11. **Расторгуева, А. А.** Понятие «концепт» с позиции лингвокультурологии и когнитивной лингвистики / А. А. Расторгуева, Н. В. Черникова // Наука и Образование. – 2022. – Т. 5, № 3. – С. 1–9. – EDN: ESMJZS.
 12. **Скляр, Н. В.** Вербализация концепта «Время» и его национально-культурная специфика (на материале немецкоязычного автобиографического произведения) / Н. В. Скляр // Текст – Дискурс – Культура : материалы Междунар. науч. конф., Краснодар, 19–20 мая 2023 г. / отв. ред. М. А. Олейник. – Краснодар, 2023. – С. 206–210. – EDN: UDCDOU.
 13. **Gladkova, A.** Anna Wierzbicka, language, culture and communication / A. Gladkova, T. Larina // Russian Journal of Linguistics. – 2018. – Vol. 22, № 4. – P. 717–748. – DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-717-748. – EDN: VODDHE.
 14. **Gore, C.** Identities in Transition: German landscape painting 1871–1914 : specialty «History of Art» : PhD thesis / Charlotte Gore ; University of Birmingham. – Birmingham, [2011]. – 252 p.
 15. **Grosswörterbuch PONS : [rund 77000 Stichwörter und Wendungen: gemäß der Rechtschreibreform 2006 / bearbeitet von Andreas Cyffka [et al.]. – Stuttgart : Ernst Klett Sprachen GmbH, 2006. – 1706 S.**

Sklyar N. V.,
Solodun I. A.

**The Linguacultural Concept as a Form
of Translating Figurative Thinking in Literary Discourse**

This article examines the essence of the concept, its cognitive and cultural content, and its role in representing a national worldview. Particular attention is paid to the analysis of a specific linguacultural concept in the poetry of Heinrich Heine, demonstrating how the literary text becomes a means of expressing cultural specificity and national mental and emotional characteristics. The poem reveals the mechanisms for the formation of figurative and emotional content, as well as the methods for integrating culturally significant elements into the artistic statement. The results of the study demonstrate that the linguacultural concept is a key unit through which language and culture interact in artistic discourse, providing a deep understanding of national cultural meanings and the author's artistic thinking.

Key words: linguacultural concept, artistic thinking, artistic discourse, cultural specificity, poetry, cognitive linguistics, conceptual analysis, textual imagery

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

УДК 811.161.1'367.626'37'42

Волков Валерий Вячеславович,

д-р филол. наук, профессор,
профессор кафедры русского языка

ФГБОУ ВО «ТвГУ»

volk7valery@yandex.ru

Волкова Наталья Васильевна,

канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры филологических основ
издательского дела и литературного творчества

ФГБОУ ВО «ТвГУ»

volknat@mail.ru

Русский воин как носитель соборного «мы» в древнерусской и советской литературе о войне

В статье рассматривается функционирование личных местоимений в древнерусской и советской литературной баталистике, авторы выявляют общие прономинальные мотивные комплексы, раскрывающие соборность как центральную особенность русского менталитета и условие непобедимости русского оружия. В соответствии с русской гуманитарной традицией, соборность понимается как «первичное внутреннее единство» общества и народа, которое на языковом уровне проявляется в особой контекстуальной семантике местоимений «мы» и «я», а именно: с одной стороны, грамматическое значение множественного числа в местоимении «мы» нейтрализуется в семантике неделимой целостности; с другой стороны, грамматическое значение единственного числа в местоимении «я» развивается в собирательное значение.

Ключевые слова: литературная баталистика, лингвоконцептология, мотивный комплекс, русский менталитет, соборность, филологическая герменевтика

Введение. Историческая успешность тысячелетней русской / российской цивилизации основывается на прочности ее ментального фундамента – «традиционных ценностях», в ряду которых важнейшая – *соборность* как «внутреннее единство». Русская пословица «Один за всех и все за одного» с давних времен поднимала дух русских воинов на битву, вселяя в каждого уверенность, что в каждом – сила всех, а сила всех неотделима от силы каждого. В современных условиях военного противостояния с геополитическими противниками особое значение имеет то само- и мироощущение людей, занимающихся ратным делом, которое ассоциируется с такими словами, как «воинское братство», «боевое товарищество», «военное единство». Отсюда

актуальность филологической задачи: рассмотреть средства репрезентации в художественной литературе о войне тех ментальных структур, которые ответственны за живое чувство товарищества, братства, единства и находят наиболее общее, хотя и менее частотное, именование в слове «соборность».

Наблюдения за проявлениями соборного единства строятся, как показали в своих работах И. А. Есаулов, А. Л. Анисин, Г. В. Барсуков, С. М. Фролова и др., на самом разнообразном материале художественной литературы – от древнерусского периода до наших дней [5]. *Объект исследования* – баталистика, а именно – та часть русской литературы XX века о Великой Отечественной войне, в которой, в продолжение традиций Древней Руси, наличествует мотивный комплекс с ключевой идеей «Воин и дружина, человек и народ, гражданин и государство – единое целое в ситуации войны за Отечество».

Конкретный *предмет* внимания авторов данной работы – оппозитивные мотивные комплексы, репрезентирующие концепт «соборность» средствами личных местоимений и референциально соотносительных с ними нарицательных именований лиц (нарицательных антропонимов): 1) прономинальные оппозиции *я / он – мы*, полярные члены которых семантически соотносятся по принципу «одно в значении другого» (*я / он* – как *мы*, *мы* – как *я / он*); 2) референциально соотнесенные с личными местоимениями образы богатырей Древней Руси или солдат Великой Отечественной, которые выступают как носители целостного (соборного) «мы».

Цель работы – рассмотреть те особенности употребления апеллятивных и прономинальных именований личности (отдельного человека) и народа (общества), которые позволяют проследить, как складывается в литературе о войне художественное представление о соборности как ключевой особенности русского менталитета.

Основной *метод* – филологическая (лингвокультурологическая) герменевтика в сочетании с жанрово-тематическим, мотивным и концептуальным анализом, что суммируется современными исследователями в понимании интерпретации текста «как науки и как искусства» [16] на основе «применения лингвистической теории в современном литературоведении» [11].

Материал исследования – преимущественно лирические тексты советской литературной баталистики, по степени известности близкие к статусу прецедентных. В центре внимания – вошедшие в сборник «Имена на поверке» [8] стихи поэтов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

Существо соборности в свете ментальной оппозиции «Я / Он – Мы»

Инициатором использования характеристики *соборный / соборность* применительно к общественной жизни считается А. С. Хомяков (1804–1860), распространивший изначально богословскую характеристику Церкви как «единства во множестве» на жизнь общества. Разработка этого интуитивно ясного, корнящегося в национальной ментальности понятия, принадлежит его последователям, прежде всего С. Л. Франку (1877–1950), разъяснявшему существо соборности на основе анализа семантики личных местоимений. Согласно формулировкам С. Л. Франка, общество «не есть просто совокупность, внешняя связь и взаимодействие индивидов, а есть их первичное внутреннее единство – исконное многоединство, или соборность,

как специфическая форма бытия» [19, с. 64]. В свою очередь, «...первичное единство <...> есть не что иное, как начало, грамматически выражаемое в слове “мы”. “Мы” совсем не есть просто “множественное число” от “я” (как этому учит обычная грамматика), простая совокупность многих “я”. В своем основном и первичном смысле “я”, как уже указано, вообще не имеет и не может иметь множественного числа; оно единственно и неповторимо. <...> Поэтому “мы” есть не множественное число первого лица, не “многие я”, а множественное число как единство первого и второго лица, как единство “я” и “ты” (“вы”). В этом – замечательная особенность категории “мы”. Вечная противопоставленность “я” и “ты” <...> преодолеваются в единстве “мы”... <...> “Мы” есть, следовательно, некая первичная категория личного человеческого, а потому и социального бытия» [19, с. 50–51]. Принимая эти положения за методологическую точку отсчета, сделаем два замечания.

1. О термине. В цитированном фрагменте размышлений о существе соборности словосочетание *категория «мы»* используется как синоним *соборности*, как именование соборности через указание на прономинальный способ ее акцентуации – *мы*. В современных терминах едва ли можно называть соборность «категорией», уместнее сказать: «мы» – *концепт, лингвоментальная / лингвокультурная константа, ментальное образование, архетип* и т. п. В любом случае местоимение *мы* в денотативно-референциальном плане прочитывается как «*мы* – это спаянная тесной внутренней связью общность людей».

2. О «первичности» «мы». В общем случае (то есть без специальной привязки к становлению человека как биологического вида, к формированию личностного «я» у ребенка, к способам социальной организации общества и т. д.) взаимодействие «я» и «мы» – двунаправленно, в конкретных обстоятельствах доминантным оказывается либо отношение «мы → я» (что и подчеркивает С. Л. Франк), либо обратное отношение «я → мы» (например, в социализации подростков). В художественной речи наличествуют оба эти отношения, которые далее мы условно именуем «векторными».

Поскольку прономинальное именование соборности – местоимение *мы*, дальнейший вопрос обусловлен его дейктической – «указательной» функцией. На кого / что «указывает» местоимение *мы* в функции фиксации / именования соборности? Какие нарицательные существительные могут соотноситься с данным прочтением местоимения *мы*, с именованиями «концепт “Мы” / концепт Соборности»? Иными словами, кто «субъект / субъекты соборности», как его / их поименовать?

В рамках исследования – как филологического (основной объект – советская баталистика) самое очевидное, наиболее общее именование соборной общности – *народ*. Лексические конкретизации связаны с родом и жанром: в эпике это именования персонажей, повествователя, в лирике *народ* – в именованиях лирического героя (прономинальный аналог – местоимение *я*) или лирического персонажа (*он*). Контекстуальная синонимизация: *народ* = *мы*, включая *я* / *он*; далее субстантивные именования лиц в роли денотативно-референциальной конкретики.

Таким образом, исходный объект исследования феномена соборности в художественной литературе о войне – такие тексты / произведения,

субъект которых – *народ* (= *мы* и *я* / *он*) в ситуации войны, требующей особой внутренней спаянности, целостности. Подчеркнём: в конкретных репрезентациях соборности существительного *народ* может не быть; контекстуальный смысл «народ» проявляется в денотативно-референциальных смыслах соотносительных с *народ* личных местоимений: *народ* – это *я* = *мы* = *он* / *она*; и наоборот: *народ* – *мы* = *я* = *он* / *она* и т. д.

Пример использования *мы* в значении «народ». «Правда», главная газета советских лет, 8 марта 1942 года публикует ставшее вскоре прецедентным стихотворение А. А. Ахматовой «Мужество». Вместо обычного для лирики поэтессы местоимения *я* здесь в сильной позиции первой строки – *мы*: «Мы знаем, что ныне лежит на весах / И что совершается ныне. / Час мужества пробил на наших часах. / И мужество нас не покинет» [1, с. 205]. *Мы, наши, нас* – тройной повтор в очевидном значении «весь народ». Притяжательное «*наши* часы» – о времени общих для всех испытаний, винительный *нас* в финальной строке – в семантическом ассонансе с заглавием и повтором *мужество* – фиксирует общую нацеленность на выстоять и победить.

Пример денотативно-референциального раскрытия соборности апеллятивными средствами – в хрестоматийном стихотворении К. М. Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» (1941). Ядро лексического поля – именованная лиц (*усталые женичины, старуха, старик, солдатки*) и семантически смежные образы: «деревни с погостами», «вдовья слеза» и др. Приведем фрагмент, в котором хорошо просматривается, как обычно говорят в рамках «школьного» анализа, «тема Родины»; в проекции на прочтение стихотворения в контексте соборности можно сказать – мотив расширения поля зрения лирического героя, «я» которого возрастает в живом ощущении связи разных, но внутренне единых пространств и времен: «Ты знаешь, наверное, все-таки родина – / Не дом городской, где я празднично жил, / А эти проселки, что дедами пройдены, / С простыми крестами их русских могил» [15, с. 88].

Стихотворение – в жанре поэтического обращения, публиковалось в разных заголовочных вариантах, в том числе по эпиграфу – «А. Суркову», под названием «Письмо другу», и в привычном ныне – по первой строке, начиная с обращения *ты* и приглашения вспомнить / всмотреться – в *родину*, из кого и чего она складывается. Складывается – в том числе из референтов личных местоимений *ты* (адресат поэтического обращения) / *я* (лирический герой).

Векторное прочтение оппозиции «Я / Он – Мы» и бинарность мотивного комплекса соборности

Как было показано выше, формально-грамматическое существо оппозиции «*я* – *мы*» сводится к числу – единственному / множественному. В референциальной реальности простое «арифметическое сложение» отдельных «я» может дать сумму – набор отдельных индивидуумов, но совсем не обязательно ведет к формированию цельного «мы». В «мы» более очевидна не «суммарность», а именно цельность, в которой усматриваются отдельные «я». Отсюда вопрос о диалектике целого и части применительно к паре «я – мы»: ясно, что в общем случае целое не существует без составляющих его частей, а часть непременно входит в некое целое, – но как они взаимосвязаны в батальной литературе, особенно в лирике, где в типичном случае прономинальная доминанта – не «мы», а именно «я», лирический герой?

Из школьной математики известно, что вектор – это направленный отрезок прямой. Отсюда общенаучное, в том числе филологическое, значение представления о направленности взаимодействия каких-либо объектов. Существо лингвистических представлений о векторной оппозиции в системе лексики состоит в следующем. Векторная противоположность, в соответствии с этимологией сущ. *вектор* (из латинского *vector* «несущий» – от глагола *veho* «нести»; «устремляться»), сводится к тому, что в языке (и в речи, текстах) наблюдается противонаправленность действий, движений (*подниматься* – *опускаться*, *вверх* – *вниз* и т. п.). В более широком прочтении это идея противонаправленности взаимодействия членов какой-либо оппозиции: например, «векторно оппозитивны» в определенных контекстах / ситуациях взаимодействия *волки и овцы*, *пауки и мухи*, *отцы и дети*, *мужчины и женщины* и т. д. В случае личных местоимений возможны самые разнообразные «векторные прочтения» двучленных прономинальных оппозиций (*я ↔ ты*, *я ↔ он* и т. д.), в том числе и оппозиция *я ↔ мы*: например, «по числу» («один ↔ много»), «по автономности» («отдельное ↔ целое») и др.

В художественном употреблении эти оппозиции предстают как биполярная синекдоха: 1) местоимения *я / он* в значении «мы»; 2) местоимение *мы* в значении «я / он». Мена семантических полюсов: от единичного до (все)общего и наоборот. Референты местоимений *я / он* – мы соотносятся с парами типа *воин – дружина*, *солдат – рота*, *человек – народ* и т. п.; в общем случае по отношению к местоимениям *я / он* целесообразно использовать апеллятив *герой* в совмещении трех значений: 1) действующее лицо художественного произведения; 2) типичный представитель своей среды / эпохи; 3) мужественный воин, совершивший подвиг.

Два «вектора» мотивных комплексов, выступающие в качестве способов конструирования образа героя-воина как олицетворения идеи соборности – основы русского менталитета и российской военной мощи: 1) символизация (герой-идеал, идеализированный образ); 2) типизация (герой-тип, собирательный образ).

1. Символизация героя. Идеализированный образ: «я / он» → это «мы». Условно говоря, «центробежное» расширение героя от себя – до совокупного целого, от «я / он» – до «мы». Свойства отдельной личности символизируются, распространяются на воинское целое. В состав целого «мы» отдельный человек (персонаж в эпике или лирической герой / персонаж поэзии), его «я» входит, охватывая «других», своим символическим «я» замещая референтное «мы».

2. Собирательный образ героя: (а) «я / он» ← из «мы»; (б) «мы» – одно целое. Условно говоря, «центростремительное» замещение многих, реального множества – виртуальной, образной единичностью, в двух вариантах прономинального именованной этой единичности: а) «я / он», образ героя строится путем вбирания многих, «мы» центрируется в «я» как в своем обобщении; б) «мы» как обозначение единого целого.

В обоих этих мотивных комплексах русская литературная баталистика XX века является продолжением древнерусской, в диалектическом переплетении индивидуального и общего – как «документальности и вымысла», что является типологической чертой отечественной словесности

(ср., например, в проекции на современность [9]). Рассмотрим эти комплексы последовательно.

1. Символизация героя. Идеализированный образ: «я / он» → это «мы»

Согласно философской характеристике Н. А. Бердяева, «символизация <...> есть то, что прорывается в мир объективированный, т. е. разобщенный, из внутреннего порядка существования» [3, с. 102]. По данным эстетики, существо символизации в том, что сквозь возникающий художественный символ «просвечивает» глубинный смысл символизируемого (метафизической реальности), которое само обретает полную актуализацию только в художественном символе» [4, с. 81]. В свою очередь, «метафизическая реальность» может пониматься как система ценностей (в формулировке Андрея Белого: «Искусство есть символизация ценностей в образах действительности» [2, с. 206]). Исходя из сказанного, соборность – это тот «внутренний порядок существования», та «метафизическая реальность», которая есть «дух народа», находящий наглядное воплощение в своих лучших людях.

Герой-идеал как символ, наглядное отображение соборного «мы», – это, условно говоря, «совершенный человек», своего рода образец для остальных, в своем совершенстве воплощающий вершины народного духа. Результат символизации наиболее нагляден в монументальном искусстве – памятниках героям. Процесс символизации – в литературной баталистике. Д. С. Лихачев в книге «Человек в литературе Древней Руси» о зарождении образа русского героя, ширящегося в своей собственной мощи до силы общенародной, когда личное «я» вырастает до общего «мы», писал: «Характерные явления обнаруживаются <...> при создании образа народного героя, образа защитника родины. Этот герой гиперболизируется в своей силе и мужестве, он как бы вырастает в размерах, его не могут одолеть враги. <...> Впечатление гиперболы достигается тем, что на этого героя переносятся подвиги его дружины» [10, с. 113]. В этом мотиве – продолжение библейской традиции, ср.: «Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизятся; только смотреть будешь очами твоими и видеть возмездие нечестивым» (Пс 90: 7–8). Божия помощь сопутствует и в духовной брани, и в борьбе с видимыми, явными врагами, умножая силу одного – до мощи многих.

В советской литературной баталистике этот древний, сакральный по своим истокам мотив хорошо просматривается в стихах, прочитываемых в логике фронтовой баллады. Показательный пример – стихотворение М. В. Кульчицкого (1919–1943, погиб под Сталинградом) «Мечтатель, фантазер, лентяй-завистник!» (26 декабря 1942), компактно повествующее о возрастании малого «я» молоденького лихого лейтенанта – до «пехоты», до совокупного «мы», несущего тяжкий воинский труд: «Я раньше думал: “лейтенант” / звучит “налейте нам”. / И, зная топографию, / он топает по гравии. / Война ж совсем не фейерверк, / а просто – трудная работа, / когда, / черна от пота, / вверх / скользит по пахоте пехота» [8, с. 135].

Мотивный комплекс, центрированный на прономинальной оппозиции «я – мы», хронотопически развивается в противопоставлении двух времён: 1) автохарактеристика лирическим героем себя в до-войны – *мечтатель*,

фантазер, далекое от реальности представление о службе как «налейте нам», о перемещении ровным строем по благоустроенной дороге – «по гравии»; 2) в ситуации в-войне – нет именований *я* или *лейтенант*, вместо них собирательно-обобщённое *пехота*, а вместо ровного строевого шага «по гравии» – пехота «скользит по пахоте», по весенне- или осенне-вязкой *пахоте*, надо полагать. В финале этой мини-баллады мотивный комплекс «я – мы» афористически замыкается строчками, которые со временем обрели статус прецедентных, как формула преданности – *Родине*: «Не до ордена. / Была бы Родина / с ежедневными Бородино» [8, с. 135]. Не место в этой формуле ни личному местоимению *я*, ни *пехоте*, – они в пресуппозиции, как необходимая подразумеваемая часть соборного целого.

Орлов С. С. (1921–1977), поэт, прошедший войну, известен прежде всего своим монументальным стихотворением «Его зарыли в шар земной ...» (1944): «Его зарыли в шар земной, / А был он лишь солдат, / Всего, друзья, солдат простой, / Без званий и наград. / Ему как мавзолее земля – / На миллион веков, / И Млечные Пути пылят / Вокруг него с боков. / На рыжих скалах тучи спят, / Метелицы метут, / Грома тяжёлые гремят, / Ветра разбег берут. / Давным-давно окончен бой... / Руками всех друзей / Положен парень в шар земной, / Как будто в мавзолей...» [12, с. 65].

С формально-риторической точки зрения, сквозной художественный прием – гиперболизация, его семантический эффект – символизация лирического персонажа. В концептологической проекции эти прием / эффект выводят на вопрос: какая ментальная структура маркируется, каким может быть самое точное именование этой структуры? Едва ли не самый вероятный ответ – символический образ *Неизвестного Солдата*. Обратим внимание: по современным орфографическим нормам оба слова – с заглавной буквы, как и в производном комбинированном словосочетании *Могила Неизвестного Солдата*. И лежат в таких могилах реальные *Неизвестные Солдаты* – в необходимом обобщенно-собирательном смысле этого именованного, – как в целом *земном шаре*. И жаль, что, по правилам орфографии, *земной шар* надо писать со строчных букв, хотя и в стихотворении С. С. Орлова, и в случае мемориальных солдатских могил имеется в виду реальная *Земля* – вся наша планета, населяющие которую существа, в том числе люди, продолжают жить лишь благодаря подвигам таких, как обобщенный лирический персонаж Орлова – «лишь солдат», «солдат простой, / Без званий и наград».

Всемирно-историческое значение побед Руси / России за право быть собой в войнах с многочисленными нашествиями – с древнейших времен до настоящего – тесно связано с представлением о русском человеке – как *всечеловеке*. По словам Ф. М. Достоевского, который ввел его в обиход в знаменитой Пушкинской речи 1880 года, «...назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только <...> стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите» [7, с. 448]. В русской военной лирике это представление развивается от гениальной всеотзывчивости русских, что прежде всего имел в виду Достоевский, – до всемирной ответственности нашей российской цивилизации за возможность для всего человечества – быть и жить. Воевать и умирать приходилось и приходится

не только за свою Отчизну, – вместе с тем и за планету, чтобы не одолела ее какая-нибудь злая сила.

В стихотворении Р. И. Рождественского «На Земле, безжалостно маленькой...» (1969) образ рядового солдата конструируется аналогично герою С. С. Орлова, через апелляцию ко «всей земле», лирико-риторическая динамика строится на последовательном «крещендо»: от литоты в настоящем лексическом повторе эпитета *маленький* – до символизирующей гиперболы. «Человек маленький», оказавшийся на «небольшой, казалось, войне», с «маленьким» автоматом, в маленьких сапогах и шинели не по росту, – оказывается на поверку всепланетным богатырём: «На Земле / безжалостно маленькой / жил да был / человек маленький. / У него была служба / маленькая. / И маленький очень портфель. / <...> ...А когда он упал – / некрасиво, / неправильно, / в атакующем крике / вывернув рот, / то на всей земле / не хватило / мрамора, / чтобы вырубить парня / в полный рост!» [14, с. 355–356].

Как видим, собирательно-обобщенное, «соборное» общерусское «мы» вырастает из одного «я» – одного лирического «я» или лирического персонажа, которые изначально в своей кажущейся малости – символический образ, воплощение скромности и смирения как исконно христианской добродетели, составляющей нравственный фундамент нашей цивилизации, – смирения как осознанного принятия своего воинского долга и своей судьбы.

2. Собирательный образ: (а) «я / он» ← из «мы»; (б) «мы» – одно целое

Художественный собирательный образ соотносится с логико-лингвистическим явлением собирательности, но существенно от него отличается. Слова с собирательным значением в узком лингвистическом смысле – это производные суффиксальные типа *листва*, *учительство*. В широком общенаучном плане значение собирательности могут выражать любые слова, обозначающие множество однородных объектов как целостность (реальная множественность > виртуальная единичность). Отсюда филологическое следствие: самые разные слова в определенных контекстах могут выражать значение собирательности, как, например, субстантиваты типа (*всё*) *высокое – низкое*, *свои – чужие (люди)*, местоимения в оппозиции *мы – они* и др.

В лингвистическом плане собирательность – это нейтрализация множественного числа в представлении о единой целостности, собирательность в логическом плане основывается на некоем качестве, едином для всех членов множества. Результирующие прономинальные именованья в случае военной прозы: а) местоимение единственного числа *я*, замещающее «все, кто занят ратным делом»; б) местоимение множественного числа *мы* в значении «целостность из многих элементов».

Собирательное «я / он» ← из «мы» типично для обобщенного представления значимых исторических событий. В частности, показательна персонификация исторических достижений страны в почетных прозваниях российских императоров, ср.: *Александр II Освободитель* (об отмене крепостного права), *Александр III Миротворец*, в годы правления которого Россия не вела войн, и т. д. О конструировании образа Евпатия Коловрата в «Повести о разорении Рязани Батыею» Д. С. Лихачев писал: «На Евпатия переносятся подвиги его воинов и их боевые качества. Он как бы соединяет

в себе черты всего русского воинства. <...> ...полк Евпатия и сам Евпатий объединены. Благодаря этому Евпатий вырастает до богатырских размеров: он “исполин силою”... <...> Силен не богатырь – сильно воинство, которое он собой воплощает. Художественное обобщение идет по пути создания собирательного образа героя, воплощающего в себе качества всех русских воинов. Этим путем шло развитие образа былинного богатыря, который со временем стал один, без войска, воевать за Русскую землю против огромной рати врагов» [10, с. 114–115]. Эта традиция продолжилась и в годы Великой Отечественной, достаточно вспомнить девиз военных лет «За Родину, за Сталина!» или послевоенное народное именование Г. К. Жукова «Маршалом Победы».

В отличие от рассмотренного выше символизированного героя, «героя-идеала» как живого воплощения таинственного «внутреннего порядка существования» народного духа, который сам по себе скрыт от непосредственного наблюдения, – собирательный образ «“я / он” ← из “мы”» строится не из «духовной вертикали», а по «социальному горизонту», по «военным / историческим достижениям», то есть не как понятийное обобщение, а как центр тематического поля, втягивающий в себя типичные черты героического из окружающих.

Идейно-нравственная основа героического компактно ассоциировалась в те годы с определением *советский* и словосочетанием *советский человек*. Яркий пример типизации персонажа на основе этого определения, а в сюжетном плане пример его личностной самоидентификации через определение *советский* – в хрестоматийной «Повести о настоящем человеке» Б. Н. Полевого. В госпитале после ампутации ног комиссар показывает Алексею статью о русском летчике, который в Первую мировую вернулся после ампутации в авиацию:

«– Прочел? – хитровато спросил Комиссар. <...>

– Но у него не было только ступни.

– А ты же советский человек.

– Он летал на “фармане”. Разве это самолет? Это этажерка. На нем чего не летать? Там такое управление, что ни ловкости, ни быстроты не надо.

– Но ты же советский человек! – настаивал Комиссар.

– Советский человек, – машинально повторил Алексей, всё еще не отрывая глаз от заметки; потом бледное лицо его осветилось каким-то внутренним румянцем, и он обвел всех изумленно-радостным взглядом» [13, с. 142].

Определение *советский* выступало в функции «обобщенно-собирательной» характеристики по отношению ко всему спектру ценностей, ассоциировавшихся с *гражданином Страны Советов, настоящим человеком* – с особыми обязанностями (важнейшие – *долг* и *труд*) по отношению не только к Родине, но и к самому себе. Определение *советский* «гражданин СССР» – было предметом гордости, достаточно вспомнить хрестоматийные «Стихи о советском паспорте» В. В. Маяковского с афористическим финальным отождествлением личного я и общего *Советский Союз*: «Читайте, / завидуйте, / я – / гражданин // Советского Союза». Храня преемственность поколений, важно понимать, насколько нераздельны были слова *русский* и *советский* – как синонимы *Родины*, вместе отражающие целостное чувство принадлежности и единства с ней.

Собирательное ««мы» – одно целое» в случае литературной баталистики основывается на пресуппозитивном («подразумеваемом») общеизвестном «списке» тех, кто ковал Победу, то есть местоимение *мы* используется вместо перечня апеллятивов, приобретая обобщенно-собирательное значение. Прецедентные публицистические формулы собирательного образа героя Великой Отечественной в наши дни – «поколение победителей», в поздравительной перифразе – «Спасибо деду за Победу!» Современные слова-обобщения *победители* и *дед(ы)* – это наша нынешняя благодарная память. Обобщающие именованья во время Великой Отечественной – это прежде всего *фронтовики* и *труженики тыла*. Дальнейшее расширение этого лексического поля нарицательных антропонимов применительно к тому времени: *партизаны*, *подпольщики*, *военачальники*, *дети войны*... Обобщающие именованья, которые можно трактовать как выражающие живое чувство народного единения: *русская земля – советская страна / Страна Советов, русский человек – советский человек*.

Думается, общая память о «поколении победителей» ближайшим образом связана с двумя произведениями. Во-первых, воинский марш В. И. Агапкина «Прощание славянки», впервые прозвучавший накануне Первой мировой войны с инициальным призывом «Встань за Веру, Русская земля!». Во-вторых, героическая маршевая песня «Священная война» (В. И. Лебедев-Кумач, музыка А. В. Александрова) с инициальным призывом «Вставай, страна огромная...». Эти песни-призывы, песни-воззвания обращены ко всем вместе – а значит, и к каждому отдельно. К «мы» и к «я». Именно так они воспринимались и воспринимаются доньше русскими людьми.

Толстой А. Н. в своем фронтовом очерке «Родина» (ноябрь 1941 года) живое чувство всенародного единства, соединенности каждого со всеми раскрывает через концептуальную метафору *гнезда*: «Гнездо наше, родина возобладала над всеми нашими чувствами. <...> Человеческие лица, ставшие такими серьезными, и глаза всех – такими похожими на глаза людей с одной всепоглощающей мыслью, и говор русского языка – все это наше, родное, и мы, живущие в это лихолетье, – хранители и сторожа родины нашей» [18, с. 505]. Ключевая особенность данного фрагмента – контекстуальная синонимизация ряда нарицательных именованний лиц и метонимически близких именованний частей человеческого тела, выступающих как лексические конкретизаторы дескрипторных прономинальных именованний «я – мы»: *лица*, *глаза*, *хранители*, *сторожа*. В совокупности с выступающими в функции гиперонимов местоимением *мы*, существительным *родина*, определениями *наше*, *родное*, словосочетанием *говор русского языка* и инициальным метафорическим словосочетанием *гнездо наше* эти языковые средства стилистически и риторически перекликаются с характерным для древнерусской словесности «плетением словес». По оценке специалистов, такого рода «лексическая синонимия» (в кавычках, поскольку это скорее семантический повтор, не собственно синонимы или квазисинонимы, а семантически близкие единицы ядерной части концептуального поля) реализует многообразные функции: «...ограничение или усиление полноты смысла (отсюда впечатление “словесной сытости”), подчеркивание ритмики текста» [17, с. 97].

Концептуальная метафора Родины как «гнезда», отсылающая в контексте очерка А. Н. Толстого к представлениям о родителях и детях, о доме как детстве и выходе – «вылете» из него как взрослении, может быть прочитана словами философа С. Л. Франка как «чувство своей утвержденности в таинственных, охватывающих нашу личность глубинах бытия» [19, с. 58]. Н. П. Майоров (1919–1942), погибший в 1942 году под Смоленском, в стихотворении с названием «Мы» (1940), однозначно отсылающем к представлению о предвоенном поколении в целом, начинается местоимением я – от первого лица: «Есть в голосе моём звучание металла. / Я в жизнь вошёл тяжёлым и прямым...»

Это только первые строки. Далее – о поколении, с местоимением мы, которое оказывается референциально бифункциональным: «мы» – это и поколение, и лирическое «я», которое одновременно – исповедальный лирический герой: «Мы жгли костры и вспать пускали реки. / Нам не хватало неба и воды. / <...> Мы были высоки, русоволосы. / Вы в книгах прочитаете, как миф, / О людях, что ушли, не долюбив, / Не докурив последней папиросы. / <...> И, как бы ни давили память годы, / нас не забудут потому вовек, / что, всей планете делая погоду, / мы в плоть одели слово “Человек”!» [8, с. 176].

Семантическое отождествление «“мы” – как одно цельное “я”» включает разные поколения – живые и ушедшие. Лирическое «мы» в стихотворении Н. П. Майорова «Нам не дано спокойно сгнить в могиле» (1941) выступает как секуляризованное прочтение сакрального мотива «Божьего небесного воинства», которое не только ангелы, а, говоря современным языком, «бессмертный полк» вечно живых защитников Отечества, которым «не дано спокойно сгнить в могиле», потому что «полковая труба» по-прежнему взывает к ним: «Мы все уставы знаем наизусть. / Что гибель нам? Мы даже смерти выше. / В могилах мы построились в отряд / И ждем приказа нового. И пусть / не думают, что мертвые не слышат, / Когда о них потомки говорят» [8, с. 193].

Ключевое слово – *отряд*: и в номинативном метафорическом значении «отдельное воинское формирование» (метафора смерти как жизни-в-бессмертии), и в концептуальном «бессмертный полк». Д. С. Лихачев, в ходе размышлений об образе Евпатия Коловрата («Повесть о разорении Рязани Батыем») отмечая: «Не может быть сомнения в том, что, говоря о Евпатии, автор имел в виду не одного его, но всю его дружину», – имеет в виду не только живых, но и погибших дружинников: «Вот почему дальше говорится: “...татарове мняше, яко мертвы восташа”. Речь идет именно о *мертвых*, о многих воскресших бойцах» [10, с. 114]. Афористически точно мотив единства живых и мертвых бойцов – у В. С. Высоцкого в «Он не вернулся из боя» (1969): «Наши мертвые нас не оставят в беде, / Наши павшие – как часовые» [6, с. 108].

Выводы и перспективы развития поставленной проблемы. Прономинальная антропонимическая оппозиции «Я – Мы» выступает как средство языкового опредмечивания ядерной части концептуального поля «Соборность» – центрального в русской литературной баталистике. В древнерусской и советской литературе о войне соборность как «внутреннее единство» в ядерной части этого концепта репрезентируется прежде всего нарицательными существительными *народ* (с акцентированной

внутренней формой «мы все одного рода») и *Родина*, которые контекстуально замещаются квазисинонимом – местоимением мы в функции компактного именования концепта «Соборность».

Личные местоимения *я* и *мы* в контекстуальных взаимозаменах выступают в русской литературе о войне как маркеры единства личности и народа. С одной стороны, «центробежно» личностное «я» распространяется на «мы», на «всех»; с другой стороны, «центростремительно» «все» входят в отдельное «я». В целом это лингвоментальное явление – «пульсация соборности», текстуально опредмечиваемое представление о соборности как телесно-духовном «сердце» русского народа. Это «сердце», по самой внутренней форме слова, – сердцевина народного организма в его живой пульсации от целого – к части, от части – к целому.

Список литературы

1. **Ахматова, А. А.** Сочинения : в 2 т. Т. 1 / А. А. Ахматова. – Москва : Художественная литература, 1990. – 526 с.
2. **Белый, А.** Собрание сочинений : [в 17 т.]. Т. 8. Арабески. Луг зеленый / Андрей Белый. – Москва : Республика : Дмитрий Сечин, 2012. – 590 с.
3. **Бердяев, Н. А.** Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения / Н. А. Бердяев. – Paris : YMCA-press, 1934. – 190 с.
4. **Бычков, В. В.** Символизация в искусстве как эстетический принцип / В. В. Бычков // Вопросы философии. – 2012. – № 3. – С. 81–90.
5. **Волков, В. В.** Традиции русского соборного «мы» в воинских балладах В. С. Высоцкого / В. В. Волков, Н. В. Волкова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2023. – № 1(76). – С. 27–38. – EDN: CICXRI
6. **Высоцкий, В. С.** Собрание сочинений : в 5 т. Т. 2 / В. С. Высоцкий. – Тула : Тулица, 1994. – 544 с.
7. **Достоевский, Ф. М.** Дневник писателя : в 2 т. Т. 2 / Ф. М. Достоевский. – Москва : Книжный Клуб 36.6, 2011. – 752 с.
8. **Имена на поверке** / сост. Д. Ковалев. – Москва : Молодая гвардия, 1975. – 304 с.
9. **Конькова, М. Ю.** Синтез документальности и вымысла в балладах Ю. И. Визбора / М. Ю. Конькова // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2025. – № 4(129). – С. 106–112. – EDN: GSIWHW
10. **Лихачев, Д. С.** Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачев. – Санкт-Петербург : Азбука, 2015. – 320 с.
11. **Никулина, А. А.** Речевой портрет как способ идентификации личности: применение лингвистической теории в современном литературоведении // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2025. – № 2(125). – С. 97–102. – EDN: NXNJOX
12. **Орлов, С. С.** Порохом пропахнувшие строки : книга стихов / С. С. Орлов. – Москва : Молодая гвардия, 1986. – 190 с.
13. **Полевой, Б. Н.** Повесть о настоящем человеке / Б. Н. Полевой. – Москва : АСТ, 2022. – 384 с.

14. **Рождественский, Р. И.** Собрание сочинений : в 3 т. Т. 2 / Р. И. Рождественский. – Москва : Художественная литература, 1985. – 526 с.
15. **Симонов, К. М.** Собрание сочинений : в 10 т. Т. 1 / К. М. Симонов. – Москва : Художественная литература, 1979. – 670 с.
16. **Синельникова, Л. Н.** Интерпретация текста как наука и как искусство / Л. Н. Синельникова // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2026. – № 1(131). – С. 5–10. – EDN: QFWDZT.
17. **Судаков, Г. В.** «Плетение словес» как способ создания текста (на материале «Жития Стефана Пермского») / Г. В. Судаков // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2023. – № 2(29). – С. 95–99. – EDN: HSQRNF
18. **Толстой, А. Н.** Собрание сочинений : в 10 т. Т. 10 / А. Н. Толстой. – Москва : Художественная литература, 1961. – 712 с.
19. **Франк, С. Л.** Духовные основы общества / С. Л. Франк. – Москва : Республика, 1992. – 511 с.

**Volkov V. V.,
Volkova N. V.**

The Russian Warrior as the Bearer of the Conciliar «We» in Ancient Russian and Soviet Fiction About the War

The article examines the functioning of personal pronouns in Ancient Russian and Soviet fiction about the war, the authors identify common pronominal motif complexes that reveal conciliarity as a central feature of the Russian mentality and a condition for the invincibility of Russian weapons. In accordance with the Russian humanitarian tradition, conciliarity is understood as the «primary internal unity» of society and the people, which at the linguistic level is manifested in the special contextual semantics of the pronouns «we» and «I», namely: on the one hand, the grammatical meaning of the plural in the pronoun «we» is neutralized in the semantics of indivisible integrity; on the other hand, the grammatical meaning of the singular in the pronoun «I» develops into a collective meaning.

Key words: *fiction about the war, linguistic conceptology, motif complex, Russian mentality, conciliarity, philological hermeneutics*

Токарев Григорий Валериевич,
д-р филол. наук, профессор,
заведующий кафедрой документоведения и
стилистики русского языка
ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л. Н. Толстого»
grig72@mail.ru

Коллективное портретирование как проявление креативности текста

Статья посвящена исследованию проблемы лингвокреативности на материале повести Л. Н. Толстого «Кавказские казаки». Креативность рассмотрена как семиотическое явление, в основе которого лежит желание автора воздействовать на адресата, удивлять его, притягивать внимание, создавать трудности в восприятии. Креативность не совместима с регулярностью, серийностью, унифицированностью, каноничностью. В статье обоснован тезис, что приём портретирования народа является проявлением креативности текста. В ходе исследования установлено, что портретирование характера кавказского казака в повести Л. Н. Толстого характеризуется комплексностью описания и основано на умении видеть типичное, делая выводы на основе частных деталей. Л. Н. Толстой выступил новатором в создании подобной зарисовки, которая завершена в смысловом отношении и представляет собой этнографический очерк, включённый в художественный нарратив. Выявлено, что в повести воплощена дедуктивная схема портретирования: автор изначально описывает казаков, их мировоззрение, жизнеустройство, а затем показывает воплощение выделенных черт в индивидуальных характерах персонажей своего произведения. Воссозданный Л. Н. Толстым портрет целого народа представлен в виде кластера.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, повесть «Кавказские казаки», текст, лингвистическая креативность, коллективное портретирование, кавказские казаки

Введение. Идейный и эстетический потенциал текста определён степенью креативности автора. Данная категория стала обсуждаться в последние десятилетия в рамках психо- и когнитивной лингвистики [4; 5; 8], однако она была очевидна как для филологов, так и для обычных читателей, пожалуй, с момента зарождения литературы как вида искусства. О. К. Ирисханова предлагает понимать под креативностью «не только <...> создание нового продукта – текста или слова, которых „никогда не было“, но и как нетривиальный выбор одного из уже имеющихся и известных говорящему средств конструирования образа объекта» [8, с. 161]. Данная дефиниция характеризуется широкой трактовкой: исследователь предлагает считать креативным любой новый текст. С этим утверждением вряд ли можно согласиться: на наш взгляд, новое не всегда является креативным. Также слишком обтекаемой является формулировка «нетривиальный выбор» языкового средства. В том же ключе, что и О. К. Ирисханова, рассуждает

В. З. Демьянков, полагающий, что креативным является новое, малоизвестное. И. В. Зыкова рассматривает лингвокреативность как «способность глубинных (концептуальных) оснований (как результатов познания мира), реализуемую коллективной личностью (социумом, народом) и индивидуальной личностью (отдельным представителем социума, народа), системно порождать разнородные знаки языка <...> и обеспечивать процесс их коммуникативной адаптации к построению прагматически ориентированного дискурса, в ходе которого базовые формы языковых знаков могут подвергаться разного рода преобразованиям, т. е. модифицируются» [6, с. 27].

Как следует из приведённого определения, креативность рассматривается в качестве способности, компетенции, которой владеет как отдельный индивид, так и сообщество в целом, заключающейся в генерировании процессов семиозиса, в котором базовое подвергается модификации. Современные учёные размышляют над целями формирования креативности. Е. Г. Беляевская к ним относит стремление «<...> имитировать идиолект другого человека <...>; сформировать свой индивидуальный идиолект, отличный от других идиолектов <...>; дать имена новым объектам <...>; уточнить имеющиеся номинации; оказать определенное воздействие на получателя информации <...>; изменить существующий язык или создать новый язык <...>; сконструировать новый тип текста или новую по форме и содержанию часть текста; дополнить созданный текст иллюстративным материалом» [3, с. 8–9]. Мы полагаем, что креативность следует рассматривать как семиотическое явление, в котором можно выделить концептуальную и знаковую составляющие.

На концептуальном уровне креативность проявляется в оригинальности сгенерированного знания. На знаковом – в необычном способе его презентации. Причём концептуальное и знаковое не отражают взаимосвязи. Оригинальное знание может быть выражено узуальными средствами. И наоборот, известные знания могут находить неожиданные способы своего выражения. Благоприятной вербальной почвой проявления креативности является художественный текст, для которого характерна меньшая предопределённость в воплощении нарративных перспектив, широкие возможности при выборе репрезентантов. Она связана с оригинальностью использования языковых средств, что продиктовано нарушением сложившейся нормы, обращением к девиациям либо включением в текст необычных языковых элементов. Креативность, по нашему мнению, связана с созданием трудностей декодирования информации: чем актуальнее информация, чем необычнее способы её презентации, чем труднее её декодировать, тем выше степень креативности текста. Креативность находит своё воплощение в интригующем сюжете. И, как венец всему, креативность, отражается в глубине идейного содержания текста и его иллюкативной силе. Использование данных средств и приёмов детерминирует суггестивность [15] текста, которая, безусловно, обусловлена креативностью.

Мы полагаем, что креативность, с одной стороны, заложена в ментальной сфере творца текста, с другой – его адресата. Адресант генерирует содержание и определяет формы его презентации. Адресат оценивает отправленное ему сообщение с точки зрения информативной ценности, эстетичности, оригинальности, оправданности выбранных средств в силу имеющейся читательской компетенции. Полагаем, что креативность сообщения является

признаком декодированного получателем текста. Она может быть оценена только адресатом. Итак, креативность находит своё выражение в двух аспектах – ментальном и знаковом. Она имеет свою семиотику, то есть синтаксис, проявляющийся в совокупности знаковых средств и приёмов их комбинации, семантику, включающую оригинальные значения и значимости, прагматику, состоящую в иллокутивной направленности сообщения. Креативность прагматична, она ориентирована на адресата. В её основе лежит желание автора воздействовать на адресата, удивлять его, притягивать внимание, создавать трудности в восприятии. Креативность не совместима с регулярностью, серийностью, унифицированностью, каноничностью. Эти признаки уничтожают уникальность. В данной работе под креативностью мы понимаем способность адресата необычно выражать оригинальные смыслы, использовать нетипичные способы и готовность адресата их воспринимать.

Методы и методология. *Объектом* исследования является повесть Л. Н. Толстого «Казачество», *предметом* – лингвистические приёмы создания национального портрета как проявление лингвистической креативности. Под портретом традиционно понимается «<...> описание либо создание впечатления от внешнего облика персонажа <...>» [10, с. 763]. Мы исходим из того, что комплексное, завершённое портретирование народа является новым приёмом для художественной литературы. Л. Н. Толстой первым рассматривает кавказское казачество как этнокультурный феномен. Новизна информации определяет креативность сообщения. Исследование портретирования казачества находит своё отражение в филологических исследованиях [2; 11; 12; 13]. *Целью* данной статьи является рассмотрение языковых средств и способов создания коллективного портрета. Поставленная цель достигается методами и приёмами концептуального, компонентного анализа, лингвокультурологической интерпретации.

Результаты исследования. Уже в ранних произведениях Л. Н. Толстой сумел показать талант в создании портрета персонажа, умение выявить связь между внешним и внутренним. А. Н. Попова отмечает: «Способы подачи портрета очень разнообразны: он дается и общим планом, и близким; может быть схематичным и детализированным. Изображение героя бывает объективным, без каких-либо комментариев и оценок, и субъективным, когда оно передает отношение писателя к персонажу, создаёт определённое настроение» [14, с. 63]. Портрет персонажа, как правило, включает описание его внешних признаков: лица, телосложения, походки, одежды. В повести «Казачество», наряду с традиционным литературным портретированием, Л. Н. Толстой создаёт портрет целого народа – гребенского казачества. Тем самым писатель ставит задачу не только художественно воплотить представителей данного социума, но и типизировать их, осмыслить черты национального характера. Современные учёные национальный характер определяют через «<...> особенности восприятия окружающего мира и формы реакций на него» [12, с. 242], «<...> поведенческую модель, типичную для данного народа и обусловленную единством общественного сознания, общностью системы надличностных коллективных представлений о мире, обществе, личности и нормах поведения каждого человека <...>» [11, с. 90], «<...> отношение к другим людям, отношение к труду и его результатам,

отношение к самому себе» [1, с. 36]. В многообразных дефинициях национального характера можно выделить две важные составляющие: мировоззренческую и поведенческую.

Портретирование характера кавказского казака в повести Л. Н. Толстого характеризуется комплексностью описания и основано на умении видеть типичное и делать выводы на основе частных деталей. Эта черта является следствием наблюдательности автора, его незаурядных аналитических способностей. Л. Н. Толстой выступил новатором в создании подобной зарисовки, которая вполне завершена по смыслу и может быть рассмотрена как этнографический очерк, включённый в художественный нарратив. Т. Х. Ахмадова отмечает, что «этнографические элементы повести Л. Н. Толстого были замечены сразу же после выхода произведения в свет» [2, с. 533]. Это обобщение, очевидно, является результатом не научных изысканий писателя, а обыденных наблюдений. Созданный портрет характеризуется точностью, объективностью, достоверностью. В повести воплощена дедуктивная схема портретирования. Л. Н. Толстой изначально описывает казаков, их мировоззрение, жизнеустройство, а затем показывает воплощение выделенных черт в индивидуальных характерах персонажей своего произведения.

Коллективный портрет Л. Н. Толстой начинает с истории возникновения кавказского казачества. Наивный характер описания выражают единицы с приблизительным значением *очень, очень давно*. Писатель ссылается на предание: «Предание, еще до сих пор свежее между казаками, говорит, что царь Иван Грозный приезжал на Терек...» [16]. Главные этапы жизни народа объективированы ключевыми глаголами: *бежали, поселились, перероднились*. Писатель считает важным рассказать существенное о мировосприятии казака, впитавшего традиции кавказцев, но сохранившего свой язык и старую веру: «<...> Живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев; но удержали и там во всей прежней чистоте русский язык и старую веру...» [16].

Семантика глагола *удержали*, несомненно, передаёт положительную оценку казачества, сумевшего сохранить свои ценности в чужом пространстве. Язык и вера имплицитно характеризуются как главные ценности народа, доминанты его идентичности [9, с. 42]. Л. Н. Толстой выделяет наиболее существенные, по его мнению, черты казака: «<...> любовь к свободе, праздности, грабежу и войне <...>» [16], называя ключевыми словами фреймы в его концептуальной картине мира и репрезентируя стереотипы русских о нём. Данный способ позволяет, с одной стороны, лаконично, с другой – насыщенно объективировать особенности жизни казака, выразить типичное. Для полноты портрета Л. Н. Толстой использует приёмы автохарактеристики, он воплощает взгляд казака на действительность с позиции самого казака: «считает себя на высокой степени развития и признает человеком только одного казака; на все же остальное смотрит с презрением» [16].

Заметим, что, несмотря на противоречие изложенного положения дел русским культурным установкам, в тексте оно не сопровождается оценочной аранжировкой, нейтрально, носит констатирующий характер. Л. Н. Толстой показывает, что по своему мировоззрению казак ближе горцам, нежели русским, изображая в пренебрежительных тонах русского солдата, показывая

его чуждость, называя его диким и презренным, прибегая к негативным сопоставлениям: «Казак <...> менее ненавидит джигита-горца, который убил его брата, чем солдата, который стоит у него, чтобы защищать его станицу, но который закурил табаком его хату. Он уважает врага-горца, но презирает чужого для него и угнетателя солдата. Собственно, русский мужик для казака есть какое-то чуждое, дикое и презренное существо...» [16]. Причина этого кроется в попытке русских ограничить свободу казака, что подтверждается сигнификатом характеризующего слова *угнетатель*. Словами *щегольство*, *лучший* автор воплощает своё любование казачеством, подчёркивает его превосходство над другими. Лексическими повторами указанных выше слов Л. Н. Толстой даёт высшую оценку казаку, выделяя в нём внешние признаки и тем самым вскрывая их важность в коллективном мировоззрении. При этом чувствуется авторская ирония в отношении подобной самооценки казака, что отражается эмотивно окрашенным суффиксом в слове *народец*, противопоставлением обстоятельств: «...закинутый в уголок земли, окружённый полудикими племенами...» – с одной стороны, и характеристикой «...считает себя на высокой степени развития...» [16].

Описание занятий казака характеризуется лаконизмом, конкретностью и стереотипностью: *служит, не работает, гуляет*. Изображение отношений к женщине косвенно подчёркивает маскулинный характер культуры. Изложение строится на оппозиции: сам не работает, но женщину принуждает работать, сам свободен, но женщину лишает этого права, при этом подчиняется женщине в семейном кругу. Говоря о казачках, Л. Н. Толстой отдаёт пальму первенства ей, высоко оценивая её: «...Женщины большею частью и сильнее, и умнее, и развитее, и красивее казаков» [16]. Внешнее щегольство этого народа, важность для него свободы отражает устройство всего поселения – простор, широта улиц, отдельно стоящие дома и их ухоженность. Воссозданный Л. Н. Толстым портрет целого народа может быть представлен в виде кластера, узлами которого выступают следующие смысловые элементы:

- происхождение казаков;
- выявление причин самобытности характера казаков;
- главные черты в характере казаков;
- отношение казаков к другим народам;
- отношение казаков к русским, влияние на казаков государства;
- женщина казака;
- отношение казака к женщине; отношения между мужчинами и женщинами в казачьих семьях;
- занятия мужчин и женщин;
- отношение казака к спиртному;
- отношение казака к труду;
- материальная основа жизни казаков;
- жилище казаков;
- одежда казаков.

Чёткость элементов кластера, логичность, полнота, несомненно, отражают научный подход к решению поставленной задачи. Представленный кластер находит своё отражение в типичных представителях казачьей

среды. Рассмотрим особенности семантического воплощения кластера на примере образа Лукашки. Молодой казак Гаврилов Лука, по прозвищу Урван, данному ему за спасение из воды тонущего мальчика, происходил из бедной семьи. У товарищей он пользуется уважением, служит на кордоне. Он отличается внешней статью, физической и нравственной силой, свою бедную одежду носит щеголевато, как джигит. В описании Лукашки отражены отдельные семантические доминанты, намеченные в коллективном портрете: положительная оценка внешности, манеры поведения, ориентированность на культуру горцев при сохранении собственной самобытности. В разговоре со своим приятелем Назаркой Лукашка демонстрирует своё безразличие к женскому полу. У него есть любовница. Он не прочь жениться, однако к женщинам он не питает глубоких чувств. На службе Лука проявляет смелость и сноровку и убивает абрека, пытающегося незаконно переплыть реку. Возвращаясь в станицу героем, Лукашка пускается в разгул с молодой распутной казачкой Ямкой. В то время как мать и сестра выполняют домашние работы, он пьянствует, однако его близкие воспринимают это как норму. Получив в подарок от Оленина коня, Лукашка направляется на кордон, а не к Марьяне, что показывает его пренебрежительное отношение к женщине. Он крадёт у чеченцев коней и продаёт их. Дополнением образа Лукашки является образ старого казака Ерошки. Л. Н. Толстой показывает казака на разных этапах жизни.

Выводы. Итак, приём портретирования целого народа в рамках художественного текста может быть рассмотрен как проявление креативности автора. Продумывая разные сюжеты повести, Л. Н. Толстой нашёл оригинальный способ на фоне истории русского дворянина изобразить гребенского казака и конкретизировать его в образах персонажей. Аналитический талант автора, умение выделять главное проявились в создании прототипа казака. Л. Н. Толстой выбрал стратегию эксплицитного представления знания о типичном. Он смоделировал культурный прототип. Основным приёмом стала репрезентация знания в форме гетеростереотипа: портрет казака создан на основе типичных представлений русских о данном народе. Созданный коллективный портрет, составляющий этнокультурный очерк, органично вплетён в художественный нарратив. Положенный в его основу когнитивный кластер отражает, с одной стороны, интерес автора к ментальной стороне человека, с другой – к осуществляемым им типичным поведенческим практикам. Уникальность портрета заключается в том, что он органично сочетает в себе научное, обыденное, художественное.

Список литературы

1. Астахов, О. Ю. Факторы детерминации национального характера: проблемы и исследования / О. Ю. Астахов, А. А. Гук, Г. Н. Миненко, О. В. Ртищева. – Кемерово : КеиГИК, 2023. – 120 с.
2. Ахмадова, Т. Х. Этнографический материал в повести Л. Н. Толстого «Казаки» / Т. Х. Ахмадова // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 6(85). – С. 533–534.
3. Беляевская, Е. Г. Лингвистическая креативность и где её следует искать / Е. Г. Беляевская // Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации : тез. докл.

- междунар. науч. конф., приуроч. к 90-летию со дня рождения проф. В. Н. Телия и 100-летию Белорус. гос. ун-та, Минск, 22–24 окт. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т, Ин-т языкознания Рос. акад. наук, Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова ; редкол.: М. С. Гutowская (гл. ред.), И. В. Зыкова, В. В. Красных. – Москва, 2021. – С. 8–10.
4. **Демьянков, В. З.** Языковая креативность в художественном творчестве / В. З. Демьянков // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2016. – № 7. – С. 29–35.
 5. **Заботкина, В. И.** Когнитивные основы лингвистической креативности / В. И. Заботкина // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 38. – С. 208–216.
 6. **Зыкова, И. В.** Методологические векторы изучения лингвистической креативности в кинодискурсе / И. В. Зыкова // Уральский филологический вестник. – 2020. – № 29. – С. 23–36.
 7. **Зыкова, И.** Константа лингвокреативность / Ирина Зыкова // Зыкова И. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. – Москва, 2017. – С. 542–667.
 8. **Ирисханова, О. К.** О понятии креативности и его роли в метаязыке лингвистических описаний / О. К. Ирисханова // Когнитивные исследования языка. – 2009. – № 5. – С. 158–171.
 9. **Карасик, В. И.** Языковые картины бытия / В. И. Карасик. – Москва : Институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. – 468 с.
 10. **Литературная энциклопедия терминов и понятий** / под ред. А. Н. Николюкина. – Москва : Интелвак, 2001. – 799 с.
 11. **Мишенькина, Е. В.** Понятия «национальный характер» и «национальный менталитет» в рамках социолингвистики / Е. В. Мишенькина // Культура. Литература. Язык : материалы конф. «Чтения Ушинского» / [под ред. М. Ю. Егорова]. – Ярославль, 2010. – Ч. 1. – С. 87–92.
 12. **Овсянникова, Т. А.** Национальный характер и национальное сознание / Т. А. Овсянникова // Тренды развития современного общества : сб. науч. ст. 9-й Междунар. науч.-практ. конф. (Курск, 19–20 сент. 2019 г.) / [отв. ред. А. А. Горохов]. – Курск, 2019. – С. 242–245.
 13. **Овчинников, Ф. В.** Особенности казачьего хронотипа в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» / Ф. В. Овчинников // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2024. – № 4(121). – С. 74–82.
 14. **Попова, А. Н.** Национальный портрет как актуальная проблема филологии и межкультурной коммуникации / А. Н. Попова // Проблемы теории и практики современной науки : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (21 мая 2018 г.) / Науч.-образоват. учреждение «Вектор науки» ; науч. ред. Т. А. Колесникова. – Москва, 2018. – С. 63–72.
 15. **Потебня, А. А.** Мысль и язык / А. А. Потебня. – Москва : Лабиринт, 1999. – 300 с.
 16. **Толстой, Л. Н.** Казаки / Л. Н. Толстой // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. – Москва, 1950. – Т. 7. – С. 3–150.

Collective Portraiture as a Manifestation of the Creativity of the Text

The article is devoted to the study of the problem of linguistic creativity based on the novel «The Cossacks» by L. N. Tolstoy. Creativity is considered as a semiotic phenomenon and it is based on the author's desire to influence the addressee, surprise him, attract attention, and create difficulties in perception. Creativity is incompatible with regularity, seriality, uniformity, and canonicity. The article substantiates the thesis that the method of portraying the people is a manifestation of the creativity of the text. In the course of the study, it was established that the portrayal of the character of the Caucasian Cossack in the story of L. N. Tolstoy's description is characterized by its complexity. It is based on the ability to see the typical and draw conclusions based on particular details. The author was an innovator in creating such a sketch, which is complete in terms of meaning and is an ethnographic essay included in the artistic narrative. It is revealed that the story embodies a deductive portraiture scheme. L. N. Tolstoy initially describes the Cossacks, their worldview, and way of life, and then shows the embodiment of the selected features in the individual characters of the characters in his work. L. N. Tolstoy's recreated portrait of an entire nation is presented as a cluster.

Key words: *L. N. Tolstoy, the novel «The Cossacks», text, linguistic creativity, collective portraiture, Caucasian Cossacks*

УДК 821.161.1–31.09:929 Достоевский

Болотская Маргарита Павловна,

канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры «Русский язык и методика
преподавания русского языка»
ФГБОУ ВО «ПГУ»
margarita_bolotskaya@mail.ru

Рябова Мария Владимировна,

ст. лаборант кафедры «Литература и
методика преподавания литературы»
ФГБОУ ВО «ПГУ»
mariarabova80694@gmail.com

Символика лексики с семантическим компонентом «свет» в романе «Бедные люди» Ф. М. Достоевского

Исследована лексика, репрезентирующая источники света, её символическое наполнение, а также связанные с ней художественные образы в романе «Бедные люди» Ф. М. Достоевского. Рассмотрен механизм развития символического значения у лексики с семантическим компонентом «свет» (исследование проведено на основе филологического анализа текста художественного произведения). Выделены и проанализированы лексические единицы, представляющие свет; отмечены языковые единицы, выступающие в качестве ключевых; в частности, рассмотрена как смыслообразующая контекстуальная антитеза «лампадка – солнце», раскрывающая диалектику боли и радости, а также связи между физическим движением света и душевным состоянием персонажей. Определено, что компоненты лексико-семантической группы «свет» выступают ярким средством художественной выразительности, позволяют автору не только структурировать пространство, но и транслировать модальные смыслы, утверждая приоритет внутреннего, духовного озарения над внешней, социально обусловленной тьмой существования. Указана роль языковых единиц, репрезентирующих источники света как значимого структурного компонента в формировании подтекста в художественном произведении Ф. М. Достоевского.

лексика, лексема, семантика, символика, лексико-семантическая группа «свет», Ф. М. Достоевский

Введение. Творчество Ф. М. Достоевского, классика русской литературы, выдающегося писателя, чьи произведения вызывают неослабевающий интерес в мире, продолжает оставаться объектом глубокого научного интереса. В его произведениях, в частности в романе «Бедные люди», лексика с семантическим компонентом «свет» несёт значительную символическую нагрузку, являясь важным средством художественной выразительности. Несмотря на очевидную важность изучения символизма в художественных произведениях и роли образов, связанных с источниками света, в организации художественного

пространства, данный аспект остаётся в числе малоизученных, чем и обуславливается *актуальность исследования*.

Исходя из темы формулируется следующая *цель*: рассмотреть символику лексики с семантическим компонентом «свет» в тексте художественного произведения Ф. М. Достоевского «Бедные люди».

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие *задачи*: выделить лексические единицы с семантическим компонентом «свет»; определить роль языковых единиц, репрезентирующих источники света, в формировании подтекста в художественном произведении Ф. М. Достоевского, их символические значения.

Научная новизна проявляется в том, что компоненты лексико-семантической группы «свет» исследуются как яркое средство художественной выразительности, позволяющее автору не только структурировать пространство, но и транслировать модальные смыслы, утверждая приоритет внутреннего, духовного озарения над внешней, социально обусловленной тьмой существования.

Методы. Основной метод исследования – филологический анализ текста, а также метод сплошной выборки языкового материала, описательный метод.

Теоретическая значимость заключается в стратегии исследования лексических единиц с точки зрения выявления механизмов перехода прямого значения в символическое. *Практическая значимость* – в возможности исследования идиостиля Ф. М. Достоевского – «системы авторского понимания действительности, отображенной в эксплицитном и узнаваемом коде языка произведения, для которого характерна совокупность специфических языковых единиц, художественных методов и приёмов, формирующих инвариантный личностный смысл автора» [7, с. 18], а также при изучении лексической системы русского языка.

Результаты исследования. Символика лексики с семантическим компонентом «свет» имеет особое значение в литературе, что обусловлено универсальной природой света как фундаментальной категории человеческого восприятия, а также глубокой связью с культурным наследием русского народа. В русской традиции свет часто ассоциируется с духовностью, истиной, божественным началом, надеждой и просвещением, выступая антиподом тьмы, символизирующей невежество, зло и отчаяние; формирует богатый символический пласт; эта дихотомия прослеживается не только в фольклоре русского народа, но и русской классической литературе. Изучением особенностей языковых единиц, репрезентирующих источники света в художественных текстах, занимались многие исследователи (см., например, публикации В. Н. Беляевой, О. А. Богдановой, П. А. Чересюк и др.) [2; 3; 12; 13], работы их направлены на анализ функционирования языковых единиц, связанных со светообозначением, в художественных произведениях, выявление их эстетических возможностей и отношений с другими элементами произведений, участвующими в формировании образа автора как категории подтекста.

В творчестве Ф. М. Достоевского «световая» лексика занимает особое место, так как несёт большую символическую нагрузку, раскрывает глубинные психологические состояния, моральные дилеммы, позволяет понять

духовные поиски героев. Многочисленные исследования (Л. П. Гроссман, Н. А. Азаренко, К. А. Бондаренко) подтверждают эту особенность, подчёркивая многогранность и сложность функционирования световых образов в его прозе [1; 6; 8]. В частности, Л. П. Гроссман выделяет у Ф. М. Достоевского его способность оперировать «игрой светотеней, неожиданным блеском в сумраке, озарениями гаснущих свеч...» [8, с. 119].

В тексте романа «Бедные люди» Ф. М. Достоевского были выделены и классифицированы лексические единицы с семантическим компонентом «свет» (с учётом их смысловой нагрузки, глубокого раскрытия образов героев произведения) по следующим тематическим группам:

1. Утренний свет («утро») как начало нового дня и начало новой жизни (в основном лексемы «утро», «солнце»): «Что это какое утро сегодня хорошее, маточка! У нас растворили окошко; солнышко светит, птички чирикают, воздух дышит весенними ароматами, и вся природа оживляется – ну, и остальное там всё было тоже соответственное; всё в порядке, по-весеннему.

Сегодня я тоже весело встала. Мне было так хорошо... Целое утро мне было так легко на душе, я так была весела!» [9].

Утро, связанное с пробуждением, сменой дня, символизирует обновление. Для Макара Алексеевича утро восьмого апреля было на его удивление особенно хорошим («Что это какое утро сегодня хорошее, маточка!» [9]); начинается оно с мечтаний о Вареньке. У Варвары Алексеевны утро того же дня было не менее чудесным, на что указывают наречие «весело», краткое имя прилагательное «весела», слова категории состояния в составе составных именных сказуемых «было хорошо, было легко на душе», а также эпитеты («свежее», «яркое», «блестящее»): этим утром Варенька позволила себе забыться и насладиться каждой его секундой: «Бывало, с самого раннего утра убегу или на пруд, или в рощу, или на сенокос, или к жнецам – и нужды нет, что солнце печёт, что забежишь сама не знаешь куда от селенья, испарапаешься об кусты, разорвёшь своё платье, – дома после бранят, а мне и ничего.

Но сегодня свежее, яркое, блестящее утро, каких мало здесь осенью, оживило меня, и я радостно его встретила. Итак, у нас уже осень! Как я любила осень в деревне!» [9].

Как видим, ощущение счастья вызывает самые тёплые воспоминания о детстве, которые у Варвары Алексеевны были связаны с деревней, где утро становится символом той самой свободы, беззаботности, о которых позже человек может только мечтать, и даже обжигающее солнце не мешает ребёнку наслаждаться счастьем («и нужды нет, что солнце печёт»; «забежишь сама не знаешь куда от селенья, испарапаешься об кусты, разорвёшь своё платье» [9]), что отмечает эти мгновения как особо любимые, когда жила Варенька только настоящим, не заботясь ни о том, что было, ни о том, что будет. Так определение «самого раннего» при лексеме «утро» указывает и на желание девушки продлить ощущение счастья. Если в Петербурге случалось «свежее, яркое, блестящее» осеннее утро, Варенька сразу вспоминала осень в деревне как любимое время года («Как я любила осень в деревне!» [9]). Смена эмоционального состояния героини следует именно после наступления «того самого утра», о чем свидетельствует глагол «оживило» и сочетание глагола с определительным качественным наречием «радостно» («радостно

встретила»). Ср. с состоянием ночью, когда «не спим от страха; находят такие страшные сны» [9].

В жизни Варвары Алексеевны, какой бы ни была страшной ночь, все страхи забывались с рассветом, с наступлением утра жизнь менялась к лучшему, и Варенька оживала и расцветала, на что указывает сравнение «как цветочек». Присутствие света (и естественного, и искусственного) рядом с героем меняет состояние как окружающего мира, так и человека: яркие лучи солнца не только освещают мир природы, но и меняют его физическое состояние («лучи разбивают, как стекло, тонкий лёд» [9]), а кроме того, рассеивается мрак и в настроении человека (становится сразу «светло, ярко, весело!» [9]).

В рамках данной тематической группы, исходя из символических значений лексемы «свет», контекстуально синонимичными оказываются номинации следующей цепочки: утро – свет – обновление – надежда – оживление. Именно в такой последовательности прослеживаются изменения с наступлением утра – сначала природы, а затем душевного состояния героев.

2. Огонь как объединяющая сила света. Примечательно, что огонь в печке, согревающий и освещающий жильё, выступает символом соборности и единства, собирая вокруг себя всю семью (как и самовар: рядом со словоформой «к самовару» употребляется определительное местоимение «все»). Кроме того, вечером он не только собирает вокруг себя, но и даёт возможность работать: «Огонь-то мы с нею вместе держали, так за одним столом и работали» [9]. В нескольких контекстах подчёркивается объединяющая сила огня: «А нам-то любо было смотреть на неё; и не увидишь, как свечка нагорит, не слышишь, как на дворе подчас и вьюга злится, и метель метёт» [9]. Огонь противопоставляется опасности внешнего мира (вьюга, метель), становясь символом защищённого пространства (антитеза «внутреннее – внешнее»), атрибутом жизни человека, который «подсвечивает» важные эпизоды в ней [10, с. 157]. Образ свечи связан с жизнью и надеждой, являясь важным средством выражения модальности, а также служит подтекстом в реализации авторского мировосприятия [4, с. 160].

3. Свет ночью связан, прежде всего, со светом от лампадки (акцентируется именно в ночное время). Образ лампадки символичен. Во-первых, это символ надежды и веры: лампадка находится в комнате «бедной больной матушки». Свет, исходящий от неё, даёт силы противостоять отчаянию и укрепляет веру в выздоровление матери. Во-вторых, лампадка становится участником интимного диалога между Варенькой и Покровским. Определение «дрожащем» указывает на крайне малое количество света в комнате, что помогает создать обстановку, располагающую к откровенности, исповедальности и психологической обнажённости, поэтому герои находятся в уязвимом положении друг перед другом – движение огня отражает волнение героев [5, с. 443].

Ночь – единственное время суток для общения Макара Алексеевича и Варвары Алексеевны «без лишних глаз», закрытого от общественного осуждения и контроля, которое позволяет не давать лишних поводов окружающим для пересудов – символизирует возможность встречи, общения. Чрезмерная обеспокоенность Макара Дежушкина мнением соседей ярко указывает на давление социальных законов морали и уязвимость героя перед лицом общества: «...да как же мне ходить к вам так часто, маточка, как?

я вас спрашиваю. Разве темнотою ночью пользуюсь; да вот теперь и ночей-то почти не бывает: время такое. Я и то, маточка моя, ангельчик, вас почти совсем не покидал во всё время болезни вашей, во время беспамятства-то вашего; но и тут я и сам уж не знаю, как я все эти дела обделывал; да и то потом перестал ходить; ибо любопытствовать и расспрашивать начали. Здесь уж и без того сплетня заплелась какая-то. Я на Терезу надеюсь; она не болтлива; но всё же, сами рассудите вы, маточка, каково это будет, когда они всё узнают про нас? Что-то они подумают и что они скажут тогда?» [9]. Однако тёмных ночей в Петербурге в этот период времени мало: наступила пора белых ночей, которая детерминирует дополнительный внешний барьер в личном общении героев, но наречие «почти» указывает на то, что возможность для встречи иногда, но случается: «И когда сердцу становится тяжело, больно, томительно, грустно, тогда воспоминания свежат и живут его, как капли росы в влажный вечер, после жаркого дня, свежат и живут бедный, чахлый цветок, сгоревший от зноя дневного» [9].

Встречи Макара Девушкина и Вареньки Доброселовой упоминаются в сравнении с каплями росы, которые оживляют «чахлый цветок» (Вареньку), и с солнцем, способным не только возрождать к жизни, но и причинять боль и страдания, если сила его света чрезмерна. Анализ данного контекста, где свет лампы (надежда, откровенность, уязвимость) противопоставляется солнечному свету (боль, грусть, мучения), позволяет говорить об использовании антитезы, в результате чего в качестве контекстуальных антонимов выступают лексемы «лампа» и «солнце». Она раскрывает диалектику боли и радости в переживаниях героев, которая подчёркивает ценность коротких, но глубоких встреч.

В «Бедных людях» ночь – это и время духовного света; она – метафора внутреннего мира «маленького человека», которому важно сохранить достоинство и чистоту в глазах общества. С помощью образа ночи (и связанного с ней источника света, его символической значимости) Ф. М. Достоевский раскрывает человеческую душу, значимость и глубина которой видна исключительно в условиях тишины, уединения.

4. Сумеречный свет, связанный с «безоблачным, бледным небом, закатом солнца, вечерним затишьем», отмечает вечер как время погружения в глубинные чувства и мысли: «Падает роса на траву, в избах на берегу засветятся огоньки, стадо пригонят – тут-то я и ускользну тихонько из дому, чтобы посмотреть на моё озеро, и засмотрюсь, бывало. Какая-нибудь вязанка хворосту горит у рыбаков у самой воды, и свет далеко-далеко по воде льётся. Небо такое холодное, синее и по краям разведено всё красными, огненными полосами, и эти полосы всё бледнее и бледнее становятся...» [9]. За закатом – красивым, но кратковременным природным явлением – следует темнота, поглощающая всё окружающее, от чего, бывает, появляется непреодолимое ощущение пустоты в сердце человека: «Иной раз, особенно в сумерки, сидишь себе одна-одинёшенька. Федора уйдёт куда-нибудь. Сидишь, думаешь-думаешь, – вспоминаешь всё старое, и радостное, и грустное, – всё идет перед глазами, всё мелькает, как из тумана» [9]. С наступлением темноты («иной раз, особенно в сумерки, сидишь себе одна-одинёшенька» [9]) ощущение глубинного одиночества Варвары Алексеевны усиливается (на что указывает наречие «особенно») чередой воспоминаний «и радостного,

и грустного», однако именно маму, как самого важного человека в своей жизни, Варенька «видит» более остальных.

Так, в день десятого июня Варвара чувствовала себя очень хорошо и легко, но именно в такие «лучшие» минуты в глубине души её по-особенному грустно и тяжело. Пустое небо и тишина того вечера (эпитеты «безоблачное, бледное» и метафора «вечернее затишье») являются противопоставлением мучительного душевного состояния героини, которое автор передает за счёт глаголов «переполнялось» («сердце переполнялось») с переносным значением «становиться целиком поглощённым каким-либо чувством, переживанием» и «просила» («душа просила слез») со значением «иметь потребность, нуждаться в чём-либо».

После переживаний на сердце Вареньки появится рана, которая никогда уже не затянется, а восприятие мира станет более трепетным, болезненным. Образ вечера в жизни Варвары Алексеевны станет пространством, в котором актуализируется ретроспективная память. Сумерки можно определить как некий «порог» между внешней реальностью, которая рассеивается, как туман, и внутренними процессами погружения в воспоминания. В данном контексте одиночество является не разрушающим, а напротив, рождающим лучшие воспоминания о близких (в первую очередь, о матери). Не только утро в деревне было особенно любимо Варенькой в детстве, но и осенний вечер, который она ждала, чтобы убежать смотреть на «своё» озеро. Знаком для ухода служили «огоньки» (образ свечей), которые загорались в избах; «огоньки», а также мерцание свечей выступают метафорой, отражая внутренний свет Варвары Алексеевны в борьбе с отчаянием и внешним мраком. Её наблюдения сопровождается свет закатного солнца, образ которого Ф. М. Достоевский передаёт метонимически – «красными, огненными полосами».

5. Игра света как отражение эмоционального состояния героев. Во время болезни матери бессонные ночи Вареньки наполняются страданиями: «Я мучилась. Я не знаю – я не могу припомнить себе, – но какой-то страшный сон, какое-то ужасное видение посетило мою расстроенную голову в томительную минуту борьбы сна с бдением» [9]. Колебания света в пространстве комнаты соотносятся с переживаниями, волнениями души, тревогой: смена света и тени и «борьба сна с бдением» создаёт тяжёлую атмосферу. Однажды ночью «в томительную минуту борьбы сна с бдением» ей приснился кошмар, поэтому она проснулась в ужасе, однако и в самой комнате накалялась обстановка «играми» света, которые автор передаёт через нисходящую градацию: «ночник погасал, полосы света то вдруг обливали всю комнату, то чуть-чуть мелькали по стене, то исчезали совсем» [9]. Описание света в комнате предельно точно передаёт кошмарное состояние Вареньки (ср., однако, с замечанием Макара Девушкина о том, что, какой бы ни была погода и всё вокруг, самоощущение зависит лишь от сердца: «Да из чего это вышло-то всё? Что солнышко проглянуло да небо полазоревело! от этого, что ли? Это ни от чего иного происходит, как от излишней, глупой горячности сердца» [9]). Сталкивая два мировоззрения, Макара Алексеевича (отражение боли вовне) и Варвары Алексеевны (проецирование радости вовне), писатель говорит о природе счастья и несчастья «бедных людей».

Выводы и перспективы развития поставленной проблемы. Проведенное исследование позволило рассмотреть механизмы развития

художественных символов у лексических единиц с семантическим компонентом «свет» в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди». Уже в первом оригинальном произведении Ф. М. Достоевского «свет» становится важнейшим компонентом в композиционном использовании времени, когда действие развёртывается в исключительно короткие временные отрезки; динамизм подчёркивается нагнетанием событий, катастрофическим их срывом; мрачный характер усиливается описанием героев произведения, их диалогов, жестов обычно в сумеречные и ночные часы при тусклом свете догорающей свечи или «угрюмо» мелькающих редких фонарей.

В ходе филологического анализа текста произведения классика русской литературы были рассмотрены прямые и переносные значения лексем, репрезентирующих свет, и определена их роль в раскрытии художественных образов и внутреннего конфликта «маленького человека».

Распределение языковых единиц по тематическим группам дало возможность выявить закономерность: «свет» в художественном пространстве «эволюционирует» от природного явления и прямого источника света к категории символической, которая наполняется различной семантикой, становясь символом гармонии и баланса (утро, огонь): номинации, связанные с утром, сопровождают действия героев, которые находятся на эмоциональном подъёме, внешний свет синхронизируется с внутренним стремлением к витальности – благодаря домашнему очагу создаётся баланс в мире: где-то воет вьюга, однако дома – единение и покой; символом осмысления себя (сумерки, вечер): мостом к интроспективным процессам героям служит именно уменьшение количества внешнего, естественного, освещения; интимно-коммуникативным символом (лампадка, ночь): глубокие личные разговоры происходят лишь при слабом свете лампы.

Исходя из анализа можно выделить использование автором косвенного психологизма: была обнаружена контекстуальная антитеза «лампадка – солнце» (малый свет ведёт к откровенности, а солнечное излучение ассоциируется с болезненным разоблачением и мучительной обнажённостью жизненных противоречий), а также выявлена связь между физическим движением света и душевным состоянием персонажа. «Изучая языковую деятельность писателя, мы проводим анализ его метафорического образа мира, под которым понимаем системную презентацию языковой личностью своей картины мира через узуальные и индивидуально-авторские метафоры» [11, с. 54]. Исследование подтвердило актуальность изучения символического наполнения художественных произведений и роли образов, связанных с источниками света, в организации художественного пространства. Полученные данные могут быть использованы для более глубокого анализа творческого наследия Ф. М. Достоевского и других русских писателей.

Таким образом, исследована лексика, репрезентирующая источники света, её символическое наполнение, а также связанные с ней художественные образы в романе «Бедные люди» Ф. М. Достоевского; рассмотрен механизм развития символического значения у лексики с семантическим компонентом «свет»; выделены и проанализированы лексические единицы, представляющие свет; отмечены языковые единицы, выступающие в качестве ключевых; доказано, что лексика с семантическим компонентом «свет» в романе «Бедные люди» Ф. М. Достоевского позволяет не только

структурировать пространство, но и транслировать модальность при исследовании глубин человеческой души.

Список литературы

1. **Азаренко, Н. А.** Особенности концептуализации света и тьмы в языковой картине мира Ф. М. Достоевского (на материале романа «Преступление и наказание») / Н. А. Азаренко // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – № 4(48). – С. 77–80.
2. **Беляева, В. Н.** Описание семантического развития лексики в словаре : на материале концептосферы «свет» : спец. 10.02.19 «Теория языка» : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Беляева Вероника Николаевна ; Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского. – Ярославль, 2009. – 23 с.
3. **Богданова, О. А.** Цвето- и светозначение как одна из форм прагматического фокусирования в структуре художественного текста (на материале прозы Г. Грасса) : спец. 10.02.04 «Германские языки» : дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Богданова Ольга Александровна ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2000. – 202 с.
4. **Болотская, М. П.** Лексема «свеча» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» / М. П. Болотская, М. В. Рябова // Буслевские чтения : сб. науч. ст. по материалам XIII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 80-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне (г. Пенза, 17 апр. 2025 г.) / под общ. ред. Л. П. Перепелкиной. – Пенза, 2025. – С. 160–163.
5. **Болотская, М. П.** Репрезентация источников света в текстах художественных произведений Ф. М. Достоевского / М. П. Болотская, М. В. Рябова // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 6(109). – С. 442–444.
6. **Бондаренко, К. А.** Художественная реальность в повести Ф. М. Достоевского «Кроткая» / К. А. Бондаренко // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия 3, Филологические науки. Медиакоммуникации. – 2022. – № 1(74). – С. 48–52.
7. **Грицкова, Н. В.** Языковой код как основополагающий аспект идиостиля автора / Н. В. Грицкова, А. Д. Бережная // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия 3, Филологические науки. Медиакоммуникации. – 2022. – № 3(85). – С. 18–21.
8. **Гроссман, Л. П.** Поэтика Достоевского / Л. П. Гроссман. – Москва : ГАХН, 1925. – 191 с.
9. **Достоевский, Ф. М.** Белые ночи: роман, повести / Ф. М. Достоевский. – Санкт-Петербург : Азбука : Азбука-Аттикус, 2022. – 416 с.
10. **Рябова, М. В.** Лексема «свеча» в романе «Бедные люди» Ф. М. Достоевского / М. В. Рябова // Буслевские чтения : сб. науч. ст. по материалам XII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 85-летию Педагогического ин-та им. В. Г. Белинского Пензенского гос. ун-та (г. Пенза, 16 апр. 2024 г.) / под общ. ред. Л. П. Перепелкиной. – Пенза, 2024. – С. 155–157.
11. **Удодова, А. В.** Метафоричность речи как отражение идиостиля писателя (на примере романа Г. Мюллер «Качели дыхания») / А. В. Удодова // Вестник Луганского государственного педагогического университета.

Серия 3, Филологические науки. Медиакоммуникации. – 2022. – № 1(74). – С. 53–57.

12. Чересюк, П. А. Метафора как реализация символа в творчестве Л. Н. Толстого / П. А. Чересюк, В. С. Морщинский, А. С. Титова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2024. – Т. 15, № 1. – С. 1–9.
13. Чересюк, П. А. Метафора как средство словесно-художественной креативности Л. Н. Толстого (на материале романа «Анна Каренина») / П. А. Чересюк // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, № 9. – С. 2705–2709.

**Bolotskaya M. P.,
Ryabova M. V.**

**The Symbolism of Vocabulary with the Semantic Component «Light»
in F. M. Dostoevsky's Novel «Poor Folk»**

This article examines vocabulary representing light sources, its symbolic content, and associated artistic images in F. M. Dostoevsky's novel «Poor Folk». The mechanism by which symbolic meaning develops in vocabulary with the semantic component «light» is examined (based on a philological analysis of the literary text). Lexical units representing light are identified and analyzed; key linguistic units are highlighted. In particular, the contextual antithesis «lamp – sun» is considered as a meaningful contextual antithesis, revealing the dialectic of pain and joy, as well as the connections between the physical movement of light and the characters' mental states. It is determined that the components of the lexical-semantic group «light» serve as a vivid means of artistic expression, allowing the author not only to structure space but also to convey modal meanings, asserting the priority of inner, spiritual illumination over the external, socially conditioned darkness of existence. The role of linguistic units representing light sources as a significant structural component in the formation of subtext in F. M. Dostoevsky's work of art is highlighted.

vocabulary, the token, semantics, symbolism, lexical-semantic group «light», F. M. Dostoevsky

Веремеенко Мадина Рысбаевна,
аспирант 1 курса,
научная специальность «Русская литература
и литература народов Российской Федерации»
ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
dysekeeva_madina@mail.ru

Феномен реальности парадоксов в романах А. Б. Сальникова

Статья посвящена исследованию модели мироустройства как эпистемологического феномена в романах А. Б. Сальникова. Изучение эволюции изображения окружающей действительности позволило сделать вывод о том, что реальность в художественном мире писателя становится не только сюжетным фоном, но и автономным парадоксальным субъектом. Взаимообусловленные отношения реальности и человеческой экзистенции детерминированы прежде всего деятельностью индивида, поступающего в соответствии со своей внутренней Истиной или идущего против нее. Подобный вывод актуализирует эпистемологический потенциал современной литературы и свидетельствует о достижении принципиально нового уровня познания бытия в порыве к человеческому самосовершенствованию, что характерно для эпохи метамодернизма.

Ключевые слова: эпистемология литературы, метамодернизм, современная русская проза, реальность, бытие, бытийные парадоксы

Введение. По мнению Л. Н. Синельниковой, «<...> постижение целостности текста через интерпретацию относится к числу катарсических практик, в основе психологического механизма которых лежит процесс вовлечения интерпретатора в когнитивно-эмоциональный резонанс с текстом» [13, с. 6], поэтому *актуальность исследования*, на наш взгляд, обусловлена интересом отечественных литературоведов к осмыслению экзистенции в творчестве современных писателей и, в частности, А. Б. Сальникова, так как создание художественного произведения является одним из наиболее плодотворных способов осмысления бытия. Об этом писал М. М. Бахтин, утверждая, что «в эстетический объект входят все ценности мира» [6]. Современный отечественный литературовед А. В. Корчинский отмечает, что уже в XX веке «начали говорить о том, что знание может не только инкорпорироваться в художественный текст извне, из областей, чьим прямым делом является его производство, но и создаваться *внутри литературы* вне зависимости от того, артикулируется ли в соответствующем тексте та или иная познавательная задача» (*курсив А. К.*) [3]. Сам исследователь углубляется в изучение «литературной эпистемологии», которая трактует литературу как «*единственный в своем роде способ познания, исследующий мир при помощи особым образом используемого языка и моделируемой (прежде всего фикциональной) “вселенной”*» (*курсив А. К.*) [3].

С переходом от модернистской эстетики к постмодернистской, которая в свою очередь трансформируется в метамодернистскую, данная точка

зрения не только не теряет своей актуальности, но и укореняется в современной философии. Метамодернист Люк Тёрнер, как и А. В. Корчинский, в основополагающем «Манифесте метамодерниста» подтверждает актуальность анализа художественных произведений в познавательном ключе: «...художники могли бы взять на себя поиски истины» [15]. Таким образом, любое произведение искусства в целом, и художественная литература в частности, носят эпистемологический характер в том смысле, что позволяют получить уникальные знания о мироустройстве.

Художественный мир А. Б. Сальникова тяготеет к исследованию действительности посредством создания художественных образов и в некоторой мере прямого формулирования истин в тексте произведения. Писатель создает структурированные и основательные художественные миры, в которых реальность является не фоном для развития сюжета, а отдельным феноменом, становящимся объектом пристального изучения автора. В этом отношении примечательно утверждение В. М. Жирмунского о том, что «познавательное содержание искусства связано для нас с проблемой реализма» [2, с. 194], хотя фантазийный характер романов А. Б. Сальникова, как и других писателей, также позволяет осмысливать особенности мироустройства.

В связи с этим *цель* настоящей работы – исследовать специфику представления о феномене реальности и ее взаимоотношениях с бытием человека в романном творчестве А. Б. Сальникова.

Научная новизна статьи обусловлена тем, что системное рассмотрение романов писателя с эпистемологических позиций до сих пор не становилось предметом литературоведческих исследований.

Теоретическая значимость исследования обусловлена вкладом в разработку литературно-эпистемологического подхода к анализу художественных произведений, его результаты могут быть использованы в дальнейшем осмыслении особенностей современного литературного процесса. *Практическая значимость* состоит в возможности использования результатов исследования при подготовке общих и специальных курсов по изучению современной литературы (в частности «Художественный мир современной прозы», «История русского романа» и т. д.)

При написании статьи были использованы **методы** мотивного анализа и литературной герменевтики в рамках феноменологического подхода к анализу литературных произведений, а также инструментарий сравнительно-сопоставительного метода.

Результаты исследования. Исследование романов А. Б. Сальникова в их хронологической последовательности позволяет проследить эволюцию изображения реальности. В дебютном романе «Отдел» (2015) [11] окружающая действительность является только фоном развивающегося сюжета, но уже в романе «Петровы в гриппе и вокруг него» (2016) осмысливается автономная сила реальности, которая управляет судьбой индивидуума. Главный герой оказывается во власти хозяина города Игоря, который в благодарность за спасение жизни своего сына берет Сергея под покровительство. Подопечный не способен осмыслить свою жизнь, но ощущает, что находится во власти некой силы, определяющей характер его бытия. Так, он лишь ощущает себя марионеткой, незначительным лицом в масштабе другого, большого

мира: «Всю свою жизнь он был вроде эвока на своей планете, пока вокруг происходила античная драма “Звездных войн”» [12, с. 271].

Сочетание фантастического и реалистического в романах писателя призвано отразить авторское представление о мироустройстве, в основе которого лежит парадокс. Лу Чэнь подчеркивает, что «фантастическое у Сальникова не разрушает реальность, а укореняется в ней. Автор добивается впечатления, что чудесное вырастает прямо из бытовой почвы, питаясь ею» [5, с. 51]. Действительно, в творчестве А. Б. Сальникова можно проследить тенденцию изображать реальность, словно разглядывая ее через магическую линзу и, наоборот, посредством бытописаний эксплицировать фантастическое. Наиболее очевидным примером авторского метода служит роман «Петровы в гриппе и вокруг него» (2016), в котором два нарратива «мерцают», накладываясь друг на друга. С одной стороны, история может быть всего лишь описанием гриппующей семьи, с другой – выходом за рамки реалистического повествования и историей хранителя города Игоря, который распоряжается жизнью Сергея. Благодаря пристальному рассмотрению бытовых ситуаций в романе начинает проступать истинная магическая подоплека, что отмечает Лу Чэнь: «Сальников организует повествование так, что обычное событие быстро превращается в сюрреалистическую картину» [5, с. 51].

В следующем романе – «Опосредованно» (2018) писатель осмысливает проблему силы слова и его влияния на человека. Метафора значимости стихотворения для поэта пронизывает всю ткань повествования. «Стишки» являются наркотическим веществом, влияющим на восприятие реальности. В юности главная героиня Елена впервые сочиняет свой «стишок», что меняет ее способ познания действительности. Для поэта реальность является живым существом, как, собственно, и литература, и его отношения с ней отличаются от мировосприятия обычных людей: «<...> в периоды, когда реальность не отзывалась ни одним интересным словосочетанием, была молчаливой, как для остальных» [10, с. 177]. Перспектива рассмотрения мира сквозь призму логоцентризма определяет особое свойство реальности, взаимодействующей с главной героиней с помощью речи. Множественные олицетворения («речь приведет к нужному человеку» [10, с. 133], «речь пыталась» [10, с. 177], «речь живет самостоятельно» [10, с. 265]) персонифицируют отвлеченное понятие и отражают положение поэта, находящегося во власти слова.

Поэзия становится посредником между окружающим миром и человеком, конструирует ее разрозненные фрагменты. Так, история жизни Елены уместается в «стишок», сочиненный героиней. Каждая глава содержит в себе одну строчку из этого «стишка», что создает уникальную структуру повествования и превращает жизнь в произведение искусства. Раздвоенный план повествования демонстрирует противоречие между бытийным, уводящим на трансцендентный уровень посредством перехода в мир иной, и бытовым, заключающемся во внимании к семейной жизни, бытописанию. При этом бытовой мир тоже имеет свою глубину и красоту, которые героиня постигает в течение жизни.

Парадоксальным образом поэзия, переносящая главную героиню на другой уровень бытия, неотделима от материальной сферы. Так, реальность вплетается в художественную ткань романа посредством упоминания различных предметов. Например, жестяная крышка от пивной бутылки

становится художественной деталью ее «стишка», то есть проникает в трансцендентный мир. Парадокс заключается в том, что познание этих двух миров возможно только при рассмотрении одного из них через другой. Для постижения реальности главная героиня обращается к «стишкам», некой квинтэссенции трансцендентного мира, но выход туда возможен только через внимательное изучение материального. Духовное развитие поэтессы приводит к тому, что уже в более зрелом возрасте она начинает видеть типы «стишков» в близких ей людях, что свидетельствует о противоречивой слитности обоих нарративов.

На наш взгляд, к обстоятельно конструирующим реальность произведениям А. Б. Сальникова следует отнести роман «Оккультрегер» (2022). М. В. Шин пишет об авторском мифе, реализованном А. Б. Сальниковым в этом произведении [16, с. 365]; об этом упоминает и С. П. Костырко: «Оккультные персонажи в романе в той или иной степени – обычные люди. И как раз их “оккультность” у Сальникова не затемняет, а высвечивает их человеческую природу» [4]. Люди эксплицируют восприятие реальности различными способами: в художественном мире романа «Оккультрегер» короткие видео с динамичным монтажом становятся ярким примером, демонстрирующим характер реальности: «...иллюзия возникает, что реальность скотчем скреплена и едва держится» [9, с. 50]. Трансформированная реальность буквально «исторгает» различных существ на землю, то есть действительно разрывается, является зыбкой и переменчивой. С другой стороны, это вновь свидетельствует о диффузности границ реального и ирреального миров.

Динамичность современной реальности влечет за собой все ускоряющийся процесс забывания: «Все как-то стало быстротечнее, мир будто волны амнезии накрывают. Был такой,хватишься, а уже и не помнит никто» [9, с. 149]. Проблема зыбкости памяти становится одной из главных в романе: после смерти оккультрегера, демона или ангела его ближайшее окружение, которое обычно состоит из представителей магического мира, забывает о нем, однако реальность очень быстро стирает память практически о каждом человеке. В романе посмертное забвение оккультрегера или демона подчеркивает хрупкость человеческого присутствия в мире.

Переживание разлада и стремительности реальности не позволяет человеку укорениться в ней, поэтому некоторые люди даже не способны осознать свою принадлежность к действительности. Так, в художественном мире существуют «люди-сны», не различающие явь и грезы и забирающие в свою реальность остальных людей поблизости. В онирической парадигме романа все люди с такой особенностью работают водителями такси. Невозможность установить границы реальности и сна порождает вопрос Прасковьи: «Я хотя бы не у вас во сне уже?» [9, с. 65], на который у представителя «людей-снов» не находится уверенного ответа: «Думаете, я различаю? Давно уже все смешалось. Еще в детстве» [9, с. 65].

Реальность является живым пространством идей. Киднеперши, когда реальность вкладывает им в голову знание о магической стороне мира, выкрадывают у оккультрегеров гомункулов – существ, имеющих облик детей, но относящихся к иномирию. Любая идея закладывается в голову человека либо самой действительностью, либо оккультрегером, переосмыслившим

некий феномен. В романе часто встречаются олицетворения («реальность дала ей кличку» [9, с. 12], «реальность складывала нейроны в голове какой-нибудь девушки» [9, с. 27], «реальность наделила способностью спать всю жизнь» [9, с. 128]), подчеркивающие феномен зарождения знания извне и роль людей, являющихся только носителями информации.

Кроме того, действительность является национально обусловленной. Так, русская реальность обладает особым свойством углублять «тоску, отчаяние, и в этих тоске и отчаянии начинает светиться надежда» [10, с. 52]. В этом видится одно из противоречий, на которых основана реальность романа. Например, скрытая за внешними парадоксами неочевидность проявлений добра и зла. Добро, воплощенное в ангелах, противоречит своей природе, так как представленные сущности способны на кражу, прелюбодеяние, сквернословие и другие грехи. Не все херувимы обладают таким сложным характером, как Сергей, который испытывает только отвращение к людям («Человек – это таракан, ползущий по баллончику с дихлофосом. Замасленная ветошь, ползущая по кислородному баллону» [9, с. 30]), однако каждый имеет эсхатологические взгляды. То же можно сказать и о демонах, которые не сквернословят, всегда приходят на помощь, носят вещи ярких светлых цветов, демон Оля даже имеет добрые глаза, что противоречит их темной сути. Классическое представление о темном и светлом началах несостоятельно в условиях современной противоречивой действительности.

Парадоксом является определение ценности вещей, утверждающее волшебность реалей: «<...> за что-то большое и ценное нужна очень маленькая плата, а за что-то мелкое и нестоящее – наоборот, очень большая» [9, с. 145]. В романе, как и в реальной жизни, ценность вещей часто определяется не их объективной полезностью, а субъективной оценкой и редкостью: «например, деньги. Это же фантики. Но чтобы их получить, нужно свою жизнь тратить, а чтобы получить очень много, нужно гробить не только себя, но и кучу людей. Слава – еще больший пшик, поэтому можно всю свою жизнь и жизнь окружающих на нее потратить, да так и не получить» [9, с. 146].

«Магический капитализм» может быть отражен в том, как персонажи оценивают различные магические или мистические элементы. Например, редкость определенных магических способностей может сделать их более ценными, даже если они не так полезны в повседневной жизни. Навыки выживания в человеческой реальности приравниваются к магическим способностям, и настоящее волшебство, по мнению оккультитрегера, заключается в «умении проживать на ту зарплату, которую платили, на ту пенсию, которую давало государство, не замечать, что смерть всегда рядом» [9, с. 132]. По мнению А. Б. Сальникова, обыденная жизнь и особенности человеческого существования полны парадоксами в большей степени, чем ирреальный мир.

Парадокс созидания из Хаоса также является важным свойством бытия. Так, реализованная в романе философская идея создания добра из зла отсылает к эпиграфу романа братьев Стругацких «Пикник на обочине»: «Ты должна сделать добро из зла, потому что его больше не из чего сделать. Р. П. УОРРЕН» [14]. «Муть» – нематериальное деструктивное начало – становится ресурсом творческого преобразования. Прасковья утверждает,

что для этого необходима «некая идея, которую надо полюбить, принять, прочитать, понять, заронить» [9, с. 151], то есть нужно изменить саму сущность энергии. При этом даже абсолютно положительное чувство, такое, как любовь, может привести к противоположному проявлению в реальном мире – убийству любимого человека, что продемонстрировано на примере истории о парне из четырнадцатой квартиры. Тогда происходит как бы «обратное переосмысление», причины которого автор не находит: гармония трансформируется в «муту».

Представление о естественном порядке вещей тоже ставится под сомнение. Бинарные оппозиции «добро / зло», «волшебство / реальность», «жизнь / смерть», «отчаяние / надежда» оказываются несостоятельными, когда проходят проверку в сложно устроенном художественном мире романа. В этом видится влияние постмодернистской традиции, деконструирующей бинарность и стремящейся обнаружить «множественность истины». Однако в творчестве А. Б. Сальникова явления, представляющиеся типичной постмодернистской игрой, на самом деле призваны обнаружить те самые «подспудные механизмы реальности» [7], о которых писатель говорит в одном из интервью. Именно они отражают действительное положение вещей во внетекстовой действительности так, как это видит и осознает писатель. Фундаментальное значение проверки самого принципа бинарности в романе ярко продемонстрировано на примере того, что парадоксальным образом смерть ведет человека к жизни. Так, убитый оккультист-регер не только не умирает, но и молодеет. Тем не менее, примечательно и то, что совершенное им самим убийство старит его, что доказывает существование в восприятии автора сложной метафизической системы создания своеобразного баланса в мире.

Таким образом, модель мироустройства, эксплицированная в романном творчестве А. Б. Сальникова, основана на противоречиях, встречающихся повсеместно. В таком мире обретение констант бытия является жизненно необходимым, так как герои вынуждены лавировать между этими полюсами, пытаясь сохранить равновесие и смысл существования. Писатель продолжает изучать феномен реальности в романе «Когната» (2024). Вражда между людьми и антропоморфными драконами приводит к созданию Зеркала, разделяющего две расы. Таким образом, мир состоит из трех частей: коммунистическое государство людей, таинственная территория внутри Зеркала и капиталистическое государство драконов.

Реальность как самостоятельный феномен здесь тоже обладает своей собственной волей: драконы создают Зеркало, работающее на энергии от генераторов. Однако, когда они пытаются выключить его, то «стена» продолжает работать уже самостоятельно. Примечательно, что Зеркало по внешним признакам мироустройства гораздо больше похоже на внетекстовую действительность, чем миры людей и драконов в романе. Оно выполняет свои функции, потому что в главах, описывающих пребывание героев внутри него, формулируется наиболее важный гуманистический посыл. Так, когда команда Константина Константинова отправляется на станцию Людоедовка, названную в честь местного людоеда, то выясняется, что «каннибал» на самом деле вегетарианец. Он получает такое имя как напоминание о зле, которое он причинил людям до того, как поселился в Зеркале. Следовательно, зеркало

становится местом, которое демонстрирует истинное лицо людей, поэтому герой продолжает: «<...> мне на этой станции самое место, да и много кому в городе и мегаполисе» [8]. Один из жителей Зеркала отмечает и то, что стена действительно отражает окружающий мир и может даже переосмыслить жизнь человека, отобразив его в себе. Для того, чтобы стать людоедом, не нужно поедать своих соплеменников: расчеловечивание может быть достигнуто и моральным разложением индивидуума. Таким образом, Зеркало не только разделяет два враждебных мира, но и отражает человеческую суть.

С другим показательным отражением герои сталкиваются уже на пути к Людоедовке. На одной из станций внутри тоннеля они видят современную реальность: «Пассажиры, которых не пустили в электричку и на этот раз, были одеты вроде бы в обычную одежду, но более яркую, что ли. У многих в руках было что-то вроде вытянутых очень плоских портсигаров, светившихся, словно маленькие киноэкраны» [8]. В «портсигарах» можно узнать главную примету нашего времени – смартфон. Картина станции метро или поезда в современном городе представляется довольно унылой. Максим Сергеевич признается, что много раз проезжал мимо этой станции, но ни разу не хотел выйти там, потому что местные люди всегда выглядят устало и безжизненно. Представляется, будто сам автор отказывается от реалистичного изображения тоскливой современности, продолжая свои попытки разглядеть уже упомянутые выше «подспудные механизмы» действительности. Примечательно и то, что станция этих «настоящих» людей находится в темном дождливом тоннеле, но как только путники отдаляются от «окна» в современность и приближаются к пункту назначения, пейзаж резко меняется и становится практически сказочным. Очевидно, что современная городская реальность отрезана от подлинно прекрасного мира, который по-настоящему интересен писателю и становится предметом его осмысления. Однако нельзя не увидеть в этом некоего противоречия, так как, отказываясь изображать современность и обычного человека, автор вновь рассуждает о вечных вопросах: о том, что значит быть Человеком. Таким образом, Зеркало является особым пространством, отражающим реальность, полную парадоксов.

Безусловно, реальность не может быть рассмотрена безотносительно к бытию: в романе «Опосредованно» видится отражение теории К. Г. Юнга, с позиций которой реальность рассматривается как покой, противоположный трансцендентному поиску, осуществляющемуся в процессе поэтического творчества. Семья, быт, в свою очередь, составляют фундамент реальности, однако А. Б. Сальников в своем осмыслении мироустройства идет дальше и видит прямую взаимосвязь указанных архетипических противоположностей, поэтому главная героиня и обнаруживает «типы стишков» в своих близких людях. Другим проводником в мир невыразимого, запредельного для Елены становится живая речь, которую С. Н. Жаров также оценивает как связующее звено между бытием и реальностью: «В языке заключена не только реальность, но и бытие, сопряженное с человеческим существованием, экзистенцией» [1, с. 34].

В романе «Оккультрегер» проблема фундаментального конфликта реальности и бытия звучит с особой силой. Однако произведение не продолжает линию предыдущего романа о «стишках», а эксплицирует противоположное

духовное представление. Отражая идеи христианского учения, реальность представляется чередой испытаний: борьба с мутью, остывание городов, смена облика и др. Посюсторонней суете противопоставлено бытие как духовный поиск, который приближает к Богу. Герои находятся в вечном поиске ответов на вопросы об их предназначении на Земле, объяснении законов реальности, которые могут трансформироваться.

Несмотря на то, что реальность в указанных романах А. Б. Сальникова представляется как непредсказуемый субъект, порождающий парадоксы, первоначальным стимулом изменений становятся сознание и деятельность человека. Так, в романе «Когната» именно люди создали Зеркало, работающее от неизвестной энергии, а в романе «Оккульттрегер» изменение понимания природы вещей («<...> когда люди слегка отделились от природы и началось все это колдовство, этот магический капитализм» [9, с. 147]) также послужило началом появления представителей иномира на Земле. Художественный мир романа доказывает универсальность закона о последствиях предательства Истины, описанного С. Н. Жаровым: «Истина всегда мстит за пренебрежение к ней, ибо на человека начинают действовать реальные силы, которые он ошибочно проигнорировал» [1, с. 19]. Именно предательство человеческой Истины стало глобальной причиной «разрыва» реальности.

Выводы и перспективы развития поставленной проблемы. Художественный мир А. Б. Сальникова представляет собой динамичную модель мироустройства, в которой реальность предстает не статичным фоном, а автономным, парадоксальным субъектом, взаимодействующим с бытием посредством реализации противоречий. Романное творчество писателя отражает эволюцию данной модели: в романах «Отдел» и «Петровы в гриппе и вокруг него» отображена зависимость героя от внешнего течения жизни, изменить которое не в его силах. Далее эта тенденция развивается в романе «Опосредованно», где реальность становится одним из субъектов художественного мира. В итоге ее осмысление становится центральной проблемой «Оккультрегера», в котором реальность представлена живым, творящим субъектом, создающим бытийные парадоксы, неподвластные людям. Однако эти противоречия являются лишь ответом на деструктивное бытие Человека, предающего экзистенциальную Истину. Подобный вывод реализует эпистемологический потенциал литературы и выводит ее на принципиально новый уникальный уровень познания бытия, что характерно для эпохи метамодернизма. Таким образом, романное творчество А. Б. Сальникова восстанавливает традиции духовно значимого повествования, предлагая универсальный инструмент осмысления человеческой экзистенции в эпоху зыбких границ определения этических и эстетических ценностей в условиях противоречивой реальности.

Список литературы

1. **Жаров, С. Н.** Бытие и реальность в гуманитарном познании / С. Н. Жаров // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2013. – № 2. – С. 18–37. – EDN: RLYBBZ.
2. **Жирмунский, В. М.** Введение в литературоведение : курс лекций / В. М. Жирмунский ; под ред. З. И. Плавскина, В. В. Жирмунской. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – 440 с.

3. **Корчинский, А. В.** Литература как эпистемологический проект / А. В. Корчинский // Новое литературное обозрение – 2015. – № 131. – С. 360–367. – EDN: UKFRVV.
4. **Костырко, С. П.** Неподъемные истины / С. П. Костырко // Новый мир. – 2022. – № 11. – С. 206–209.
5. **Лу, Ч.** Исследование реального и фантастического в поэтике А. Сальникова: анализ романа «Петровы в гриппе и вокруг него» / Лу Чэнь // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2025. – Т. 19, № 3. – С. 47–57.
6. **Микешина, Л. А.** Значение идей Бахтина для современной эпистемологии / Л. А. Микешина // Философия науки и техники. – 1999. – № 1. – С. 205–227.
7. **Сальников, А.** «Я хотел описать человеческое одиночество, как оно выглядит» / беседу вела Дарья Пахомова. – Текст : электронный // Литрес : [сайт]. – URL: <https://www.litres.ru/journal/aleksei-salnikov-ia-khotel-opisat-chelovecheskoe-odinochestvo-kak-ono-vygliadit/?ysclid=mbf33utgm643288963> (дата обращения: 30.01.2026).
8. **Сальников, А.** Когната : [роман] / Алексей Сальников. – Москва : АСТ, Ред. Елены Шубиной, 2024 (макет 2025). – 348 с.
9. **Сальников, А. Б.** Оккультрегер / А. Б. Сальников. – Москва : АСТ, 2022. – 416 с.
10. **Сальников, А. Б.** Опосредованно / А. Б. Сальников. – Москва : АСТ, Ред. Елены Шубиной, 2019. – 413 с.
11. **Сальников, А. Б.** Отдел / А. Б. Сальников. – Москва : АСТ, Ред. Елены Шубиной, 2018. – 432 с.
12. **Сальников, А. Б.** Петровы в гриппе и вокруг него / А. Б. Сальников. – Москва : АСТ, Ред. Елены Шубиной, 2017. – 411 с.
13. **Синельникова, Л. Н.** Интерпретация текста как наука и как искусство / Л. Н. Синельникова // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2026. – № 1(131). – С. 5–10. – EDN: QFWDZT.
14. **Стругацкий, А. Н.** Пикник на обочине : [фантаст. повесть] / Аркадий и Борис Стругацкие. – Москва : АСТ, 2025. – 254, [1] с.
15. **Тёрнер, Л.** Манифест метамодерниста / Л. Тёрнер ; пер. с англ. А. Гусева. М. М. Бахтин. – Текст : электронный // METAMODERN : [Интернет-журнал]. – URL: <https://metamodernizm.ru/manifesto/> (дата обращения: 30.01.26).
16. **Шин, М. В.** Творчество А. Б. Сальникова через призму современной литературной критики / М. В. Шин // Ташкентский литературоведческий форум. – 2024. – Т. 1, № 3. – С. 364–369. – DOI: 10.24412/cl-37169-2024-1-364-369.

Veremeenko M. R.

The Phenomenon of the Reality of Paradoxes in the Novels by A. B. Salnikov

The article is devoted to the study of the model of world order as an epistemological phenomenon in the novels of A. B. Salnikov. The analysis of the evolution in the depiction of the surrounding reality has led to the conclusion that reality in the writer's artistic world becomes not only a plot backdrop but also an autonomous paradoxical subject. The interconditioned relationships between reality and human existence are determined primarily by the individual's activity, who acts in accordance with their inner Truth or goes against it. This conclusion actualizes the epistemological potential of contemporary literature and testifies to achieving a fundamentally new level of cognition of being in the impulse toward human self-perfection, which is characteristic of the metamodern era.

Key words: epistemology of literature, metamodernism, contemporary Russian prose, reality, being, existential paradoxes

Дворцова Александра Николаевна,
канд. пед. наук, доцент кафедры
английской и восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
sdvorcova@gmail.com

Елисеев Сергей Леонидович,
ст. преподаватель кафедры
английской и восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
yeliseyevsergey@yandex.com

Женский мир в романе Лизы Си «Ближний круг госпожи Тань»

Статья посвящена анализу репрезентации женского мира в романе Лизы Си «Ближний круг госпожи Тань». На примере реального исторического персонажа – женщины-врача Тань Юньсянь – рассматривается, как писательница реконструирует картину повседневной жизни китаянок эпохи Мин, включая особенности семейной иерархии, возможности получения образования и профессиональной реализации, специфику взаимоотношений женщин друг с другом. Особое внимание уделяется стремлению Лизы Си к опровержению стереотипа о безгласности и пассивности китаянок. В выводах подчеркивается, что роман выступает не только как художественное произведение, но и как важный культурный феномен, способствующий диалогу западной и восточной культур и пересмотру упрощенных представлений о прошлом Китая.

Ключевые слова: азиатско-американская литература, Лиза Си, «Ближний круг госпожи Тань», женщины в Китае, китайская культура, гендерные исследования, династия Мин, Тань Юньсянь

Введение. Современная азиатско-американская литература, создаваемая писателями китайского происхождения, занимает особое место в диалоге культур Востока и Запада, не только расширяя границы англоязычной словесности, но и формируя новое представление о китайской истории, традициях и, что особенно важно, о роли женщины в традиционном китайском обществе. Современные азиатско-американские авторы отстаивают не только право на голос для себя и своих современников [2], обращаясь к исторической тематике, они возвращают субъектность поколениям предков, в частности – женщинам. К. В. Коробко отмечает, что постколониальная литература, к которой могут быть отнесены и произведения американских писателей китайского происхождения, «представляет собой значимый пример осмысления проблем самоидентификации и формирования культурного “я” в контексте исторической памяти, народного и культурного наследия, а также социально-политических реалий» [4, с. 104].

В западной синологии на протяжении долгого времени преобладал взгляд на китайцев прошлого как на безмолвных жертв патриархальной системы, лишенных возможности самореализации и социального голоса. Романы Лизы Си, американской писательницы китайского происхождения, и особенно её произведение «Ближний круг госпожи Тань», предлагают принципиально иную оптику: опираясь на тщательное изучение исторических документов, включая уникальный медицинский трактат, написанный женщиной-врачом эпохи Мин, писательница реконструирует не только внешние обстоятельства жизни женщин, но и их внутренний мир, стратегии выживания, взаимопомощи и профессиональной реализации в условиях жестких конфуцианских норм.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью творчества азиатско-американских писательниц в отечественном литературоведении, в частности – малой исследованностью произведений Лизы Си. Помимо этого, важным данное исследование делает необходимость критического пересмотра стереотипных представлений о гендерных отношениях в имперском Китае, а также возможность изучения того, как средствами массовой американской литературы конструируется и транслируется китайская история имперского периода.

Целью данной статьи является комплексный анализ репрезентации женского мира в романе Лизы Си «Ближний круг госпожи Тань».

Теоретическая значимость публикации заключается в уточнении и расширении научных представлений о способах репрезентации женской субъектности в современной исторической беллетристике, а также в интеграции литературоведческого, культурологического и гендерного подходов к анализу произведений азиатско-американских авторов. *Практическая значимость* работы состоит в том, что её результаты могут быть использованы в преподавании курсов по зарубежной литературе, гендерным исследованиям и межкультурной коммуникации, а также служить основой для дальнейшего изучения творчества Лизы Си и других представителей азиатско-американской литературы.

Рассуждая об исследуемом нами авторе в контексте вопроса становления субъектности американских писательниц китайского происхождения, Дун Цюфан отмечает: несмотря на то, что Лиза Си (1955 – ~) является китайкой лишь на 1/8 и в её внешности нет типичных китайских черт, она глубоко восприняла китайскую культуру и считает себя частью китайско-американской общины [8, с. 351]. Писательница активно путешествует по Китаю, стремясь воплотить свои размышления о его истории и культуре в своем творчестве, тем самым давая западному читателю возможность избавиться от стремления к экзотизации этой страны и её стереотипного восприятия.

Известный американский историк-китаевед, исследовавшая вопросы гендера и китайской традиционной медицины, Шарлотта Ферт подчеркивает, что историки, изучающие жизнь женщин в традиционном Китае, часто вынуждены опираться на тексты, созданные мужчинами (семейные хроники, дидактические сочинения, беллетристика), что приводит к упрощённому взгляду, при котором китайки воспринимаются исключительно как угнетённые жертвы, а символом этого угнетения становится бинтование

ног [9, с. 18]. Эти предпосылки приводят западных читателей к ложному представлению о том, что стремление к получению образования и автономности китайки получили исключительно благодаря иностранному влиянию.

На контрасте с данной тенденцией, Лиза Си, обращаясь в своих произведениях к истории имперского Китая, борется со стереотипным восприятием данного периода, показывая на примере героинь, обладающих реальными прототипами, как женщины находили возможности для самореализации в контексте конфуцианского общества, в котором были сильны традиционные взгляды и ценности. Таким образом, писательница стремится показать, что китайки не были безгласными жертвами и находили пространство для реализации даже в условиях таких значительных ограничений.

Замысел романа «Ближний круг госпожи Тань» появился у Лизы Си в период пандемии COVID-19 через обращение к исследованию феномена китайской традиционной медицины. Писательница стремится показать: реалии самоизоляции не новы и люди уже справлялись с аналогичными бедствиями, что находит отражение в тексте романа, где описывается эпидемия оспы, с которой приходится справляться ближнему кругу госпожи Тань [13, с. 72].

Важным представляется отметить тот факт, что у главной героини исследуемого нами романа есть реальный прототип – Тань Юньсянь (谈允贤), женщина-врач династии Мин, которая «<...> в 1511 году, в возрасте почтенных пятидесяти лет, опубликовала книгу историй болезни своих пациенток» [6]. Эта женщина была выдающимся медиком в истории Китая: «в стандартном каталоге из двенадцати тысяч известных китайских медицинских работ, которые можно найти в китайских библиотеках, только три написаны женщинами, причем текст Тань Юньсянь самый ранний» [6]. При всей значимости данной фигуры, биографические сведения о ней весьма скудны, потому автор нашел ключ к образу героини через то, как она описывает в своей книге случаи пациенток, живших как в доме ее супруга, так и за его пределами.

Лиза Си тщательно проработала историческую канву повествования, обращаясь к исследованиям ученых, описавших жизнь женщин и детей в Китае периода правления династии Мин; исследованиям о костюме, прическах и украшениях того периода; статьям и книгам о китайской медицине, полный список которых приведен в романе в разделе «Благодарности». Много дополнительных текстовых и визуальных материалов, позволяющих глубже понять хронотоп романа, предоставлено писательницей на её официальном сайте в разделах, посвященных роли госпожи Тань в традиционной китайской медицине; истории династии Мин; традиционным костюмам того времени; прецедентным персонажам и локациям, упоминающимся в тексте произведения; библиографии [11]. Для людей, далеких от китайской культуры и истории, эти материалы являются важным подспорьем для более глубокого и полного понимания романа.

Отметим, что в русскоязычном варианте издания комментарии и примечания в тексте романа составлены автором перевода на русский язык – Н. Н. Власовой, которая, будучи китаистом, предоставила читателям

информацию о культурно-специфических явлениях и аллюзиях, которые важны для понимания текста массовым читателем. Структурно роман Лизы Си «Ближний круг госпожи Тань» разделен на четыре части, по периодам, на которые в имперском Китае делилась жизнь женщины: «Молочные дни» – детство; «Период Закалывания волос» – время готовности к замужеству; «Дни риса и соли» – самый важный период в жизни женщины, когда она исполняет обязанности жены и матери; «Дни тишины» – период, который начинается, когда женщина теряет способность к деторождению: «И растянется на период вдовства. Ты останешься на этом свете, ожидая, когда смерть воссоединит тебя с мужем» [6].

В то время, как в контексте женской биографии преклонные годы являются «возрастом дожития», в китайском языке есть ряд фразеологических единиц, определяющих преклонный возраст мужчин с иными коннотациями. А. Н. Чистякова приводит следующие примеры: 50 лет именуются «возрастом, когда понимают свои ошибки» (知非之年), «возрастом понимания воли Неба/ веления судьбы» (知命之年); 60 лет – «возраст возвращения на родину (к истокам)» (还乡之年), «возраст, в котором разрешалось ходить с посохом по деревне» (杖乡之年); 70 лет – «возраст ухода со службы, ухода в отставку» (致事之年), «возраст хождения с посохом по стране» (杖国之年) [7, с. 288–289]. Таким образом, можно заключить, что в традиционном китайском обществе женщина теряет субъектность и социальную ценность значительно раньше, чем мужчина, однако Лиза Си на примере главной героини исследуемого нами романа оспаривает аксиоматичность такого подхода.

Женские образы в творчестве Лизы Си являются ключевыми во всех ее работах, роман «Ближний круг госпожи Тань» также не является исключением из правил: в оригинале его название звучит как «Lady Tan's Circle of Women», что с нашей точки зрения довольно точно определяет вектор исследования данного произведения, призывая обратить внимание на женщин, упоминаемых в тексте произведения, и то, что их объединяет. Галерея женских образов в романе весьма обширна и охватывает все слои населения: писательница описывает служанок, работниц мануфактур, торговек, городских жительниц из семей среднего достатка, аристократок, придворных дам, даже императрицу. Несмотря на ощутимые различия в происхождении и уровне благосостояния, всех женщин в конфуцианской парадигме имперского Китая объединяет то, что каждая из них, от служанки до императрицы, призвана исполнить свой долг, став матерью. В этом, с точки зрения автора, лежит предпосылка к способности женщин понимать друг друга, основа имплицитно существующего сестринства.

Асмарани Иванна Махса выделяет вызовы, с которыми сталкивается главная героиня романа «Ближний круг госпожи Тань», будучи женщиной в Китае времен династии Мин:

1) отсутствие у китайок права на получение углубленного образования (опыт изучения главной героиней медицины в доме родителей отца – исключение, а не правило);

2) отсутствие у китайок права на профессиональную реализацию (невозможность практиковать, даже имея нужные знания, т. к. единственная работа женщин – рожать);

3) отсутствие у китайок права на свободу выражения (ограничения на вербальные и невербальные проявления женщины в социуме) [10].

В силу того, что эти вызовы касаются не уникального опыта героини, а напрямую соотносятся с социальными практиками, регламентирующими законы существования «женского мира» описываемого в романе исторического периода, мы считаем целесообразным прокомментировать их. Так, Ван Цзюньгао отмечает, что в минском Китае образованность женщин была достаточно важна, так как матери отвечали за воспитание детей в ранние годы и должны были обучать сыновей и дочерей грамоте, а в дальнейшем – готовить дочь к замужеству, прививая ей основные женские добродетели и обучая важным для будущей жены навыкам [1, с. 62]. Однако возможность получения углубленного образования даже женщинами из обеспеченных семей не рассматривалась в качестве социально приемлемой практики, так как высшей добродетелью женщины, по представлениям того времени, являлось отсутствие каких бы то ни было талантов.

Женщины минского Китая не обладали автономностью, путем к которой могло быть получение профессии: в работе В. В. Малявина «Повседневная жизнь Китая в эпоху Мин» отмечается, что возможности самостоятельной профессиональной реализации слабого пола в описываемый период достаточно малочисленны: «Женщина в старом Китае либо являлась частью замкнутого, интимного мира семьи, либо вообще находилась за бортом общества» [5]. Несмотря на то, что в романе мы встречаем образы работающих женщин: медиков (бабушка главной героини и она сама), повитух (госпожа Ши и её дочь), служанок, торговок и даже лодочницу, Лиза Си показывает, что отношение к ним не является столь же уважительным, как к мужчинам, поэтому тот факт, что в мире, где единственным одобряемым обществом «социальным лифтом» является рождение детей (причем важнее родить сына, так как дочери не имеют особого веса в семейной иерархии, а рожаящая дочек женщина считается неполноценной), главная героиня выбирает путь, подразумевающий совмещение заботы о семье с реальной медицинской практикой [13, с. 72], подчеркивает неординарность личности Тань Юньсянь.

Запрет на проявленность формировал у китайских женщин пассивную модель поведения, которая подразумевала адаптацию к предлагаемым условиям, без возможности пожаловаться на плохое обращение со стороны мужа и членов его семьи. При этом положение супругов в семье изначально не было равным: М. А. Духнова подчеркивает, что женщина должна была угождать супругу, отдавая себя всю детям и родне мужа, в то время как мужчины, будучи в браке, могли иметь наложниц и имели куда больше свободы в действиях, по большей части проводя время вне дома [3, с. 98]. Героиня Тань Юньсянь в романе Лизы Си ломает и этот конструкт, последовательно отстаивая свое право на голос в доме мужа, на уважение к себе, своим родным (деду, бабушке, наложнице отца), своим дочерям, своему делу.

Ввиду того, что роман написан от первого лица, читатель обладает ровно тем же объемом информации об окружающем мире, что и главная героиня, может исследовать только доступные ей пространства. Так как женщины и мужчины в Китае времен династии Мин жили обособленно, все повествование определяется рамками «женского мира» – детская главная героиня, Тань Юньсянь; покой матери, Досточтимой госпожи,

и наложницы отца, госпожи Чжао; покои бабушки по отцу; комнаты свекрови, наложниц свекра и мужа, тётушек, служанок и детей в доме мужа; покои императрицы и придворных дам в императорском дворце в Пекине.

Социализация женщин в Китае периода правления династии Мин могла происходить через взаимодействие с вверенными их заботам (дети, служанки), равными себе по статусу (члены семьи и подруги), либо с вышестоящими (аристократия, императорский двор). Не только браки, но и общение с людьми «не своего круга» в Китае периода правления династии Мин считалось практически невозможным, однако в случае с главной героиней романа, Тань Юньсянь, последний постулат нарушается: вначале через общение с повитухой Ши и её дочерью Ши Мэйлин, с которой они будут дружить всю жизнь; впоследствии – через медицинскую практику, которая сталкивает ее с пациентками из разных слоев общества: от простолюдинок (торговки, служанки и др.) до обитательниц Запретного города (придворные дамы, императрица).

Дружба Тань Юньсянь и Ши Мэйлин – важный мотив романа, который позволяет размыть социальные границы и не дает миру главной героини стать герметично замкнутым. Будучи детьми, они общались свободно, но по мере их взросления социальное неравенство и дистанция между ними становятся все более очевидными для читателя [12, с. 402]. Обе героини занимаются медицинскими практиками: Юньсянь постигает медицину под наставничеством бабушки, а Мэйлин перенимает от матери искусство повитухи [13, с. 72]. Желание помогать женщинам у обеих появилось в детстве и связано с образами их матерей: для главной героини мотивацией становится ранняя утрата матери и неспособность мужчин-медиков облегчить её страдания [12, с. 401]; для её подруги – наблюдение за помощью роженицам, которую оказывала повитуха Ши.

Несмотря на то, что обе занимаются спасением жизней, отношение к ним разное: медицина считается уважаемой, повитухи же пользуются дурной славой: «Конфуций ясно сказал, что любая профессия, в которой фигурирует кровь, считается ниже нашего [врачей] достоинства. Соприкосновение повитухи с кровью ставит её на один уровень с мясником» [6]. Дед героини рассказывает ей, что повитухи занимаются абортами и детоубийством, «их часто привлекают для проверки девственности женщин в суде и для осмотра трупов в случаях неестественной смерти» [6]. Так, в романе описывается судебное разбирательство с участием повитухи Ши, выполнявшей функции, характерные для современного судмедэксперта, которое позволило довести до конца расследование смерти Целомудренной тетушки и наказать виновных в её гибели.

В противовес мужу, бабушка Тань Юньсянь подчеркивает, что повитухи – это необходимость, так как роды – опасный и сложный процесс: «Даже императрица рождает под присмотром повитухи!»; «Без повитухи не обойтись, хочешь ты того или нет» [6]. Значимость роли повитух также подчеркивается и тем, что они могут получить за свою работу весьма щедрое вознаграждение, если помогут появиться на свет детям высокопоставленных особ, в том числе – детям самого императора. При разности социального статуса и отношения к их роду деятельности, Тань Юньсянь и Ши Мэйлин всю жизнь оказывают друг другу поддержку, вплоть до того, что не раз

спасают друг друга от смерти: Мэйлин помогает Юньсянь не умереть в родах; Юньсянь помогает Мэйлин получить помилование после инцидента с родами повитухи, которые произошли на глазах у императрицы.

Женская взаимопомощь и солидарность в романе не ограничивается иерархически, проявляясь, в том числе, в образах старших женщин (бабушки, тетушек, свекрови) и власть предержащих. Показательным является эпизод с заступничеством императрицы, которая убеждает супруга смягчить наказание для Ши Мэйлин: «Повитуха поставила рождение следующего императора выше безопасности себя и своего ребенка. <...> Я прошу вас проявить благосклонность!» [6]. Благодаря этой просьбе и просьбам других женщин на императорской аудиенции смертельный приговор заменяют на значительно более мягкое наказание: тридцать ударов палками и пожизненный запрет на появление в столице.

Главная героиня помогла подруге улучшить благосостояние семьи, отдав часть причитавшихся той вознаграждений, полученных ими в Запретном городе; в свою очередь именно Мэйлин вдохновила Юньсянь на написание книги о медицине, чтобы она помогла большему числу женщин, тем самым обессмертив имя госпожи Тань [12, с. 402].

Се Фэнцзяо, анализируя роман Лизы Си, отмечает, что в обществе, где главенствуют мужчины, а женщины считаются собственностью мужчин, особо явственна значимость и необходимость взаимной поддержки женщин [13, с. 72]. При этом женский мир романа описывается не только через призму дружеских отношений, в нем ничуть не меньше внимания уделено особенностям выстраивания семейной иерархии, в частности – вопросам взаимоотношения жен и наложниц, невесток и свекровей, матерей и дочерей.

Через опыт главной героини Лиза Си стремится показать, что женщины враждуют и относятся друг к другу плохо лишь из страха и отсутствия взаимопонимания. Так, из любви к образу матери Тань Юньсянь долгие годы не принимала заботы и дружеского участия со стороны наложницы отца, госпожи Чжао, однако в конце концов прониклась к ней уважением и симпатией, так как наложница отца, наравне с бабушкой, стала ее верным союзником и поддержкой.

Через преодоление непонимания выстраивает Юньсянь и отношения со своей свекровью, госпожой Ко: героиня проходит путь от бесправной невестки к матриарху семейства, сумев завоевать уважение в доме мужа. Когда Тань Юньсянь наставляла свою дочь перед свадьбой слушаться свекрови госпожа Ко прибавила: «<...> следуй примеру матери: слушаться-то слушайся, а потом делай, что считаешь нужным» [6]. Тем самым она выразила невестке уважение, признав в ней преемницу, которой можно передать все заботы о доме и его обитателях.

Говоря об отношениях главной героини с дочерьми, мы можем подчеркнуть, что в общении с ними Тань Юньсянь во многом следует примеру своей матери, вместе с тем стремясь окружить их большей заботой и вниманием. Героиня переживает о том количестве боли и несправедливости, с которым им придется столкнуться в жизни. Так, размышляя о традиции бинтования ног с позиции матери троих девочек, она замечает: «Мы говорим, что хотим иметь сыновей, чтобы продолжить

род, но иногда я задаюсь вопросом, может, все дело в том, что лучше иметь сына, чем мучить дочь» [6].

Не будучи в состоянии родить мужу наследника, Тань Юньсянь смиряется с появлением у него наложницы, Розовой Лыдинки, которая рождает долгожданного сына, но мальчик умирает от оспы в младенчестве. После смерти первой наложницы, уже сама будучи матерью наследника, главная героиня лично подыскивает супругу новую, вспоминая наставления бабушки: «Каждая женщина должна хорошо относиться к наложницам мужа. <...> Мы, конечно, не обязаны заботиться о наложницах, но помнить, что каждая из них появилась из чрева женщины, необходимо. <...> Каждая из них, как бы ревниво мы не относились к тому, что наши мужья навещают их, все равно остаются людьми» [6]. В этих размышлениях видна позиция автора: женский мир строится не на принципе силы, а на принципе сострадания.

Эн Уолтнер отмечает, что «роман Лизы Си и сборник клинических случаев за авторством Тань Юньсянь, вдохновивший его, могли бы стать отправной точкой для плодотворной дискуссии об историческом методе и различных способах, которыми мы, как учёные и просто люди, представляем прошлое, а также о том, как прошлое репрезентуется посредством массовой культуры» [12, с. 403].

Таким образом, роман Лизы Си «Ближний круг госпожи Тань» выходит за рамки исторической беллетристики. Обращаясь к фигуре Тань Юньсянь – одной из первых женщин-врачей Поднебесной, – писательница восстанавливает не только биографическую канву, но и, что более важно, реконструирует сам способ бытования женщины в культуре минского Китая. Автор демонстрирует, что женский мир, в отличие от мужского, неблагочестив – в нем не удастся обойтись без крови, таинств рождения и смерти, борьбы за власть в доме, однако там также есть место мудрости, состраданию, дружбе и любви. Женский мир не является герметичным пространством изоляции и пассивности: напротив, Лиза Си демонстрирует его сложную внутреннюю структуру, в которой переплетаются строгая иерархия (свекровь – невестка, госпожа – служанка) и горизонтальные связи. Дружба главной героини с повитухой Ши Мэйлин становится ключевым сюжетным мотивом, позволяющим размыть сословные границы и показать, что женская взаимопомощь, основанная на сострадании и профессиональной поддержке, способна противостоять любым проблемам, в том числе – смерти.

В романе Лизы Си последовательно опровергается тезис об отсутствии у китайок субъектности: на примере Тань Юньсянь автор показывает, что даже в условиях, когда высшей добродетелью женщины считалось отсутствие талантов, возможным было обретение профессии, голоса и уважения. Тем самым писательница убедительно доказывает, что даже в имперском Китае пол не являлся непреодолимой преградой для таланта.

Значимым представляется и тот факт, что роман «Ближний круг госпожи Тань», дополненный обширным историко-культурологическим комментарием, выполняет просветительскую функцию, не только знакомя западного читателя с реалиями Китая эпохи Мин, но и формируя у него более глубокое понимание китайской культуры. Таким образом, данную

работу Лизы Си следует рассматривать не просто как художественное произведение, но как значимый культурный феномен, который расширяет границы исторического нарратива, возвращая голос тем, кто долгое время оставался в тени официальной истории – женщинам Китая.

Список литературы

1. **Ван, Цзюньтао.** Положение женщин в Китае в период правления династий Тан, Мин и Цин / Цзюньтао Ван // Международные отношения и диалог культур. – 2019. – № 7. – С. 55–70. – DOI: 10.1870/HUM/2304-9480.7.05. – EDN IFWJQR.
2. **Дворцова, А. Н.** Азиатские персонажи в пространстве англоязычной эмигрантской литературы: поиск голоса и отстаивание различий / А. Н. Дворцова, С. Л. Елисеев // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2024. – № 4(121). – С. 57–63. – EDN: LNRJBV.
3. **Духнова, М. А.** Образ и положение женщины в Китае XIX века (на материале романа Лизы Си «Снежный цветок и заветный веер») / М. А. Духнова // Проблемы филологии глазами молодых исследователей : сб. материалов конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Пермь, 13–14 мая 2022 г. / Пермский гос. нац. исслед. ун-т ; [отв. за вып. Д. А. Сухоева]. – Пермь, 2022. – Вып. 5. – С. 93–99. – EDN: EISCLC.
4. **Коробко, К. В.** Культурная апроприация в современном литературном процессе: нарратив ненадежного рассказчика в «Йеллоуфейс» Ребекки Куанг / К. В. Коробко // Научная молодежь: приоритеты мировой науки в XXI веке : материалы X Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Луганск, 10 апр. 2025 г. / под общ. ред. А. Н. Дворцовой ; ФГБОУ ВО «ЛГПУ». – Луганск, 2025. – С. 104–107. – EDN: QSDKRB.
5. **Малявин, В. В.** Повседневная жизнь Китая в эпоху Мин / В. В. Малявин. – Москва : РИПОЛ классик, 2021. – 576 с.
6. **Си, Л.** Ближний круг госпожи Тань / Лиза Си ; пер. с англ. Н. Н. Власова. – Москва : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. – 419 с.
7. **Чистякова, А. Н.** Возрастной символизм (зрелый и пожилой возраст) как элемент преподавания китайского языка и культуры / А. Н. Чистякова // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. – 2021. – Т. 15. – С. 285–289. – EDN: EMRRKC.
8. **Dong, Q.** The Subjectivity Evolvement of the Chinese American Women's Writing / Qiufang Dong // Language, Communication and Culture Studies : 2nd International Conference (Moscow, June 9–10, 2021) / editors: I. Roumbal, Bin Chen. – Moscow ; Zhengzhou, 2021. – P. 347–352. – DOI: 10.2991/assehr.k.211025.058.
9. **Furth, Ch.** The Novels of Lisa See / Charlotte Furth // Education About Asia. – 2009. – Vol. 14, № 1. – P. 18–21.
10. **Mahsa, A. I.** Yuanxian's struggle to achieve gender equality in Lady Tan's Circle of Women by Lisa See : Bachelor's Thesis / Asmarani Ivanna Mahsa ; Universitas Islam Negeri Maulana Malik Ibrahim. – Malang, 2024. – 49 p.

11. **See, L.** Step inside: Lady Tan's Circle of Women / Lisa See. – Text : electronic // Lisa See's : [official website]. – URL: <https://lisasee.com/step-inside/lady-tans-circle-of-women/> (date of access: 23.07.2026).
12. **Waltner, A.** Lady Tan, Her Circle of Women, and the Text That She Wrote / Ann Waltner // Journal of Asian Studies. – 2024. – № 83(2). – P. 401–403. – DOI: 10.1215/00219118-11057920.
13. **Xie, F.** Review of Lady Tan's Circle of Women, by Lisa See / Fengjiao, Xie // World Literature Today. – 2024. – Vol. 98, № 2. – P. 72. – DOI: 10.1353/wlt.2024.a920937.

**Dvortsova A. N.,
Yeliseyev S. L.**

The Women's World in Lisa See's Novel «Lady Tan's Circle of Women»

The article analyzes the representation of the women's world in Lisa See's novel «Lady Tan's Circle of Women». Drawing on the example of a real historical figure, whose name is Tan Yunxian, and who works as a female physician, the author examines how the writer reconstructs the everyday life of Chinese women during the Ming dynasty, including the features of family hierarchy, opportunities for education and professional fulfillment, and the specific nature of relationships among women. Special attention is paid to Lisa See's effort to challenge the stereotype of the voicelessness and passivity of Chinese women. The conclusion emphasizes that the novel serves not only as a work of fiction but also as an important cultural phenomenon that fosters intercultural dialogue and revises simplistic views of China's past.

Key words: Asian American literature, Lisa See, «Lady Tan's Circle of Women», women in China, Chinese culture, gender studies, Ming dynasty, Tan Yunxian

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 811.112.2'373.2'42:796.332:32

Белютин Роман Вячеславович,
д-р филол. наук, доцент,
заведующий кафедрой немецкого языка
ФГБОУ ВО «СмолГУ»
deutsch-smolgu@mail.ru

Политический ономастикон в немецком спортивном дискурсе (на примере текстовых онлайн-трансляций футбольного издания «11 Freunde»)

В статье на материалах издания «Elf Freunde» анализируется ономастический потенциал текстовых онлайн-трансляций футбольных матчей с участием немецких клубов и национальной сборной Германии. Исследуется ранее не изученный в таком ракурсе участок ономастического пространства – политический ономастикон, который широко представлен в данном типе текста. Осуществлена классификация онимов, выделены соответствующие разряды онимических наименований; обозначена прагматическая специфика функционирования политических концептов в текстовых онлайн-трансляциях; указано на интенции комментаторов к созданию нешаблонных лингвокреативных сообщений, требующих от реципиента, помимо специальных футбольных знаний, наличия достаточно солидной информационной базы о политических реалиях и коммуникациях в своей стране и за рубежом. Предложены перспективы дальнейшего исследования проблематики – с фокусированием внимания на отдельных процессах, категориях, механизмах, сопровождающих импорт политических онимов в онлайн-трансляциях.

Ключевые слова: спортивный дискурс, политический дискурс, политический ономастикон, текстовая онлайн-трансляция, язык футбола

Введение. Изучение политического дискурса продолжает оставаться в фокусе внимания отечественных и зарубежных специалистов. Подобно целому ряду других дискурсивных практик, политический дискурс складывается из множества субдискурсов. Каждый из них определенным образом влияет на то, как будут объективироваться, интерпретироваться и оцениваться политическая реальность и те политические концепты, которые, по сути, ее конструируют и задают соответствующие векторы управления и регулирования, в том числе через формируемый в этнолингвокультурах языковой код. Ср.: «Politische Wirklichkeit wird in Sprache ausgehandelt. Unsere <...> Wahrnehmung <...> ist untrennbar verbunden und durchzogen von den sprachlichen Äußerungen, mit denen wir und unsere Mitmenschen über die Wirklichkeit kommunizieren» [11]. Именно поэтому, как отмечает М. Шпетер, «es ist höchst relevant, was in diesen Diskursen gesagt werden kann und was im Rahmen dessen gesagt wird, wie und von wem

es gesagt wird, welche Perspektiven also zum Ausdruck kommen und welche nicht – denn das, in der Regel medienvermittelt, bestimmt ganz wesentlich unsere Vorstellungen von sozialer Realität» [14].

Для лингвистов политические дискурсы интересны еще тем, что они выгодно отличаются от многих других типов дискурсивных формаций своей многоплановостью, многомерностью, «da sie <...> an der Schnittstelle von pragmatischen, textlinguistischen, medienlinguistischen mentalitätsgeschichtlichen Fragestellungen in den Rahmen der diskursanalytischen Untersuchungen verorten lassen» [15]. О том, как лингвистически оформлены политические дискурсы в разных национальных картинах мира, написано и опубликовано достаточно внушительное количество научных статей, диссертаций, монографий, и этот список постоянно пополняется новыми материалами (см., например, публикации в авторитетном «профильном» отечественном издании «Политическая лингвистика», работы зарубежных исследователей в трехтомной монографии «Sprache und Politik» и др. [1; 2; 3; 6; 7; 12].

Вместе с тем весьма существенные пробелы и дефициты обнаруживаются, на наш взгляд, на том участке исследовательского пространства, где должны быть выявлены потенциал и степень «интертекстуальности» (согласно А. Б. Зильберту [5]) политического дискурса, причем в проекции, ориентированной на «миграцию» политических концептов в другие дискурсы, их участие в репрезентации смыслов, имеющих отношение к иным коммуникативным доменам.

В настоящей работе мы представим зеркальный вариант тех корреляций, о которых шла речь в нашей недавней статье в «Вестнике Луганского государственного педагогического университета» [1]. Целью настоящего исследования является анализ представленности и прагматической целесообразности инкорпорирования политического ономастикона в спортивную коммуникацию, именно – текстовые онлайн-трансляции спортивных событий (в нашем исследовании – футбольных матчей).

Текстовые онлайн-трансляции (*Live-Ticker*) достаточно быстро превратились в одну из наиболее динамично развивающихся и органично вписывающихся в современную информационную парадигму дискурсивных практик. Как отмечается в работе О. Г. Ревзиной, «текстовые онлайн-трансляции являют новую коммуникативную ситуацию и, соответственно, новый тип языкового поведения» [8], причем этот новый формат языкового поведения закрепляется как за пользователем (реципиентом), так и субъектом письменной речи, вынужденным искать новые, нестандартные стратегии и механизмы описания событий соревнования.

Материал для исследования отбирался и анализировался из текстовых онлайн-трансляций футбольных матчей с участием немецких футбольных клубов во внутренних турнирах (чемпионат Германии, кубок Германии) и на международной арене (Лига чемпионов, Лига Европы и др.), сборной Германии по футболу. В качестве ресурсного домена было определено одно из самых популярных и авторитетных изданий в Германии, освещающих футбольную тематику – в том числе через *Live-Ticker* – «Elf Freunde»¹. Об особом статусе

1. Все примеры, представленные в статье, размещены на официальном домене издания <https://www.11freunde.de/thema/liveticker/>

этого издания в немецкоязычном медийном пространстве свидетельствуют, например, эпитеты, которыми охарактеризовала деятельность «Elf Freunde» скупая, как правило, на комплименты «Süddeutsche Zeitung»: «dieses hartnäckig liebenswerte Presseerzeugnis in einer immer unansehnlicheren Profifußballwelt» (www.sueddeutsche.de/medien/fussballmagazin-11freunde-25).

Издание «Elf Freunde» – по способу подачи материала, обсуждаемым внутри и околофутбольным темам – ориентировано на высокоинтеллектуальную аудиторию. Здесь даже текстовые онлайн-трансляции выходят за границы очерченных жанровых, стилистических, риторических и иных свойственных этому дискурсу конвенций; в них преодолевается, в терминологии Хаузера, «принцип инерционности» («Trägheitsprinzip»), «консервативного информирования» (*eine konservative Wirkung*) [13] и создается инновативный во всех смыслах продукт – текст, представляющий собой не только последовательное описание событий и действий на футбольном поле, как это практикуется большинством изданий, освещающих футбол в таком жанре на своих ресурсах, но вбирающий в себя элементы когнитивной игры автора с читателем, перспективы особой интонации или тональности, «идеологической», если пользоваться термином Т. Г. Добросклонской, модальности [4], причем идеология здесь может рассматриваться как «фирменный стиль» издания при создании текстовых онлайн-трансляций, так и определенное отношение к действительности, причем не только связанной с футбольной и околофутбольной сферой.

Научная новизна исследования видится в обработке неизученного специалистами в области германистики аутентичного эмпирического материала, представленного на платформе издания «Elf Freunde», получении на основе лингвокогнитивного и лингвокультурологического анализа новых данных о функционировании немецкого политического и спортивного дискурсов, их корреляциях, в частности, «экспорте» политических концептов в спортивную коммуникацию.

Теоретическая значимость проведенного исследования определяется тем, что установление механизмов соположения политического и спортивного дискурсов, а также выявление языковых средств и приемов, участвующих в данном процессе, вносит вклад в дальнейшее развитие теории дискурса, концептологии, теории коммуникации. Рассмотрение прагматического компонента актуализации политического ономастикона в спортивном языковом пространстве вносит определенный вклад в решение проблем лингвопрагматики, проясняет интенциональный аспект дискурсивного, речевого, коммуникативного поведения языковой личности.

Практическая ценность результатов исследования состоит в возможности их использования в вузовской практике в курсах по лексикологии, стилистике, лингвострановедению, межкультурной коммуникации, медиалингвистике и др.

В работе задействован комплексный методологический аппарат, который включает дискурсивный, компонентный, концептуальный анализ, классификацию, описание, лексикографический, контекстологический методы.

Результаты исследования. Определяя границы политического ономастикона, мы, вслед за О. А. Ткаченко, обращаемся к данному термину

в широком понимании и рассматриваем политонимию как «совокупность всех наименований (общественно)-политической жизни» [9]. Высокие частотность и коммуникативная плотность политических концептов в текстовых онлайн-трансляциях на платформе «Elf Freunde» позволяют объединить политические реалии в полноценные тематические блоки:

Лица – участники политической деятельности

Как показывают примеры, комментаторы «Elf Freunde» имеют достаточно внушительный список политических деятелей, имена которых включаются в текст и становятся частью спортивной концептосферы. Примечательно, что в поле зрения ведущих трансляцию экспертов оказываются как действующие политики, так и те, кто в разное время находился на политическом Олимпе: «*Der HSV muss jetzt das Spiel machen. Was ungefähr in einer Liga spielt mit Angela Merkel muss jetzt ein Machtwort sprechen*».

В данном контексте упоминание экс-канцлера ФРГ А. Меркель происходит на фоне сомнений комментатора в готовности футболистов клуба «Гамбург» (сокращенное название «HSV») взять инициативу в свои руки и довести матч до победы. Такое сравнение отнюдь не случайно: характеристика А. Меркель как осторожного, нерешительного, боязливого, медлительного политика, долго принимающего решения, давно стала нарицательной. В связи с этим в немецком языковом узусе даже появилось и прочно закрепилось в ментальном лексиконе нации слово «merkeln», ср.: «*Merkeln ist ein Synonym für bloßes nichts tun, welches sich daran zeigt, dass keine Entscheidungen getroffen werden und keine Äußerungen erfolgen. Merkeln bedeutet auch, dass die Zeitspanne zwischen einem Ereignis und einer Reaktion auf dieses Ereignis ungewöhnlich lang ist*» (<https://www.bedeutungonline.de/merkeln/>); «Ein Tor wie ein Ultimatum von **Friedrich Merz**: bleibt wohl ohne Folgen».

Обращение к персоне действующего канцлера Ф. Мерца также спровоцировано его многочисленными неудачами как во внутренней, так и внешней политике. Комментатор дает оценку событиям на футбольном поле, акцентируя внимание на том, что одна из команд показывает, если говорить на футбольном языке, неправильную «реакцию» на пропущенный мяч: «без последствий», как было отмечено в трансляции. Параллель с Ф. Мерцом вполне уместна: многие его ультиматумы, которые он предъявлял своим политическим оппонентам (например, О. Шольцу в вопросе миграционной политики), или которые были связаны с внешней политикой (Президенту России В. В. Путину) остались сотрясанием воздуха и были обречены на провал.

Не менее регулярно в тексты трансляций попадают имена известных зарубежных политиков – как правило, с референцией на злободневные темы, к которым имеют отношение эти политические фигуры. Так, комментатор не мог обойти стороной заявления президента США Д. Трампа о присоединении к территории своей страны Гренландии и в ироничной, даже скорее саркастичной форме представил на первый взгляд абсолютно рядовой для футбольного события факт – приезд в Барселону на международный матч фанатов из Дании: «*Rund 3.000 Dänen haben den FC Kopenhagen nach Barcelona begleitet. Und plötzlich interessiert sich auch Donald Trump für dieses Fleckchen Erde in Spanien*».

Имена политических партий и объединений

Названия политических партий также не привязываются к какому-то одному «спортивному» контексту, они встраиваются в спортивную коммуникацию по разным футбольным поводам. В данном блоке стоит обратить внимание на одну интересную деталь: партии могут называться не только напрямую («*Schalke weiter von Europa weg als das Parteiprogramm der AfD*»); нередко актуализируется имплицитная форма репрезентации таких концептов, например с обращением к цветовой символике – при условии, что аналогичная цветовая гамма существует в футбольной знаковой системе. Ср.: «FC Bologna vs Borussia Dortmund: Erstmals im Jahr 2025 liegt **Schwarz-Gelb** vorne. Wovon Christian Lindner nur träumen kann».

Чтобы правильно декодировать смысл данного высказывания, необходимо восстановить целую цепочку реалий, относящихся к политическому ландшафту Германии и немецкому футбольному дискурсу. *Schwarz-gelbe Koalition* (политический термин, обозначающий коалицию между христианскими демократами – ХДС и/или ХСС, традиционно ассоциирующимися в Германии с чёрным цветом, и либеральной Свободной демократической партией Германии (СвДП), имеющей в своей партийной символике жёлтый цвет); *Schwarz-gelbe* (неофициальное название футбольной команды «Боруссия» (Дортмунд), где традиционными клубными цветами считаются черный и желтый); *Christian Lindner* (бывший министр финансов ФРГ, председатель СвДП (2013–2025)). Таким образом, обыгрывая колоратив «Schwarz-gelb», остроумный комментатор не только фиксирует преимущество «Боруссии» в матче против «Болоньи», но также «напоминает» электорату о текущем раскладе в борьбе политических партий за избирателя.

Наименования политических событий

В данной категории наибольшей прецедентностью обладают события, связанные в Германии с распадом светофорной коалиции (*Ampel-Koalition*) в 2025 году и последовавшими за этим досрочными выборами в бундестаг: «Pauli setzt sich auf den Boden, es geht nicht weiter, er will ausgewechselt werden. Lustigerweise das zweite Mal an diesem Abend, dass er zu spät eingreift. Für den Kölner natürlich ähnlich ärgerlich wie für die **Ampel-Regierung**: muss früher als gedacht ausgewechselt werden»; «Leverkusen vs. Stuttgart: Stand jetzt unklar, was eher zerfällt: die Stuttgarter Defensive oder die **Ampel**». «Помогают» комментатору в таких сопоставлениях семантический и валентностный потенциал глаголов «zerfallen» («распадаться», «разваливаться») и *auswechseln* («осуществлять замену»).

Чрезвычайно резонансным событием в Германии стало событие, связанное с появлением у дортмундской «Боруссии» нового спонсора – крупнейшего оружейного концерна «Rheinmetall» – это первый случай спонсорства клуба Бундеслиги немецкой оборонной компанией. Ситуация усугубилась тем, что *Rheinmetall* оказался вовлечен в поставки военной помощи Украине, что спровоцировало серьезный раскол в немецком обществе. Так, по данным газеты «Welt», в Германии сформировался и укрепляет позиции антимилитаристский альянс «Rheinmetall entwaffnen» («Разоружить Rheinmetall»), выступающий против поставок оружия концерном и другими компаниями в зоны конфликтов. Судя по количеству контекстов с использованием лексемы «Rheinmetall», в обществе наблюдается серьезная

озабоченность агрессивной и недальновидная политикой *Rheinmetall* и его кураторов, являющихся, по сути разжигателями военных конфликтов и стремящихся за счет своих кровавых планов к наживе.

Примечательно, что во многих контекстах улавливается саркастическая тональность, видимо, единственный способ редакции «Elf Freunde» каким-то образом противостоять грязным сделкам концерна: «Überall fallen die Tore, nur da, wo sie wirklich gebraucht werden, in Dortmund nämlich, bleiben sie bislang aus. Dass ausgerechnet dort, wo *Rheinmetall* auf den Banden wirbt, eine Abwehrschlacht tobt, ist bestimmt purer Zufall»; «Und dann ist Schluss! Dortmund und Bayern trennen sich schiedlich friedlich 1:1. Ein beeindruckendes Zeichen gegen *Rheinmetall*!»

Выводы и перспективы развития поставленной проблемы. Итак, проведенный анализ текстовых онлайн-трансляций футбольных матчей на платформе популярного издания «Elf Freunde» показывает, что визитной карточкой комментаторов при освещении футбольных баталий является использование политических онимов, представленных такими категориями, как политантропонимы, политэргонимы, политические хрематонимы и др. Политические концепты помещаются в спортивное языковое пространство и помогают реципиенту достроить «мыслительную картинку», которую транслируют комментаторы через создаваемые ими (кон)тексты, лучше почувствовать и прочувствовать тот или иной эпизод, отмеченный в трансляции (голевой момент, реакция на пропущенный мяч, результативность команды и отдельных игроков и др.) и т. п.

По сути, в таких случаях мы имеем дело с когнитивной игрой автора и реципиента, от которой оба получают интеллектуальное удовольствие: первый – от процесса создания образов, нетривиальных сравнений, аллюзий, другой – от декодирования смыслов, установления соответствий, референций, возникающих вследствие гибридизации спортивного и политического дискурсов. Особенность такого формата и способа подачи информации заключается в том, что, помимо основной, базовой спортивной (футбольной) смысловой нагрузки, читатель «вынужден» обрабатывать участки действительности, репрезентирующие политическую картину мира. Тем самым реципиент невольно оказывается вовлеченным и в политическую коммуникацию: ему напоминают (или впервые сообщают) о распаде правящей коалиции, ключевых позициях в предвыборных программах политических партий, отдельных политиков, его побуждают к рефлексии над вопросами войны и мира, эффективности политических лидеров и др.

Перспективным представляется дальнейшее изучение заявленной проблематики, выделение новых концептуальных областей политической ономастики в спортивном коммуникативном пространстве. Отдельного исследования заслуживает аспект языковой игры, зачастую сопровождающий процесс импортирования политических концептов в текстовые онлайн-трансляции. Напрашивается также углубленное исследование дидактического потенциала текстовых онлайн-трансляций, результаты которого смогли бы помочь обучаемым лучше понять многие лингвистические и экстралингвистические факторы и принципы организации языка, речи, дискурса в контексте «иной ментальности».

Список литературы

1. **Белютин, Р. В.** Спортивные метафоры в предвыборном политическом дискурсе (на материале немецкого языка) / Р. В. Белютин // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2025. – № 3(127). – С. 14–21.
2. **Белютин, Р. В.** Метафорическое моделирование образа экс-канцлера Германии О. Шольца в немецком политическом дискурсе / Р. В. Белютин // Известия Смоленского государственного университета. – 2025. – № 3(71). – С. 127–138. – DOI: 10.35785/2072-9464-2025-71-3-127-138.
3. **Белютина, Ю. А.** Речевой портрет Дональда Трампа (по материалам предвыборных выступлений в кампаниях 2016 и 2020 годов) / Ю. А. Белютина // Известия Смоленского государственного университета. – 2021. – № 4(56). – С. 145–154. – DOI: 10.35785/2072-9464-2025-71-3-127-138. – EDN: GCENIZ.
4. **Добросклонская, Т. Г.** Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь / Т. Г. Добросклонская. – Москва : Флинта : Наука, 2008. – 264 с.
5. **Зильберт, А. Б.** Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) / А. Б. Зильберт // Язык, сознание, коммуникация : сб. науч. ст. / отв. ред.: В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва, 2001. – Вып. 19. – С. 103–112. – EDN: UBLDRR.
6. **Политическая лингвистика** : [сайт]. – Екатеринбург, 2021. – URL: <https://politlinguistika.ru/> (дата обращения: 23.02.2026). – Текст : электронный.
7. **Полонянкина, Н. В.** Особенности конструирования гендерной идентичности в современном политическом медиадискурсе Германии (на примере прозвищных наименований женщин-политиков) / Н. В. Полонянкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, вып. 8. – С. 2580–2585.
8. **Ревзина, О. Г.** Спортивные текстовые онлайн-трансляции в аспекте стилистики / О. Г. Ревзина // Памяти Анатолия Анатольевича Поликарпова : сб. ст. / под ред. М. Л. Ремнёвой ; сост. Е. В. Суровцева. – Москва, 2015. – С. 469–497.
9. **Ткаченко, О. А.** Политическая ономастика / О. А. Ткаченко // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. – 2022. – № 1(3). – С. 18–27. – DOI: 10.34680/VERBA-2022-1(3)-18-27.
10. **Drewes, N.** Flüchtlingswelle, Flüchtlingsstrom. Ein genuin empathiehemmender Frame – Strategien zur Erzeugung und Dekonstruktion der Wirkung konzeptueller Metaphern / N. Drewes, K. Küsters // Metaphorik. DE. – 2022. – № 22. – S. 203–233.
11. **Felder, E.** Diskursanalyse von politischer Sprache / E. Felder. – Text : Elektronisch // Bundeszentrale für politische Bildung : [seite]. – URL: <https://www.bpb.de/themen/parteien/sprache-und-politik/42740/diskursanalyse-von-politischer-sprache/?p=1> (datum der Behandlung: 24.01.2026).
12. **Handbuch Sprache und Politik** : in 3 Bänden. Band 2 (Sprache – Politik – Gesellschaft) / Thomas Niehr, Jörg Kilian, Martin Wengeler (Hrsg.). – 2. Auflage. – Hamburg : Helmut Buske Verlag GmbH, 2021. – 513 S.

13. **Hauser, S.** Live-Ticker: Ein neues Medienangebot zwischen medienspezifischen Innovationen und stilistischem Trägheitsprinzip / S. Hauser // Kommunikation @ gesellschaft. – 2008. – Vol. 9, № 1. – S. 1–10.
14. **Schröter, M.** Kontrastive Analyse politischen Diskurses. Skizze, Verkomplizierung und Ausblick / M. Schröter // Politik als sprachlich gebundenes Wissen. Politische Sprache im lebenslangen Lernen und politischen Handeln / Kilian Jörg, Niehr Thomas (Hrsg.). – Bremen, 2021. – S. 91–105.
15. **Spieß, C.** Sprachliche Gewalt in öffentlich-politischen Diskursen / C. Spieß // Der Deutschunterricht. – 2022. – Bd. 74, № 2. – S. 20–30.

Belyutin R. V.

**Political Onomasticon in the German Sports Discourse
(Through the Example of a Live Ticker of Online Journal «11 Freunde»)**

The article analyzes onomastic potential of a live ticker of football matches where German clubs and the national team participate and based on the materials from the journal «12 Freunde». The area of onomastic space is studied, because it has not been examined before in such a perspective; political onomasticon is widely represented in this type of text. The author classifies onyms, distinguishes respective classes of onym entities. The paper indicates pragmatic and semantic peculiarities of how political concepts function in a live ticker; it specifies commentators' intentions in producing unconventional creative messages which require alongside detailed football knowledge reliable informational database on politics and communication at home and abroad. The article closes suggesting directions for further research with a focus on certain processes, categories, mechanisms accompanying the import of political concepts in a live ticker.

Key words: *sports discourse, political discourse, political onomasticon, live ticker, football language*

Бухонкина Анна Сергеевна,
канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
ГБОУ ВПО «ВГИИК»
bukanna@inbox.ru

Функционирование англицизмов во французском масс-медийном пространстве: социокультурный и лингвистический аспекты

Статья посвящена изучению функционирования заимствований из английского языка, использующихся во французских масс-медийных источниках. На основе анализа электронных версий ряда французских периодических изданий выявляются примеры употребления различных типов англицизмов, как формальных, так и смысловых. Выявлены и проинтерпретированы примеры использования англицизмов с точки зрения их структуры: сохранения или изменения их графической и грамматической форм. Кроме того, анализируются примеры трансфера семантики лексических единиц английского языка в лексическую систему французского языка с последующими изменениями в составе последней. Отмечается, что в масс-медийном дискурсе активно идет процесс заимствований синтаксических конструкций из английского языка. С учетом проанализированного материала, автор приходит к выводу, что массовое употребление разных типов англицизмов в масс-медийном пространстве может свидетельствовать о значительном влиянии англо-саксонской культурной модели на коллективное общественное сознание во Франции, ставя под вопрос ее культурно-идеологический суверенитет.

Ключевые слова: заимствования, англицизмы, масс-медийный дискурс, языковая политика Франции

Введение. Процесс глобализации, начавшийся в середине прошлого века, и за последние два-три десятилетия принявший для большинства европейских государств почти угрожающие формы, остро чувствуется не только в размывании категорий «национальность», «национальные интересы», «национальная культура», но и непосредственно в языковых системах. Англо-саксонская мировоззренческая модель, вытесняя или переформируя исконные культурные основы многих европейских стран, стала для их языковых систем своеобразным троянским конем. Особенно это очевидно при анализе современного французского языка, в частности французского масс-медийного пространства. Недаром многие французские лингвисты и культурологи, занимающиеся этой проблемой, задаются вопросом: «Le français serait-il devenu un sabir atlantique?» / Не стал ли французский неким атлантическим сабиром? (Тут и далее перевод наш – А. Б.)

Степень научной разработанности проблемы. Вопросами массового проникновения лексических единиц английского языка и их ассимиляцией занимались такие французские лингвисты, как К. Ажеж [5],

Г. Вальтер [15]. Однако, несмотря на интерес ряда французских ученых к вопросу функционирования англицизмов, некоторые исследователи [6; 7] небезосновательно говорят об ограниченном количестве серьезных работ на французском языке по этой проблематике, будь то докторские диссертации или монографии. Что касается работ, посвященных функционированию английских заимствований во французском языке, то авторами наиболее значимых из них были представители других лингвистических школ, в частности немецкой [14]. Среди европейских лингвистов хотелось бы также отметить работы Зорана Николовски [12; 13]. Стремительный рост англицизмов наблюдается не только во французском языке Франции, но и в национальных вариантах французского языка, чему посвящено также немало работ. Особенно остро проблема заимствований обозначена в квебекском варианте французского, т. к. ввиду непосредственного соседства именно здесь имеет место значительное влияние английского языка на национальный вариант французского языка [2; 3]. Кроме того, европейские исследователи зачастую в своих работах проводят параллель, сравнивая процессы заимствования в разных языках [8; 14].

Цель статьи – показать влияние англо-американской культуры и языка на французский язык, в частности на язык масс-медийного французского дискурса.

Научная новизна заключается в изучении функционирования англицизмов во французском медийном дискурсе с точки зрения сохранения или изменения их формы, синтаксиса и лексического значения.

Теоретическое значение работы состоит в том, что она способствует объективному определению степени англоязычного влияния на современный французский язык, а также раскрытию роли масс-медиа в данном процессе.

Основными **методами** исследования являются описательный метод, метод сплошной выборки, семантический анализ, дискурс-анализ.

Результаты исследования. В одном из недавних исследований о состоянии французского языка на радио его автор, М.-Ж. Олсен, отмечает, что использование – зачастую неоправданное – англицизмов поражает своим объемом и уже не воспринимается как нечто инородное [9]. Многие известные журналисты также свидетельствуют о том, что современные французские издания злоупотребляют англицизмами, делая чтение ряда статей малопонятным для людей, не владеющих английским языком. Французская Академия, неоднократно пытавшаяся привлечь внимание общественности к узурпации медийного пространства англо-французским новоязом, отмечает: «Та мешанина, созданная на основе французского и английского языков, способствует грамматической неясности, которая вредит ясности изложения. Этот процесс вызывает потерю опоры на родной язык, что может привести даже к ощущению лингвистической неполноценности у носителей французского языка» [10].

Вследствие того, что англицизмы настолько прочно вошли в повседневное употребление и стали неотъемлемой частью языка масс-медиа, некоторые исследователи отмечают тенденцию к упрощению, лексической униформизации французской речи. В связи со значительной схожестью лексического состава двух языков многие слова английского языка бездумно калькируются. Особенно это явствует при переводе: там, где можно было бы

подобрать более точное слово французского языка, используется слово, схожее с английским. Например, английское *development* передается французским *développement* – словом схожим по написанию и значению, однако в некоторых контекстах его необходимо заменить на такие французские слова, как *mise au point*, *conception*, *évolution*, *événement*.

Учитывая повсеместное уподобление французской речи семантическим и морфосинтаксическим характеристикам английского языка, имеет место явное упрощение речевого стандарта, дрейфующего в сторону размытия семантических границ между схожими по написанию французскими и английскими лексемами. Как следствие, разнообразие французского вокабуляра, передающего самые разные смысловые оттенки, оказывается как бы ненужным. Мириам де Болье, много лет проработавшая переводчиком при ООН, с большим сожалением подмечает эту тенденцию: «Носитель французского языка сам усекает семантическую точность родного языка, пользуясь семантически ограниченным языковым инструментарием. Мы сами варвары своего языка» [1].

Что касается языка медиа, то он наиболее подвержен влиянию англо-саксонской культуры, находясь и в положении своеобразного среза коллективных настроений, свидетельствующего о стремлении значительной части французского общества быть частью англо-саксонской культурной модели, и, одновременно с этим, в положении некоего законодателя, регламентирующего и поощряющего употребление англицизмов.

Включение в медийный текст большого количества англицизмов связано с тем, что многие выражения из английского языка активно используются любителями современных сериалов, «вскормленных» на американской массовой культуре. В связи с этим, использование в статьях таких слов, как *show*, *guest*, *teaser* – это способ для журналистов говорить на одном языке со своей аудиторией.

Что касается типологии англицизмов, то во французской лингвистике принято выделять несколько типов заимствований, суть которых так или иначе сводится к трем разновидностям:

- лексические или формальные заимствования (сюда можно отнести случаи заимствований лексем и морфем с возможностью полного или частичного сохранения заимствованной единицы: *open space* / *coworking* / *process* / *souping* / *shampooing*);

- семантические заимствования (в этом случае французское слово заимствует значение у сходного по звучанию и написанию слова из английского языка, расширяя тем самым объем своего лексического значения: *définitivement* в значении английского *definitely*);

- синтаксические заимствования (заимствование синтаксических конструкций: *les dernières vingt-quatre heures* от английского *the last twenty-four hours*).

К числу наиболее распространенных англицизмов, использующихся во французских масс-медийных ресурсах, относятся лексические заимствования. Среди них можно встретить как те, которые уже приспособились к системе французского языка, так и полностью сохранившее исходную графическую и фонетическую форму. Проанализировав электронные версии ряда французских изданий («Ouest-France», «Nice-Matin»,

«France-soir» и др.), мы пришли к выводу, что большая часть заимствований не претерпевает никаких изменений и используется в исходной форме с сохранением графической формы. Например, «J'ai travaillé le western à ma façon» / «Я проработала вестерн на свой манер» – заголовок статьи о Люси Прост, фильм которой «Va dans les bois» был отобран на один из французских кинофестивалей. Чуть ниже, в самой статье встречаем еще одно заимствование: «Quel est le pitch du film?», где английское *pitch* употребляется в значении «краткое описание, сюжет фильма».

Часто имеет место двойное написание англицизма, т. е. английская графика одной и той же лексемы может как полностью сохраняться, так и приобретать признаки французской орфографии: *breakdown* (*break-down*), *jet set* (*jet-set*), *trader* (*tradeur*), *joint venture* (*joint-venture*), *lay out* (*lay-out*). К числу наиболее распространенных лексических заимствований, встречающихся на страницах анализируемых нами изданий, относится англицизм *fake news*, появившийся в 2013 году. При этом официальная рекомендация от словаря «Le Petit Robert» требует заменить этот англицизм на французскую лексему *infox*. С точки зрения грамматической ассимиляции представленного англицизма, то здесь, как и в большинстве случаев, наблюдается переосмысление числа существительного и присвоение грамматической категории рода, что связано с различиями грамматических систем контактирующих языков.

В масс-медиа можно встретить как сохранения множественного числа заимствования: «Un professeur pro-vaccin reconnu pour avoir affirmé des fake news est protégé par la justice», так и употребление единственного числа: «Quelle est cette fake news sur un bateau “responsable” des inondations de Valence et ayant accosté à Sète» или «Une nouvelle amende de 50 000 euros, après une fake news dans «PAF avec Baba»». Как видно из представленного примера, заимствование *fake news* не только меняет число, но и приобретает грамматическую категорию рода, становясь в языке-реципиенте существительным женского рода.

В отдельных случаях имеет место сохранение исходной грамматической формы, когда заимствование употребляется без артикля и без присвоения категории рода: «Fake news et théories du complot animeront les débats aux 26e Colloques de Menton», «Police ciblée, fake news. <...> Ce que l'on sait des émeutes au Royaume-Uni après une attaque au couteau». Встречаются также случаи употребления в одной газетной статье как заимствований, так и рекомендованных Французской Академией слов-заместителей. Как правило, англицизм используется в заголовке газетной статьи, а его французский эквивалент – далее в тексте статьи, что делает заголовок более броским и запоминающимся, нацеленным на прагматическое воздействие. Так, в заголовке может значиться «Une exposition sur les fake news à l'Espace panatois», тогда как в первом абзаце находим: «Le festival Infox se poursuit dans le village».

Кроме того, во французских СМИ встречается достаточно большое количество англицизмов, не зафиксированных в академических словарях «Le Petit Robert» или «Larousse». В этом случае такого рода заимствования берутся в кавычки: «Des élus américains parviennent à un accord pour éviter un “shutdown” juste avant l'élection» / «Etats-Unis: accord de principe pour éviter un nouveau “shutdown”». Во французских масс-медийных текстах также находим большое количество деривативных вариантов глаголов, образованных от

английских лексем путем добавления окончания глаголов первой группы (-er): «La Normandie manque de dentistes: pour booster leur installation, les aides sont revues à la hausse; «Le club de billard de cette commune près de Nantes compte sur les femmes pour booster ses adhésions». Нами были также обнаружены случаи различного пунктуационного оформления, когда одно и то же заимствование может использоваться в кавычках или без них: «Une soirée brainstorming au bowling, ce jeudi» / Soirée brainstorming avec la Jeune chambre économique. Или же использование англицизма может сопровождаться пояснением, официально рекомендованным словом-«заместителем»: «Le court-métrage Brainstorming (tempête de cerveaux) du jeune réalisateur corseptin Thibaut Charbonnier sera projeté samedi 5 décembre».

Отмечаются также случаи, когда словари не успевают фиксировать заимствования, активно используемые в масс-медиа. Например, относительно недавно во французском сленге появилась английская лексема *crush*, используемая в выражении «avoir crush» или по-французски *être amoureux* («быть влюбленным»). В одном из изданий, в рубрике «people» (еще одно весьма распространенное заимствование) находим следующий заголовок: «Cyril Hanouna a révélé avoir un “crush” lors de l’émission Le prime des vérités, diffusée mercredi 14 janvier sur W9». Далее в тексте уже используется французский аналог, рекомендованный Академией: «Cyril Hanouna a révélé être amoureux lors de l’émission “Le prime des vérités” diffusée sur W9 ce mercredi 14 janvier».

Помимо лексических, медиатексты изобилуют и семантическими заимствованиями, начиная от привычных и уже прижившихся во французской языковой системе единиц, до появившихся совсем недавно. К первым можно отнести глагол *réaliser*, который под влиянием семантики английского глагола *to realise* уже в течение многих лет используется в значении «понимать», хотя изначально это значение не входило в его лексический объем. В качестве иллюстрации этого семантического англицизма приведем пример заголовка в одном из французских изданий: «Un avion qui avait décollé de Los Angeles pour se rendre à Shanghai a été contraint de faire demi-tour quand le pilote a réalisé qu’il avait oublié son passeport».

Отметим, что в толковом словаре «Le petit Robert» делается помета «нежелательное, но распространенное употребление» (*emploi critiqué, mais courant*), указывая на это значение глагола *réaliser*. Впрочем, некоторые исследователи отмечают, что употребление этого глагола в том значении, которое продиктовано семантикой английской лексемы, значительно уступает его использованию в исходных значениях [4]. Среди прочих глагольных семантических заимствований, давно зафиксированных в словарях, стоит отметить следующие:

– глагол *affecter*, используемый со значением «воздействовать» (от англ. *to affect*): «Une épidémie importante affecte des populations vulnérables en Europe de l’ouest depuis 2022» / «Le stationnement sera gratuit à Nice ce jeudi 18 septembre 2025 en raison de la mobilisation qui affectera les transports en commun»;

– глагол *acter*, который употребляется в значении «действовать» (от англ. *to act*): «Une très belle nouvelle pour Libourne»: l’État vient d’acter le rachat des casernes pour la Sécurité civile» (sud-ouest) / «Les travaux

d'embellissement sont terminés sur les remparts. Alors faut-il acter définitivement la piétonnisation totale et permanente de ce lieu emblématique?»;

– глагол *finaliser*, употребляемый в значении «доработать, довести до ума» (от англ. *to finalize*): «Il a fallu un peu moins de 14 mois pour finaliser cette gigantesque restauration, ce qui est une performance pour l'époque».

Интересно, что в толковом словаре «Le Petit Robert» с этим значением ставится помета «профессиональный жаргон» или «жаргон предприятий» (*jargon d'entreprise*). Среди прочих семантических заимствований, часто встречающихся в масс-медийном дискурсе, отметим следующие:

– *vol domestique* («domestic flight»): «Trois membres d'équipage et 19 passagers se trouvent à bord de l'appareil, a précisé la compagnie aérienne Tara Air, qui assure ce vol domestique»;

– *suivre* в значении *to follow* («быть подписчиком, следить за сообщениями или высказываниями кого-то в социальных сетях»).

Некоторые заголовки могут содержать одновременно лексические и семантические заимствования: «Côte basque: l'aventure food-truck, entre les joies de la liberté et l'amertume d'une météo versatile». Еще один повсеместно используемый в СМИ семантический англицизм – лексема *opportunité*: «Régional 3: une opportunité à saisir pour Targon-Soulignac FC»; Le Mercosur, danger ou opportunité ?» Хотя во французском языке имеются синонимичные лексемы, такие как *occasion, manne, chance, possibilité*.

Наконец, третий тип заимствований – синтаксические заимствования, при которых заимствуется не конструкция, а порядок слов. Например, *dépannage service, TV location* или *riviera express* – во всех этих словосочетаниях скопирован порядок слов, свойственный английскому языку. Кроме того, к синтаксическим заимствованиям можно отнести случаи субстантивации герундия настоящего времени, что противоречит норме французского языка. Например, Де Болье замечает, что в медицинской сфере участились случаи использования формы герундия *déterminants* в значении существительного. Хотя в данном случае, согласно нормам французского языка, необходимо использовать лексемы *facteurs, causes, lours de conséquences* [1].

Широкое распространение в СМИ получили такие синтаксические кальки, как *geste barrière, séjour ski, offre santé*, в которых одно из существительных используется в значении прилагательного, но без использования предлога, что свойственно синтаксису английского языка. Согласно правилам французского синтаксиса, это выглядело бы как *geste de barrière, séjour de ski, offre de santé*. Во французских масс-медиа мы нашли следующие примеры подобных заимствований: «L'incontournable brasserie des allées Georges-Leygues s'était adaptée aux confinements et gestes barrières» / «Séjour neige et raquettes à Vars pour les seniors londaïs» / «Séjour ski au Seignus d'Allos pour les jeunes» / «Geste barrière dans le bureau de vote de Flayosc, embouteillage dehors» / «Lors du Club santé de Nice-Matin, les adhérents ont souligné que le numérique en santé offre un fort potentiel».

Выводы. Таким образом, говоря о значительно увеличившемся количестве англицизмов разных типов, многие исследователи отмечают, что официальные запреты и рекомендации Академии, предписывающие использование французских лексем взамен заимствований, не могут изменить текущего положения дел. Зачастую они воспринимаются как искусственные

и нежизнеспособные и не могут стать альтернативой уже закрепившимся в узусе заимствованиям. Лавинообразный рост англицизмов во французском языке за последние два-три десятилетия обусловлен не столько значимостью самого английского языка, его привлекательностью или ущербностью французского языка, а значимостью американского образа жизни, который транслируется на английском языке и воспринимается как культурно-поведенческий ориентир во французском общественном сознании.

Список литературы

1. **Beaulieu de, M.** Analyse linguistique et culturelle de l'anglicisation contemporaine du français à partir d'un corpus médiatique : Thèse de doctorat / Myriam De Mercoyrol de Beaulieu ; Université d'Orléans. – Orléans, 2019. – 462 p. – DOI: 10.70675/04ddc9c3zf640z492bz9f6bzdfb4b8fd097d.
2. **Bouchard, M.-E.** J've share mon étude sur les anglicismes avec vous autres! A sociolinguistic approach to the use of morphologically unintegrated English-origin verbs in Quebec French / Marie-Eve Bouchard // Journal of French Language Studies. – 2023. – № 33(2). – P. 1–29.
3. **Bouchard, M.-E.** Investigating attitudes towards a changing use of anglicisms in Quebec French / Marie-Eve Bouchard // The Canadian Journal of Linguistics. – 2025. – № 69(4). – P. 1–26.
4. **Fridrichova-Mudrochova, R.** L'emploi des anglicismes de la mode et les recommandations officielles / R. Fridrichova-Mudrochova, J. Lazar // Romanica Wratislaviensia. – 2024. – № 4232. – P. 212–224.
5. **Hagège, C.** Les Français et les siècles / C. Hagège. – Paris : Éditions Odile Jacob, 1987. – 289 p.
6. **Humbley, J.** False Anglicisms in European Languages: Convergence or Divergence? / J. Humbley // April Conference Fifteen: Humanity / Humanities : Conference Proceedings, 20–22 April 2023, Krakow / Institut des études anglaises de l'Université Jagellonne. – Krakow, 2023. – P. 97–112.
7. **Humbley J.** Présentation. Lexique : nouveauté et productivité / J. Humbley, J.-F. Sablayrolles // Neologica. – 2018. – № 12. – P. 11–19.
8. **Jansen, S.** Sprachliches Lehngut im world wide web. Neologismen in der französischen und spanischen Internetterminologie / S. Jansen. – Tübingen : Gunter Narr Verlag, 2005. – 412 p.
9. **La presse:** «Anglicismes: pourquoi (why ?)». – Text : Electronique // La presse : [Website]. – URL : <https://www.lapresse.ca/dialogue/chroniques/2024-05-23/anglicismes-pourquoi-why.php> (date de la requête: 14.02.2026).
10. **La presse:** «Montée du français: l'Académie sonne l'alarme». – Text : Electronique // La presse : [Website]. – URL: <https://www.lapresse.ca/international/europe/2022-02-15/montee-du-francais/l-academie-francaise-sonne-l-alarme.php> (date de la requête: 19.02.2026).
11. **Maniez, F.** Use of English loanwords containing V-ING type forms in French and Italian / F. Maniez // Multidisciplinary Ties within Applied Linguistics. – 2020. – № 2. – P. 83–98.
12. **Nikolovski, Z.** Lexical anglicisms in French in transport / Z. Nocolovski // Les études françaises aujourd'hui. Unités linguistiques et construction du sens. Poétique et esthétique du miroir : actes du 15e colloque international (Belgrade, 4–5 novembre 2022) / comité éditorial: J. Bakaluca, L. Đurić, N. Đurić [et al.] ;

sous la direction de T. Samardžija ; Faculté de Philologie de l'Université de Belgrade. – Belgrade (Serbia), 2022. – P. 169–184.

13. **Nikolovski, Z.** Le concept d'anglicismes lexicaux dans le contexte médical / Z. Nocolovski // Considérations philologiques en contexte français et francophone : Actes du Colloque international tenu à l'occasion du 75e anniversaire de la création de la filière de Langue et Littérature Françaises, Skopje, 19–20 novembre 2021 / [rédacteurs et compilateurs non indiqués] ; Université de Skopje. – Skopje, 2023. – P. 2–14.
14. **Plümer, N.** Anglizismen – Purismus – sprachliche Identität / N. Plümer. – Frankfurt : Pmereter Lang, 2000. – 320 p.
15. **Walter, H.** Honni soit qui mal y pense : L'incroyable histoire d'amour entre le français et l'anglais / H. Walter. – Paris : Robert Laffont, 2001. – 316 p.

Bukhonkina A. S.

The Functioning of Anglicisms in the French Mass Media Space: Socio-Cultural and Linguistic Aspects

The article deals with the use of English borrowings in French mass media. An analysis of electronic versions of several French periodicals reveals examples of the use of various types of Anglicisms, both formal and semantic. These examples are identified and interpreted in terms of their structure: the preservation or modification of their graphic and grammatical forms. Furthermore, examples of the transfer of the semantics of English lexical units into the French lexical system, followed by changes in the latter's composition, are analyzed. It is noted that syntactic constructions from English are actively being borrowed in mass media discourse. Based on the analyzed material, the author concludes that the widespread use of various types of Anglicisms in the mass media may indicate the significant influence of the Anglo-Saxon cultural model on the collective public consciousness in France, calling into question its cultural and ideological sovereignty.

Key words: borrowings, anglicisms, mass media discourse, language policy of France

Жулева Мария Игоревна,
преподаватель кафедры русского языка и
методики преподавания русского языка
ФГБОУ ВО «ОГПУ»
zhuleva.mariya@mail.ru

Лексико-семантические особенности наименований изданий для изучения иностранного языка

Статья посвящена одному из аспектов ономастики – изучению функционирования рекламного имени. Автором представлены результаты лексико-семантического и компонентного анализа наименований изданий для изучения иностранного языка (уровни А1–А2). Материалом для исследования послужили 196 прагматонимов, полученных методом сплошной выборки: 140 русскоязычных, 51 англоязычных и 5 комбинированных наименований. Определены основные тенденции в номинации изданий по иностранному языку, рассмотрены примеры использования приемов языковой игры (разговорные выражения, явные речевые ошибки, фигуры речи и экспрессивного синтаксиса), отмечен прагматический потенциал рекламных имен. Выявлены опорные лексические компоненты, функционирующие в составе наименований изданий по иностранному языку и выражающие оценочные характеристики рекламируемого товара.

Ключевые слова: ономастика, номинация, рекламное имя, прагматонимы, прагматонимы-предложения, изучение иностранного языка

Введение. Выбор в пользу того или иного товара или услуги осуществляется в условиях влияния одного или ряда различных факторов: рекомендаций авторитетных специалистов и окружения, известностью товара, индивидуальными предпочтениями потенциального покупателя и т. д. Одним из доступных способов привлечения внимания потребителей к товару, не требующих материальных затрат, является рекламное имя, под которым происходит распространение товара или услуги. По мнению И. А. Имшинецкой, под рекламным именем следует понимать имя рекламируемого объекта, которое в сбытовой рекламе идентифицируется как имя товара [6, с. 6].

Как отмечает И. В. Крюкова, рекламные названия объединяет прагматическая направленность [10, с. 7]. Многие номинаторы, осознавая значимость выбора успешного рекламного имени, стремятся отразить в названии товаров или услуг их преимущества, положительные эффекты использования и тем самым привлечь внимание к реализуемой продукции. По мнению В. Н. Телии, создание нового имени становится фактом психологии и социально-духовной жизни человека, поэтому теория номинации сталкивается с непрогнозируемыми по своей природе процессами [15, с. 135]. В процессе номинации выделяется некий оценочный компонент, отмечается преимущество рекламируемого объекта, его «сильная сторона», на которой делается акцент.

Результаты изучения рекламного имени в различных аспектах отражены в трудах современных исследователей: А. Н. Банько [1], К. М. Барановой, О. В. Афанасьевой, О. Г. Чупрыны [2], Л. А. Брусенской, Э. Г. Куликовой [3], Т. Н. Голубевой [5], И. И. Инсагузиной [7], О. В. Кисель [8], М. Ю. Криницкой [9], О. А. Ксезенко [11], Е. С. Кузницыной [13], И. А. Тортунной [16], И. И. Файзуллиной [18], Т. С. Шевченко [19], С. Л. Яковлевой, Д. В. Рябчиковой и др. [20]

Рассматривая тенденции в оформлении заглавий, Е. А. Тутатина замечает, что историческая эволюция оформления заглавия связана в первую очередь со способностью задавать читателю определенный «горизонт ожидания» [17, с. 31]. На наш взгляд, данное утверждение справедливо и по отношению к названиям книг, в частности к наименованиям изданий для изучения иностранного языка, что связано с их способностью вызывать определенные ожидания у потенциального покупателя. Мотивация к изучению иностранного языка может быть обусловлена различными факторами: стремлением к профессиональному росту, потребностью в саморазвитии, желанием путешествовать, сменить место проживания, расширить круг общения и т. д. Процесс изучения иностранного языка может происходить в условиях реализации различных форм работы и применения средств обучения. Например, освоение иностранного языка возможно в рамках групповых или индивидуальных занятий на частных языковых курсах. В качестве наставника может выступать учитель-практик, репетитор или носитель языка, при погружении в иноязычную языковую среду в условиях реального общения, в очном или дистанционном формате, или же более привычным путем – в процессе самостоятельной работы с использованием изданий, предназначенных для изучения иностранного языка.

Цель статьи – анализ семантических особенностей рекламных имен, являющихся названиями книг для изучения иностранного языка.

Новизна исследования связана с исследованием вербальных средств репрезентации значимых характеристик рекламируемого товара на материале изданий для изучения иностранного языка. В целях привлечения внимания потенциальных покупателей номинаторами делается акцент на том или ином преимуществе рекламируемого товара или услуги. В этом плане изучение специфики языкового оформления названий изданий для изучения иностранных языков, в том числе семантических особенностей данных номинаций, представляется *актуальным* направлением ономастических исследований.

В ходе работы применялись следующие **методы**: описательный метод, лексико-семантический анализ, компонентный анализ языковых единиц, анализ прагматического потенциала.

С целью изучения рекламных имен нами было рассмотрено 196 наименований названий изданий для изучения иностранного языка (уровни А1–А2), выявленных методом сплошной выборки: 140 русскоязычных (71,4 %), 51 англоязычных (26,02 %), 5 комбинированных прагматонимов (2,6 %), являющихся названиями изданий по иностранному языку. Появление двух последних групп связываем со стремлением номинатора «погрузить» потенциального покупателя в среду функционирования

иностранного языка, используя для этого общеупотребительную лексику, которая понятна тем, кто не владеет иностранным языком. В то же время понимание покупателем названия на иностранном языке издания может создать ситуацию успеха на этапе выбора книги.

Результаты исследования. Одна из современных номинативных тенденций заключается в появлении прагматонимов, внутренняя структура которых совпадает с предложением [14, с. 19]. Зачастую оформление названия-предложения, обладающего завершенностью, позволяет сформировать у потребителя более четкие представления о продвигаемых товарах или услугах, и оказывается более информативным, чем однословные прагматонимы или прагматонимы-словосочетания. Тенденция к применению прагматонимов-предложений была обнаружена в ходе изучения структурных особенностей названий учебников для изучения иностранного языка.

Прагматонимы-предложения, как номинативные единицы с емким содержанием, представляют собой обширный языковой материал для изучения семантических особенностей рекламных имен. Результаты исследования опорных лексических компонентов прагматонимов, выражающих положительные характеристики товаров, представлены в Табл. 1.

Таблица 1

Характеристика и примеры наименований

Характеристики	Количество (процентное соотношение)	Примеры наименований
Временные характеристики	54 ед. (27,5 %)	а) наименования, содержащие указания на конкретные временные отрезки: «Английский язык за 20 минут в день», «Английский за 30 дней», «Корейский язык за 30 дней», «Английский язык. Вспомнить всё за 30 дней. Методика “Очень быстро”», «Английский язык за 3 месяца. Интенсивный курс», «Корейский язык за 3 месяца. Интенсивный курс», «Иностранный за 100 дней» (интенсивный курс китайского языка для начинающих), «Английский за 120 дней. Учимся читать, говорить и понимать с нуля», «Английская грамматика за 3 месяца. Интенсивный курс»; б) наименования, имеющие в составе лексические компоненты, характеризующие длительность обучения (прежде всего, используется лексема <i>быстрый</i>): «Уникальный курс английского языка. Быстрое и эффективное изучение», «Все правила английского языка. Проще простого, быстрее быстрого», «Everyday English», «Ускоренный курс современного английского языка для начинающих», «Быстрый английский. Лучший самоучитель для начинающих и многократно начинавших», «Английский как можно быстрее».

практическая направленность (овладение видами речевой деятельности / использование в коммуникации)	28 ед. (14,2 %)	«Английские идиомы для повседневной жизни. Легко запоминаем, красиво говорим», «Разговорный английский в диалогах», «Реальный английский. Самый захватывающий путеводитель по языку Гарри Поттера, Мстителей и Шерлока Холмса», «English Grammar. Reference & Practice», «English Grammar in Use», «Учимся общаться на китайском языке», «Корейский язык: читаем, пишем, говорим», «Читаем, пишем, говорим по-корейски».
увлекательность процесса изучения	13 ед. (6,6 %)	«Уютные истории на английском. Читаем с удовольствием и повышаем уровень (A1)», «Английский за чашкой кофе. Учи, когда удобно тебе», «Детективные истории на английском. Читаем с удовольствием и повышаем уровень (A1)», «Enjoy English», «Бизнес-гении: увлекательные истории для изучения английского языка», «English Made Easy: Самоучитель английского языка в комиксах», «Учим корейский с любимыми дорамами».
нестандартный подход к изучению языка	13 ед. (6,6 %)	«Вот это английский. По фильмам», «Английский кинопрактикум», «Use Your Music!: учим английский по песням», «ВОТ ЭТО английский. По мультикам», «Реальный английский. Самый захватывающий путеводитель по языку Гарри Поттера, Мстителей и Шерлока Холмса», «Детективные истории на английском. Читаем с удовольствием и повышаем уровень (A1)», «Английский в Minecraft. Учим язык с любимой игрой», «English Made Easy: Самоучитель английского языка в комиксах».
простота и легкость изучения	11 ед. (5,6 %)	«Английские идиомы для повседневной жизни. Легко запоминаем, красиво говорим», «Английский язык доступно и просто», «Английский язык. Выучить быстро и просто 100 самых важных правил», «Все правила английского языка. Проще простого, быстрее быстрого», «English Made Easy: Самоучитель английского языка в комиксах», «Корейский просто и понятно».
доступность изучения	11 ед. (5,6 %)	«Все правила английского языка на ладони», «Английский язык! Большой понятный самоучитель. Всё подробно и по полочкам», «Английский просто и понятно», «Английский назубок: вся грамматика в небольших уроках», «Английский с нуля. Выучить может каждый!», «Доступный корейский».

возможность самостоятельного изучения	10 ед. (5,1 %)	«Английский язык <i>без репетитора</i> », «Английский <i>без репетитора</i> », «Английская лексика <i>без репетитора</i> . Все слова в схемах и упражнениях», «Корейский язык <i>без репетитора</i> », «Японский язык <i>без репетитора</i> », «Английский язык. Уроки <i>репетитора</i> ».
авторитетность издания	2 ед. (1 %)	«Follow us! Английский для начинающих <i>от ведущих преподавателей ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова</i> », «Курс английского языка <i>от преподавателей РГГУ. Beginner (A0–A2). Step by Step</i> ».
уникальность издания	1 ед. (0,5 %)	« <i>Уникальный курс</i> английского языка. Быстрое и эффективное изучение».

В названиях находят отражения временные характеристики. Причем в составе наименований встречаются лексемы (*быстрый, интенсивный, экспресс*), обладающие абстрактной семантикой, а также словосочетания, выделяющие конкретные временные отрезки. Приведем примеры названий, содержащих в составе идентификаторы (обозначения временных промежутков и единиц времени): минут («Английский язык за *20 минут* в день»); дней (30, 100 и 120 дней: «Корейский язык за *30 дней*», «Иностранный за *100 дней*» (интенсивный курс китайского языка для начинающих), «Английский за *120 дней*. Учимся читать, говорить и понимать с нуля»); месяцев («Английская грамматика за *3 месяца*. Интенсивный курс»). Обращение к категории времени обусловлено стремлением вызвать у реципиента ощущение, что цель (владения языком на определенном уровне) достижима в указанный срок.

Кроме того, в номинациях изданий для изучения иностранного языка используются лексические средства, подчеркивающие простоту и легкость освоения языка. Следует отметить группу номинаций, адресующих к начальному уровню изучения языка: «Английский *с нуля*. Выучить может каждый!», «Английский *с нуля*», «Английская грамматика *с нуля*», «Корейский *с нуля*», «Английский за 120 дней. Учимся читать, говорить и понимать *с нуля*», «Тренажер по корейскому письму и чтению для *полных нулей*», «*Моя первая 1000* английских слов», «Follow us! Английский для начинающих от ведущих преподавателей ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова», «Английский язык для *новичков*», «Корейская грамматика для *новичков*», «Ускоренный курс современного английского языка для начинающих».

Внимание к покупателю, его возможностям, наблюдаем в названиях («Английский за чашкой кофе. Учи, *когда удобно тебе*» и др.), в которых акцентируется внимание на доступности предлагаемого издания, на удобной, по мнению авторов, форме подачи материала. Иногда номинаторы иронизируют, давая характеристики распространенным условиям изучения иностранного языка: «Английский по любви. Бережные уроки для тех, *кто много раз начинал*», «Быстрый английский. Лучший самоучитель для начинающих и многократно начинавших», «Быстрый английский. Полный курс для тех, *кто не знает как начать*». Ориентированность на покупателя видим и в названии «Английский за чашкой кофе. Учи, *когда удобно тебе*».

Немногие издания, предназначенные для широкого использования, содержат в названии отсылки к авторитетным источникам – это только два названия, содержащие аббревиатуры ведущих российских вузов (МГУ, РГГУ). Включение наименования вуза должно свидетельствовать о высоком уровне, о качестве издания, созданного квалифицированными авторами.

В ходе исследования был обнаружен ряд номинаций, указывающих на изучение иностранного языка как на интересный и увлекательный процесс, что достигается за счет включения лексем *удовольствие*, *увлекательный*. Названия ряда изданий содержат упоминание прецедентных феноменов (*Гарри Поттер*, *Шерлок Холмс*, *Minecraft*) [4]. На наш взгляд, подобные материалы могут использоваться для мотивации к изучению языка, особенно в подростковом возрасте, когда не привлекает сам процесс освоения иностранного языка, однако имеется интерес к головоломкам, фантастическим сюжетам, компьютерным играм.

В названиях изданий для изучения иностранного языка распространено использование императивных форм, используемых с целью побуждения к действию: «Английский за чашкой кофе. *Учи*, когда удобно тебе», «Просто *начни*. Самоучитель английского языка. Для тех, кто давно хотел выучить иностранный», «*Follow us!* Английский для начинающих от ведущих преподавателей ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова», «Английский в схемах и таблицах. *Запоминай* легко», «*Speak English!*», «*Use Your ...*» (например, «*Use Your Music!*: учим английский по песням» и другие номинации, образованные по модели «*Use Your ...*»).

Вызывает интерес включение в состав наименований лексемы «репетитор». Такие номинации привлекают внимание потенциальных покупателей тем, что: 1) издание позиционируется в качестве альтернативы занятиям с репетитором, которые представляются весьма затратными; 2) представляет собой разработки репетитора («Английский язык. *Уроки репетитора*»).

Следует отметить использование номинаторами приемов языковой игры. Например, вызывает интерес наименование «Все правила английского языка для *непринужденной зубрежки*», в котором наблюдается оксюморон: зубрежкой называют целенаправленное механическое заучивание, которое не может быть непринужденным. В ходе анализа были выявлены наименования, содержащие разговорные выражения: «Самоучитель английского языка *на коленке*», «Английский *как можно быстрее*», «Английский язык. Тренажер по чтению и говорению *для полных нулей*», «Тренажер по корейскому письму и чтению *для полных нулей*». Кроме того, обнаружено название, содержащее явные речевые ошибки (тавтологию): «Все правила английского языка. *Проще простого, быстрее быстрого*». В данном случае намеренное нарушение нормы создает экспрессивность, а синтаксический параллелизм усиливает этот эффект и подчеркивает: изучение правил иностранного языка – процесс простой и быстрый [11].

Выводы и перспективы развития поставленной проблемы. Итак, названия изданий для изучения иностранного языка представлены прагматонимами-предложениями, позволяющими дать наиболее полную характеристику предлагаемого товара. В наименованиях обнаруживаются

опорные лексические компоненты, отражающие «сильные стороны», преимущества называемого издания: возможность быстрого овладения иностранным языком, практическая направленность обучения, увлекательный или нестандартный подход к изучению языка (например, обращение к прецедентным именам), легкость освоения, доступность материала для изучения (посильность), возможность самостоятельного овладения иностранным языком, авторитетность автора, уникальность издания. Некоторые наименования привлекают внимание покупателей путем использования необычного названия и приемов языковой игры.

Резюмируя результаты, следует отметить, что перспективы исследования связаны с изучением психолингвистических особенностей восприятия названий книг, определением эффективных речевых стратегий и тактик выбора рекламного имени и успешного продвижения на рынке товаров и услуг.

Список литературы

1. **Банько, А. Н.** Языковые способы выражения прагматонимов в рекламных текстах (на примере товаров автопроизводителей) / А. Н. Банько // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 21(202). – С. 10–15. – EDN: NQSUVL.
2. **Баранова, К. М.** Лингвокреативные средства воздействия современной рекламы / К. М. Баранова, О. В. Афанасьева, О. Г. Чупрына // Иностранные языки в школе. – 2025. – № 1. – С. 29–35. – EDN: KDGMFN.
3. **Брусенская, Л. А.** Лингвопрагматические параметры маркетинговых коммуникаций / Л. А. Брусенская, Э. Г. Куликова // Коммуникативные исследования. – 2020. – Т. 7, № 2. – С. 333–350. – DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).333-350. – EDN: BUJRDZ.
4. **Ван, Ю.** Прецедентные феномены в рекламном тексте на китайском и русском языках / Ю. Ван // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 4(101). – С. 227–229. – DOI: 10.24412/1991-5497-2023-4101-227-229. – EDN: XWJDKF.
5. **Голубева, Т. Н.** Лингвопрагматические аспекты продвижения бренда спортивной одежды Jordan / Т. Н. Голубева // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2025. – № 18–2. – С. 6–11. – EDN: LKIUMP.
6. **Имшинецкая, И. А.** Креатив в рекламе / И. А. Имшинецкая. – Москва : РИП-холдинг, 2004. – 174 с.
7. **Исангузина, И. И.** Прагматонимы в ономастическом пространстве: семантический, лингвокультурологический и синтаксический аспекты (на примере названий кондитерских изделий) / И. И. Исангузина // Вестник Башкирского университета. – 2008. – Т. 13, № 4. – С. 990–993.
8. **Кисель, О. В.** Метафорические названия брендов как объект психолингвистических исследований / О. В. Кисель // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2025. – № 2(125). – С. 154–159. – EDN: WOMUSQ.
9. **Криницкая, М. Ю.** Лингвопрагматический потенциал рекламных имен (на примере названий косметических товаров) / М. Ю. Криницкая //

- Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 5. – С. 133–144. – DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.5.12. – EDN: EOAGLE.
10. **Крюкова, И. В.** Научные подходы к исследованию модного имени / И. В. Крюкова // Логос ономастики. – 2018. – № 6. – С. 74–78. – EDN: VSWFXL.
 11. **Ксензенко, О. А.** Выразительные ресурсы синтаксиса в рекламном дискурсе / О. А. Ксензенко // Фундаментальная лингвистика. – 2023. – № 4(4). – С. 13–35. – DOI: 10.18254/S294939000035438-0. – EDN: QPRKLQ.
 12. **Ксензенко, О. А.** Лингвистические аспекты изучения и оценки креативности в рекламной коммуникации / О. А. Ксензенко // Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 4. – С. 101–109. – EDN: RPXZIB.
 13. **Кузницина, Е. С.** Языковая игра как средство создания и функционирования рекламного текста / Е. С. Кузницина // Вестник Московского государственного областного университета. – 2021. – № 2. – С. 209–218. – DOI: 10.18384/2224-0209-2021-2-1063. – EDN: NDNBDF.
 14. **Осипова, Н. Д.** Прагматонимы-предложения как номинативная тенденция XXI века (на материале наименований конфет) / Н. Д. Осипова // Русистика без границ. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 18–28. – EDN: DUXTZI.
 15. **Телия, В. Н.** Вторичная номинация и её виды / В. Н. Телия // Языковая номинация (виды наименования) / отв. ред.: Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева ; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва, 1977. – С. 129–221.
 16. **Тортунова, И. А.** В мире современных рекламных имен / И. А. Тортунова // Русская речь. – 2016. – № 3. – С. 70–74. – EDN: VZSQRR.
 17. **Тутатина, Е. А.** Заглавия книг в современных издательских практиках: генезис, эволюция, поэтика и прагматика : спец. 05.25.03 «Библиотечковедение, библиографоведение и книговедение» : дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Тутатина Екатерина Алексеевна ; Московский политехн. ун-т. – Москва, 2021. – 198 с. – EDN: GINNAS.
 18. **Файзуллина, И. И.** Ономастическое поле прагматонимов современного русского языка : спец. 10.02.01 «Русский язык» : дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Файзуллина Ильсюяр Ильгизовна ; Башкирский гос. ун-т. – Уфа, 2009. – 184 с. – EDN: QEGSRX.
 19. **Шевченко, Т. С.** К вопросу о структурно-семантической классификации русских прагматонимов / Т. С. Шевченко // Мир науки, культуры, образования. – 2025. – № 6(115). – С. 407–409. – DOI: 10.24412/1991-5497-2025-6115-407-409. – EDN: KPXTCSX.
 20. **Яковлева, С. Л.** Коммуникативные стратегии и тактики продвижения в маркетинговой лингвистике / С. Л. Яковлева, Д. В. Рябчикова // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2024. – № 4(64). – С. 107–116. – DOI: 10.36622/2587-8085.2024.49.77.009. – EDN: LSWMSG.

Lexical and Semantic Features of the Titles of Publications for Studying a Foreign Language

This article explores one aspect of onomastics, and it is the functioning of advertising names. The author presents the results of a lexical-semantic and componential analysis of the titles of foreign language learning publications (levels A1–A2). The study utilizes 196 pragmatonyms obtained using a continuous sample: 140 Russian-language, 51 English-language, and 5 combined titles. Key trends in the nomination of foreign language publications are identified, examples of the use of language play techniques (colloquial expressions, obvious speech errors, figures of speech, and expressive syntax) are considered, and the pragmatic potential of advertising names is highlighted. Key lexical components have been identified that function within the titles of foreign language publications and express evaluative characteristics of the advertised product.

Key words: *onomastics, nomination, advertising name, pragmatonyms, pragmatonym sentences, foreign language learning*

УДК 811.111'367.625

Кузнецова Юлия Геннадьевна,
канд. филол. наук,
доцент кафедры лингвистики и
профессиональной коммуникации в
области гуманитарных и прикладных наук
ФГБОУ ВО «МГЛУ»
kuznetsova444@yandex.ru

Лексические особенности глаголов в английском языке

*Статья посвящена описанию лексической организации английских глаголов, проявляющейся в многозначности, сочетаемости и устойчивых конструкциях с частицами. Актуальность обусловлена расширением корпусных исследований и потребностью в описаниях семантических сдвигов глагольных единиц в современной коммуникации. Новизна связана с объединением наблюдений над полисемией, глагольно-частичными конструкциями и аналитическими моделями типа *get* + причастие II в единую систему параметров описания. В работе описаны типы полисемии на материале глагола *find*, сопоставлены контролируемые и неконтролируемые ситуации обнаружения. Изучены корпусные данные по фразовым глаголам с сателлитами *on/off* и по моделям с *down*, рассмотрены случаи идиоматизации. Отдельный блок посвящен переводческим трудностям фразовых глаголов в художественном тексте и механизмам конкретизации глаголов говорения. Цель статьи – выявить набор лексических признаков, формирующих семантическую структуру английского глагола в речи. Для решения задачи применены анализ научных публикаций 2021–2025 гг., сопоставление, интерпретация примеров из корпусов и переводов. Финальная часть исследования содержит систематизацию результатов и направления описаний глагольной лексики.*

Ключевые слова: английский глагол, лексическая семантика, многозначность, сочетаемость, валентность, фразовый глагол, послеслог, идиоматизация, корпусный анализ, конструкция *get*

Введение. Актуальность исследованию задают три взаимосвязанные линии современного описания английской глагольной лексики. Первая линия связана с усложнением семантической структуры частотных глаголов: при стабильной формальной оболочке накапливаются производные значения, закрепляющиеся за типовыми синтаксическими схемами и лексическими окружениями. Вторая линия затрагивает глагольно-частичные образования: частотность таких единиц, высокая степень идиоматизации и вариативность переводческих решений формируют потребность в строгом разграничении композиционных и некомпозиционных трактовок. Третья линия касается аналитических моделей с опорными глаголами (прежде всего *get*), в которых лексическая семантика опорного компонента вступает в тесное взаимодействие с формально-грамматическим шаблоном и задает предсказуемые ограничения сочетаемости.

Цель исследования – описать систему лексических признаков английского глагола, проявляющихся в полисемии, сочетаемости и устойчивых конструкциях, с опорой на аналитическую обработку современных русскоязычных публикаций и примеров из корпусов и переводов. *Задачи исследования*:

1) охарактеризовать механизмы формирования производных значений на материале глагола *find* и показать связь семантических различий с типом ситуации обнаружения;

2) описать лексические параметры фразовых глаголов (семантика послеслога, частотность, идиоматизация) и их влияние на перевод;

3) проанализировать лексико-грамматические свойства аналитических конструкций (*get* + причастие II) и глаголов говорения в сопоставительном и переводческом измерении.

Новизна исследования определяется совмещением трех уровней описания (полисемия частотного глагола, фразовые глаголы как лексикализованные конструкции, аналитические модели с опорным глаголом) в единой схеме параметров: тип ситуации, набор участников, характер сочетаемости, степень лексикализации, переводческая конкретизация.

Материалы и методы. Материал исследования составили современные русскоязычные работы, репрезентирующие разные сегменты английской глагольной лексики: М. Ш. Алдиева, С. З. Садыкова [1] описали семантический объем глаголов говорения в русском и английском языках и сопроводили наблюдения переводческими примерами; Е. А. Алешугина [2] рассмотрела семантико-синтаксические свойства английских глаголов со значением отчуждения; В. А. Греховодов [4] выполнил корпусное описание пар фразовых глаголов с сателлитами *on/off* и дал частотную интерпретацию распределений; В. А. Греховодов [5] сопоставил синонимический ряд фразовых глаголов в конструкции с коллокатом *tooth* с опорой на корпусную выборку; В. А. Греховодов [6] систематизировал значения и типовую сочетаемость фразовых глаголов с разными моделями (в том числе *down*) на корпусном материале; Л. М. Зиннатуллина [8] описала приемы освоения английских фразовых глаголов при поддержке цифровых ресурсов; Е. С. Коршунова [9] проанализировала употребление фразовых глаголов в художественном тексте и типовые переводческие трудности; Т. И. Семенова, А. А. Чапайкина [12] представили когнитивно-семантическое описание полисемии *find* через разграничение типов ситуации обнаружения; Н. Н. Соловьева [10] исследовала семантику *directional particles* и их влияние на перевод фразовых глаголов; Н. В. Шершукowa [13] описала морфологическую аналитическую конструкцию с *get* и ее функционирование в английском языке. И. М. Петрова [11] рассматривает поисковые системы как вспомогательный инструмент лингвистического наблюдения рядом с корпусами и электронными массивами текстов. Д. Ю. Шидловская [14] предлагает когнитивную схему разбора английских глагольных фразеологических единиц, пригодную для описания идиоматизированных сочетаний. А. А. Аносова [3] на материале англоязычной публицистики описывает частотные причастные модели и их синтаксические функции. А. И. Чернышова [15] использует параллельный подкорпус НКРЯ, ручную фильтрацию примеров и сопоставительный разбор переводов свернутых причастных структур. Е. Ю. Евсеева и Т. П. Карпухина [7]

показывают, как значение частотного английского глагола уточняется через речевое окружение и переводные соответствия. Названные работы усиливают корпусно-сопоставительную базу исследования и уточняют приемы описания полисемии, идиоматизации и свернутой предикации.

Методы. Применены метод анализа научных публикаций, семантическая интерпретация примеров, сопоставительный прием (английский – русский), элементарная частотная интерпретация корпусных данных, описательный прием при фиксации типов сочетаемости и степеней идиоматизации. В методическом отношении для отбора и первичной проверки примеров учитывались не только корпусные данные, но и возможности поисковых систем как вспомогательного средства лингвистического наблюдения, уже описанные в современной филологической литературе [11].

Результаты исследования. Аналитическое описание лексических особенностей английских глаголов целесообразно строить через совокупность параметров, охватывающих:

- а) внутреннюю организацию значения;
- б) сочетаемостные ограничения;
- в) степень лексикализации конструкции;
- г) регулярность распределения в корпусе;
- д) переводческую конкретизацию.

Для наглядной фиксации наблюдаемых лексико-семантических различий приводятся примеры, распределенные по типам значений и конструкциям. Подбор иллюстраций ориентирован на краткие корпусно-словарные формулировки, пригодные для последующей семантической разметки и сопоставления с русскими переводческими решениями.

Таблица 1

Иллюстративные примеры лексической реализации английских глаголов и устойчивых глагольных конструкций

Тип лексического явления	Английский пример	Перевод	Комментарий для анализа
<i>find</i> : результат контролируемого поиска	<i>Have you found those missing documents?</i>	Вы нашли те пропавшие документы?	Сценарий поиска с ожидаемым результатом; корреляция значения с целевым действием.
<i>find</i> : значение «считать, воспринимать как»	<i>We found Dublin a good-looking city with a lively atmosphere.</i>	Мы сочли Дублин красивым городом с оживленной атмосферой.	Модель <i>find</i> + объект + именная группа/признак; смещение от «обнаружения» к оценочной квалификации.
<i>carry on</i> : продолжение действия	<i>You just have to carry on as if nothing's happened.</i>	Нужно просто продолжать, словно ничего не случилось.	Фразовый глагол с семантикой продолжения; диагностический признак – нейтрализация способа действия при сохранении фазы.

<i>switch off</i> : прекращение вовлеченности (ментальное)	<i>Many people in stressful jobs find it difficult to switch off when they come home.</i>	Многим людям на напряженной работе трудно «отключаться», возвращаясь домой.	Некомпозиционное значение: не про устройство, а про психическое «разъединение» с рабочими стимулами; степень идиоматизации.
<i>break down</i> : прекращение работы механизма	<i>My car broke down on the way to work.</i>	Моя машина сломалась по дороге на работу.	Фразовый глагол с результативным значением «выйти из строя»; связь значения с типом субъекта (техника) и ситуацией отказа.
<i>put down</i> : оценочное воздействие на адресата	<i>Did you have to put me down in front of everybody?</i>	Тебе обязательно было унижать меня при всех?	Непроизводность значения от <i>put + down</i> ; семантика межличностного воздействия и прагматический эффект.
<i>get + V-en</i> : жизненное событие, смена статуса	<i>We got married last August and had a honeymoon in Turkey.</i>	Мы поженились в прошлом августе и провели медовый месяц в Турции.	Аналитическая модель с <i>get</i> , кодирующая переход в новое состояние; связь с результативностью и субъективной вовлеченностью.
<i>get + V-en</i> : получение результата в институциональной сфере	<i>I don't get paid until the end of the month.</i>	Мне не платят до конца месяца.	Пассивоподобная конструкция с <i>get</i> ; акцент на получаемом результате, а не на агенте.
<i>be/get caught up in</i> : втягивание в нежелательное событие	<i>The firm was caught up in the near-collapse of one of the world's largest hedge funds.</i>	Компания оказалась втянута в почти полный крах одного из крупнейших хедж-фондов мира.	Конструкция с <i>caught up in</i> выражает «непреднамеренную вовлеченность»; перевод тяготее к каузативно-результативным моделям.
идиоматизация с <i>on</i> : устойчивое переосмысление	<i>These new findings turn the accepted theories on their head.</i>	Эти новые результаты переворачивают общепринятые теории с ног на голову.	Идиома с фиксированным образом; частица <i>on</i> участвует в устойчивом комплексе, значение задается всей единицей.

1. Полисемия и структурирование значений частотного глагола

На материале *find* прослеживается зависимость семантического варианта от типа ситуации обнаружения, задаваемой распределением контроля и характеристиками участника – действующего лица [12]. Для фиксации различий удобно использовать описание через «сценарий обнаружения», где параметры «инициированность действия» и «наличие предшествующего поиска» задают различающиеся интерпретации конструкции. В качестве иллюстрации приведем краткие примеры, демонстрирующие смену интерпретации при сохранении лексемы: «Finally he found the wallet. He found a coin in the dust».

Такие пары показывают: для одного и того же глагола в английском закрепляются разные способы профилирования событийной структуры, а граница между «действием с результатом» и «происшествием» проходит по признаку контроля над достижением результата. Сходная зависимость от речевого окружения прослеживается и у других частотных английских глаголов: при анализе *seem* переводные соответствия распределяются не по одному словарному инварианту, а по набору модусных оттенков, актуализируемых в связной речи [7]. В прикладном плане подобная организация значений отражается в переводе: при неконтролируемом обнаружении русский эквивалент часто тяготеет к формам, маркирующим «случайность» либо «непреднамеренность», а при контролируемом обнаружении – к формам, кодирующим завершение поискового действия.

2. Глаголы говорения и переводческая конкретизация

Сопоставительный материал по глаголам речи фиксирует различия в семантическом объеме и стратегиях уточнения значения при переводе. В статье о глаголах говорения отмечается высокая разветвленность русских соответствий для базовых английских форм, что вынуждает переводчика прибегать к уточняющим компонентам (наречиям, причастным оборотам, лексическим добавлениям) [1]. Переводческая практика, приведенная в материале, иллюстрирует лаконичные английские формулы и более развернутые русские решения; в частности, в тексте представлены следующие английские реплики: «May I ask you something, sir? Trust me. You don't say». Для лексикологического описания глаголов говорения значимы два наблюдения:

а) в английском частотные «общие» глаголы (*say, tell, speak, talk*) обслуживают широкий набор речевых ситуаций;

б) в русском чаще проявляется стремление к семантической детализации через выбор более узкого глагола.

На уровне лексической организации глагольной системы подобная асимметрия означает, что английский глагол нередко кодирует «инвариант речевого действия», а дополнительная информация переносится в окружение высказывания либо в контекстуальные уточнители перевода.

3. Аналитические конструкции с опорным глаголом *get*

Морфологическая аналитическая конструкция с *get* описана как единица, стоящая на границе лексики и грамматики: опорный глагол сохраняет семантические следы (динамичность, результативность, вовлеченность субъекта), но основная «предикативная нагрузка» смещается в сторону причастного компонента [13]. Наблюдения над англоязычными аналитическими публикациями подтверждают устойчивое тяготение причастных форм к компрессии высказывания, пассивным моделям и книжной организации текста, что повышает ценность их описания при разборе конструкций с опорными глаголами [3]. Для лексикологии глагола в английском языке подобные конструкции ценны тем, что показывают: часть лексических значений реализуется не внутри одной словоформы, а через устойчивый шаблон, где тип причастия и семантика субъекта задают интерпретацию события. В рамках аналитического подхода без эксперимента описательная процедура строится через выделение формально-семантических признаков шаблона, фиксацию устойчивых сочетаемостных ограничений и разграничение «событийного» и «состоянийного» чтения.

Сопоставительный разбор свернутых причастных структур показывает, что при переходе в русский текст английская полупредикативность нередко разворачивается в личную глагольную форму, отглагольное существительное либо именную группу, что делает перевод особенно чувствительным к типу конструкции и речевому окружению [15].

4. Фразовые глаголы: степень идиоматизации и зависимость значения от послеслога

В художественной прозе фразовые глаголы часто выполняют стилистическую функцию: с их помощью создается динамика, разговорная естественность, локальная экспрессия; при переводе трудности возникают из-за некомпозиционности значения и из-за многозначности комбинации «глагол + частица» [9]. В англоязычном резюме работы Коршуновой фиксируются два шага анализа: «The author specifies the term “phrasal verb”. The author reveals frequent phrasal verbs and particles in the novel». Для описания лексических особенностей здесь принципиальна мысль о двуслойности фразового глагола: формально он двусоставен, семантически – часто монолитен. В лексикологическом описании подобная монолитность выражается через идиоматизацию, при которой производное значение не выводится из суммы значений компонентов, а закрепляется в узусе как самостоятельная единица. Смещение к целостному чтению подтверждается и когнитивными исследованиями глагольных фразеологических единиц, где актуальное значение выводится не из механического сложения компонентов, а из модели взаимодействия, закреплённой в языковом употреблении [14].

Отдельную линию образуют исследования, ориентированные на корпусные данные. Для пары *on/off* в корпусной выборке фиксируется доминирование сателлита *on* и распределение широкозначных пар по тематическим зонам употребления [4]. Для лексиколога подобный результат задаёт эмпирическую опору для описания: доминирование одного сателлита в оппозиции отражает типовые способы профилирования действия (активация/включение против деактивации/выключения) и влияет на прогноз сочетаемости с тематическими существительными и обстоятельствами [4]. В другом корпусном исследовании, посвящённом синонимическому ряду фразовых глаголов в конструкции с коллокатом *tooth*, описана процедура отбора ряда и сопоставления словарных интерпретаций с корпусными реализациями [5]. При аналитическом подходе корпус служит источником двух типов данных:

- а) частотность конкретной связки «фразовый глагол + коллокат»;
- б) распределение значений по типам окружения, где активируется то или иное семантическое чтение [5].

5. Модели с *directional particles* и перевод

Исследование *directional particles* связывает переводческие решения с семантикой послеслога и показывает, что даже при относительно прозрачной пространственной мотивации частица влияет на выбор русского эквивалента и на степень конкретизации действия [10]. Для иллюстрации в статье приводятся примеры, где одна и та же формальная комбинация даёт разные переводческие траектории в зависимости от значения частицы и ситуации. В качестве примера фразовых глаголов можно привести: «Hold up your right

hand. The criminals held up the train and stole the money. Let's go off the main road». Примеры фиксируют три типа семантического эффекта послеслога:

- а) пространственная направленность (*go off*);
- б) метафорическое расширение (*hold up* – «ограбить»);
- в) сочетание директивности и результирующего состояния (*hold up* «поднять»).

Для лексикологического описания следствие состоит в том, что значение фразового глагола целесообразно задавать как «профиль действия», где послеслог уточняет направление, предел, фазу либо результат.

6. Дидактическая перспектива как источник лексикологического материала

Публикация о цифровой поддержке изучения фразовых глаголов ценна не методикой обучения как таковой, а тем, что фиксирует типовые затруднения усвоения: непредсказуемость значения, перегруженность словарных статей, необходимость частотной приоритизации при отборе материала [8]. Для лексикологии подобные наблюдения означают: описательная модель глагольной лексики нуждается в представлении «семантических кластеров» и в упорядочении значений по частотности и продуктивности.

7. Лексико-синтаксические параметры групп глаголов

Материал по глаголам отчуждения ориентирует описание на связь значения с синтаксической схемой и типом участника: значения «передачи», «утраты», «лишения» закрепляются за различающимися валентностными конфигурациями и наборами актантов [2]. Подобная постановка вопроса выводит исследование полисемии за пределы словарного ряда: производное значение обнаруживается не только в системе лексических вариантов, но и в том, какие участники ситуации обязательны, какие остаются факультативными, какие объекты тяготеют к глаголу и при каких обстоятельственных уточнениях он употребляется [2].

8. Корпусные примеры как микроданные для семантического описания

При корпусном изучении фразовых глаголов встречаются употребления, в которых значение считывается по ближайшему окружению с высокой точностью. В корпусе зафиксировано предложение: «Salted butterscotch sauce is drizzled down the sides and some black pepper whipped cream tops it all off (EnTenTen20)». *Sprinkle down* – фразовый глагол со значением «рассыпать вниз», который описывает процесс рассеивания или распределения мелких частиц. Для лексикологического вывода здесь существенна сцепка между примером и его толкованием: семантика частицы *down* в подобных реализациях регулярно соотносится с распределением вещества по поверхности и с направленным движением, а лексическое наполнение проясняется через тематический класс объекта – соус, крем, частицы.

Выводы и перспективы развития поставленной проблемы.

Сопоставление данных по полисемии, фразовым глаголам и аналитическим конструкциям заставляет иначе смотреть на лексичность английского глагола, которую нередко сводят к одной словоформе. Значительная доля смысла распределена между самим глаголом и устойчивой моделью. У глагола *find* разграничение значений держится на типе ситуации и составе участников; у фразовых сочетаний значение закрепляется за единством глагола и частицы,

и раскрывается через повторяющиеся классы окружения; в конструкциях с глаголом *get* смысловой центр смещается к причастному компоненту, хотя опорный глагол сохраняет собственный семантический вклад.

Опора на корпус меняет статус лексикологических обобщений: частотность перестаёт быть справочной цифрой и становится аргументом при ранжировании значений и моделей сочетаемости. Преобладание частицы *on* над частицей *off* подсказывает, что профилирование действия как запуска или активации закреплено в узусе сильнее, чем профилирование действия как остановки или деактивации; далее различие проступает в тематических предпочтениях сочетающихся слов. Разбор синонимического ряда со словом *tooth* показывает, что даже при формальной близости фразовые глаголы расходятся по типовым окружениям, а попытка развести значения без корпусной проверки ведёт к чрезмерно широким словарным дефинициям.

Переводческий материал работает как инструмент семантической диагностики. Там, где в русском переводе регулярно используются уточнители, в английской форме, как правило, кодируется более общий предикативный смысл. Глаголы говорения особенно показательны: единый английский глагол охватывает ситуации, для которых русский выбирает несколько специализированных лексем. Аналогичный механизм проявляется при переводе фразовых глаголов: русская стратегия часто ориентируется на развертывание скрытого компонента значения (результат, способ, направленность), тогда как английская связка передает его компактно.

На основе материала по глаголу *find* установлено, что полисемия описывается через тип ситуации обнаружения; разграничение контролируемых и неконтролируемых сценариев связано с перераспределением семантических параметров (инициированность, предшествующий поиск, профиль результата) и отражается в переводческой дифференциации русских эквивалентов. Среди фразовых глаголов выделены лексические параметры описания: степень идиоматизации, семантика послеслога, частотная приоритизация, типовая сочетаемость; корпусные данные подтверждают неравновесность оппозиций сателлитов и зависимость интерпретации от устойчивых классов окружения. По аналитическим моделям с *get* и по глаголам говорения показано, что часть лексической информации реализуется через шаблон конструкции и через переводческую конкретизацию; сопоставительный материал фиксирует асимметрию семантических объемов и объясняет регулярное появление уточняющих компонентов в русском переводе.

Список литературы

1. Алдиева, М. Ш. Семантический анализ глаголов говорения русского и английского языков / М. Ш. Алдиева, С. З. Садыкова // Мир науки, культуры, образования. – 2025. – № 1(110). – С. 561–563. – DOI: 10.24412/1991-5497-2025-1110-561-563.
2. Алешугина, Е. А. Семантико-синтаксические особенности группы английских глаголов со значением отчуждения / Е. А. Алешугина, Д. А. Лошкарева, О. Н. Солуянова // Вестник Марийского государственного университета. – 2024. – Т. 18, № 4. – С. 535–542. – DOI: 10.30914/2072-6783-2024-18-4-535-542.

3. **Аносова, А. А.** Функционирование причастий английского языка в текстах публицистического стиля / А. А. Аносова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, вып. 1. – С. 242–247. – DOI: 10.30853/phil20240035.
4. **Греховодов, В. А.** Корпусный анализ широкозначных пар английских фразовых глаголов с сателлитами *on/off* / В. А. Греховодов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, вып. 3. – С. 976–981. – DOI: 10.30853/phil20220129.
5. **Греховодов, В. А.** Корпусный анализ синонимического ряда английских фразовых глаголов в конструкции с коллокатом *tooth* / В. А. Греховодов // Modern Humanities Success. – 2023. – № 5. – С. 12–15. – EDN: QSJLLH.
6. **Греховодов, В. А.** Частотные и семантические особенности английских фразовых глаголов с сателлитом *down* в коллокациях с *rain* / В. А. Греховодов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, вып. 12. – С. 4487–4491. – DOI: 10.30853/phil20240636. – EDN: PNPOCA.
7. **Евсеева, Е. Ю.** Глагол “seem” и его переводные эквиваленты в немецком и русском языках как маркеры категории кажимости / Е. Ю. Евсеева, Т. П. Карпухина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18, вып. 6. – С. 2610–2621. – DOI: 10.30853/phil20250366.
8. **Зиннатуллина, Л. М.** Особенности изучения английских фразовых глаголов при помощи цифровых ресурсов на этапе вузовского обучения / Л. М. Зиннатуллина // Концепт. – 2024. – № 8. – С. 155–170. – DOI: 10.24412/2304-120X-2024-11133.
9. **Коршунова, Е. С.** Особенности употребления фразовых глаголов в английской художественной литературе и трудности их перевода с английского на русский язык (на материале романа Сомерсета Моэма “Up at the villa”) / Е. С. Коршунова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2023. – № 6(117). – С. 54–68. – DOI: 10.23859/1994-0637-2023-6-117-6. – EDN: IKYZZZ.
10. **Лихачева, Ж. В.** Семантическая характеристика фразовых глаголов английского языка с частицами направления движения Directional Particles / Ж. В. Лихачева, Н. Н. Соловьева // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2022. – № 4(37). – С. 100–104. – DOI: 10.36809/2309-9380-2022-37-100-104.
11. **Петрова, И. М.** Исследование когнитивных механизмов синтаксиса естественного языка посредством поисковых систем Интернета / И. М. Петрова // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия 3, Филологические науки. Медиакоммуникации. – 2023. – № 3(103). – С. 4–9.
12. **Семенова, Т. И.** Глагол *find* в концептуализации контролируемых и неконтролируемых ситуаций обнаружения / Т. И. Семенова, А. А. Чапайкина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2021. – № 4(216). – С. 57–66. – DOI: 10.23951/1609-624X-2021-4-57-66.
13. **Шершукова, Н. В.** Морфологическая аналитическая конструкция с глаголом *get* в английском языке / Н. В. Шершукова // Филологические

- науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, вып. 12. – С. 3975–3980. – DOI: 10.30853/phil20210644.
14. Шидловская, Д. Ю. Анализ английских глагольных фразеологических единиц с ядерным компонентом – глаголом движения в воде в когнитивном аспекте / Д. Ю. Шидловская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, вып. 2. – С. 458–464. – DOI: 10.30853/phil210037.
15. Чернышова, А. И. Английская причастная конструкция условия *if untreated*: интеллектуальный VS антропогенный перевод / А. И. Чернышова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18, вып. 2. – С. 804–810. – DOI: 10.30853/phil20250114.

Kuznetsova Yu. G.

Lexical Features of English Verbs

This article describes the lexical organization of English verbs, manifested in polysemy, combinability, and stable particle constructions. Its relevance stems from the expansion of corpus research and the need to describe the semantic shifts of verb units in modern communication. Its novelty lies in integrating observations on polysemy, verb-particle constructions, and analytical models such as «get» + «participle II» into a unified system of descriptive parameters. The paper describes types of polysemy using the verb «find» and compares controlled and uncontrolled detection situations. Corpus data on phrasal verbs with «on/off» satellites and models with «down» are examined, and cases of idiomatization are considered. A separate section is devoted to the translation difficulties of phrasal verbs in fiction and the mechanisms for concretizing spoken verbs. The aim of the article is to identify a set of lexical features that shape the semantic structure of the English verb in speech. To address this problem, an analysis of scientific publications from 2021–2025, comparison, and interpretation of examples from corpora and translations were used. The final section contains a systematization of the results and the directions for describing the verbal vocabulary. This material is intended for researchers of Germanic languages, English teachers, and translators.

Key words: English verb, lexical semantics, polysemy, collocation, valency, phrasal verb, postsyllable, idiom, corpus analysis, «get» construction

Налобина Анастасия Павловна,
аспирант 3 курса,
научная специальность
«Языки народов зарубежных стран»
ФГБОУ ВО «ИГУ»
i-nasy@yandex.ru

Образный компонент концепта *sustainable fashion* в англоязычном медиадискурсе

*Исследование посвящено анализу образного компонента лингвокультурного концепта *sustainable fashion* в современном англоязычном медиадискурсе. Целью исследования является выявление когнитивных механизмов, с помощью которых абстрактные ценности устойчивого развития вербализуются через образные модели и метафорические структуры. Основное внимание уделено антропоморфной метафорической модели «жизненный цикл модного объекта», которая концептуализирует одежду как живую сущность, способную «рождаться», «жить», «умирать» и, что принципиально, «возрождаться». В работе показано, как через образную репрезентацию ремонта, повторного использования и винтажной эстетики формируется новая ментальная модель осознанного потребления, в которой экологическая ответственность сочетается с индивидуальным стилем. Исследование выполнено в рамках когнитивно-дискурсивного подхода и опирается на корпус из 300 медиатекстов. Результаты работы имеют значение для теории лингвокультурных концептов, когнитивной лингвистики и прикладных исследований в области устойчивой коммуникации.*

Ключевые слова: *sustainable fashion*, лингвокультурный концепт, образный компонент, когнитивная метафора, антропоморфизм, жизненный цикл, медиадискурс, устойчивое развитие

Введение. Современные социокультурные трансформации, вызванные глобальным экологическим кризисом, находят отражение в языке как в важнейшем инструменте осмысления и конструирования реальности. Одним из ярких примеров такой трансформации является концепт *sustainable fashion* («устойчивая мода»), который за последние два десятилетия превратился из нишевой идеи в значимый элемент глобального медиадискурса. Данный концепт представляет собой сложную ментальную структуру, объединяющую экологические, социально-этические и экономические смыслы, и функционирует как регулятив поведения, направленный на формирование осознанного потребительского отношения.

Как отмечает В. И. Карасик, лингвокультурный концепт обладает трехкомпонентной структурой, включающей понятийную, образную и ценностную составляющие [8]. Если понятийный и ценностный аспекты концепта *sustainable fashion* уже получили определенное освещение в научной литературе [6; 12; 15], то его образная сторона остается недостаточно изученной. Между тем именно образная составляющая играет ключевую роль в популяризации и эмоциональной привлекательности изучаемого концепта,

делая его не просто абстрактной идеей, а осязаемым и желанным образом жизни. По мнению Л. Н. Синельниковой, «<...> расширение семантики слова, приобретение дополнительной коннотации (как мелиоративной, так и пейоративной) происходят в коммуникативных действиях, фиксирующих последовательность развития значений и формирование речевых сознаний» [16, с. 5].

Проблема устойчивого развития стала одной из центральных в глобальной повестке XXI века, затрагивая не только экологическую и экономическую сферы, но и культуру потребления, включая индустрию моды. Современный медиадискурс все чаще акцентирует внимание на деструктивных последствиях «быстрой моды» (*fast fashion*): массовом производстве, коротком жизненном цикле одежды, эксплуатации труда и загрязнении окружающей среды. На этом фоне формируется альтернативный дискурс – *sustainable fashion* («устойчивая мода»), который выступает не просто как модный тренд, а как комплексный социокультурный феномен, интегрирующий экологическую ответственность, этические нормы и новую модель осознанного потребления.

В условиях трансформации ценностных ориентиров общества особенно значимым становится исследование лингвокультурного концепта *sustainable fashion*, поскольку именно через язык происходит осмысление, вербализация и трансляция новых смыслов. Образная составляющая данного концепта – компонент, отвечающий за эмоциональную, перцептивную и эстетическую репрезентацию абстрактных идей – играет ключевую роль в популяризации устойчивых практик и формировании новой ментальной модели потребителя.

Анализ образной составляющей концепта *sustainable fashion* в англоязычном медиадискурсе позволяет не только реконструировать когнитивные механизмы вербализации экологической ответственности, но и выявить стратегии языкового воздействия, направленные на изменение поведенческих установок. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью понимания того, как язык участвует в конструировании новой аксиологической парадигмы, в которой мода перестает быть символом одноразовости и становится инструментом устойчивого будущего.

Степень разработанности проблемы. Проблематика феномена моды в лингвистике изучается в нескольких ракурсах: концептуальном, дискурсивном и аксиологическом. В рамках лингвоконцептологии мода рассматривается как лингвокультурный концепт, отражающий систему ценностей и когнитивных признаков (А. Р. Хунагова, Т. Н. Нагорских, О. В. Тоцкая). Дискурсивный подход позволяет анализировать моду как гибридный институциональный медиадискурс, включающий глянцево-журналы, блоги, интервью и рекламные тексты [2; 4; 7].

В последние годы отдельное внимание уделяется экологически маркированным аспектам моды, таким как *sustainable fashion*, *ethical fashion* и *slow fashion*. Однако, несмотря на наличие исследований в области экологической лингвистики и устойчивого развития [6; 12; 15], комплексный когнитивно-дискурсивный анализ концепта *sustainable fashion* как лингвокультурного образования до сих пор не проводился. Особенно недостаточно изучен образный компонент концепта. В то время как понятийный и ценностный уровни получили определенное освещение, образный компонент – ключевой элемент эмоциональной и эстетической

апелляции – остается «белым пятном» в научной литературе. Между тем именно через образы осуществляется мост между абстрактной идеей устойчивого развития и личным, сенсорным опытом потребителя.

Целью исследования является выявление когнитивных механизмов, с помощью которых абстрактные ценности устойчивого развития вербализуются через образные модели и метафорические структуры.

Научная новизна заключается в следующем:

1. Впервые в рамках лингвокультурологии проведен системный анализ образной составляющей концепта *sustainable fashion*, что позволяет расширить представление о структуре данного концепта как трехкомпонентного образования (понятийный – образный – ценностный).

2. Выявлена и описана ведущая когнитивная метафорическая модель – «жизненный цикл модного объекта», в которой одежда концептуализируется как живая сущность, способная «рождаться», «жить», «умирать» и, что принципиально, «возрождаться».

3. Впервые показано, как через образную репрезентацию таких практик, как ремонт, повторное использование и винтаж формируется новая ментальная модель потребления, сочетающая экологическую ответственность с эстетикой и индивидуальным стилем.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что ее результаты вносят вклад в развитие теории лингвокультурного концепта, расширяя понимание роли образной составляющей в формировании и трансляции новых социокультурных смыслов. Исследование углубляет знания в области когнитивной лингвистики, демонстрируя механизмы метафорической концептуализации абстрактных идей устойчивого развития [1]. Кроме того, работа пополняет корпус исследований в сфере лингвистики медиадискурса, раскрывая специфику репрезентации экологических нарративов в современных англоязычных СМИ [4; 5; 7; 13].

Методы. В исследовании применяются следующие методы:

1) компонентный анализ – для выделения когнитивных признаков, составляющих образную структуру концепта;

2) метод сплошной выборки – для сбора репрезентативного корпуса эмпирического материала из англоязычных медиатекстов;

3) метод классификации и систематизации – для структурирования выявленных языковых средств и образных паттернов.

Методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых в области когнитивной лингвистики [1], лингвокультурологии [3; 8; 9] и дискурс-анализа [4; 7]. Теоретико-методологический аппарат дополняется концепцией концептуальной интеграции (Ж. Фоконье, М. Тернер) и подходами к анализу аксиологических и образных компонентов концептов в современной лингвистике.

Результаты исследования. Образная составляющая концепта, по определению В. И. Карасика, представляет собой «воспринимаемые нашими ощущениями и чувствами характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти» [8, с. 75]. С. Г. Воркачев подчеркивает ее инструментальную роль, отмечая, что образ выступает «средством выражения понятийного содержания» и обладает собственной знаковостью [3, с. 54–55].

При анализе абстрактных социокультурных концептов, таких как *sustainable fashion*, ключевым инструментом выявления их образного компонента становится теория концептуальной метафоры, разработанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Согласно этой теории, метафора – это не просто стилистический прием, а фундаментальный когнитивный механизм, позволяющий «интерпретировать неизвестное через известное». Через метафору человек устанавливает «связи между различными концептами», что и обуславливает ее высокий интерпретационный потенциал [1, с. 314].

В рамках данного исследования мы исходим из того, что образный компонент концепта *sustainable fashion* репрезентируется преимущественно через систему когнитивных метафор, которые структурируют абстрактные идеи устойчивости, циркулярности и долговечности в терминах более конкретных и телесно-опытных сфер [10]. Анализ корпуса медиатекстов позволяет утверждать, что центральной и доминирующей метафорической моделью в репрезентации концепта *sustainable fashion* является антропоморфная модель «жизненный цикл модного объекта». В этой модели одежда и другие предметы моды концептуализируются как живые существа, проходящие через стандартные стадии жизненного пути: рождение, жизнь, упадок и смерть.

Эта модель прямо вербализуется в медиатекстах, ср.: «**The garment life cycle** – imagine that every garment is conceived, born, lives and eventually dies» (<https://www.whyienjoy.com/how-long-should-you-keep-clothes/>), поэтому подобная концептуализация позволяет перенести опыт, связанный с жизнью человека, на неодушевленный предмет, наделяя его качествами, которые традиционно атрибутируются живым существам. Этап «рождения» и «жизни» предмета моды метафорически связывается с его производством и периодом активного использования. Однако ключевое различие между линейной моделью «быстрой моды» (*fast fashion*) и циркулярной моделью «устойчивой моды» заключается в отношении к финальной стадии жизненного цикла. В дискурсе быстрой моды жизненный цикл одежды является линейным и заканчивается «смертью» – утилизацией на свалке или сжиганием. Напротив, концепт *sustainable fashion* предлагает альтернативную, циклическую модель, в которой «смерть» не является концом, а становится преддверием «возрождения».

Этап «возрождения» является наиболее значимым в образной структуре концепта [11] и реализуется через систему глаголов с приставкой *re-*, которые метафорически интерпретируются как акты возвращения к жизни: *revive* («воскресить»), *relove* («полюбить заново»), *rejuvenate* («омолодить»), *rethink* («переосмыслить») и *refashion* («переделать»). Языковые примеры из корпуса наглядно демонстрируют представленную метафору. Ср.: «**But mending** is also an opportunity to make your clothes better than new. Visible **mending** allows you to be creative and celebrate the life of your clothes» (<https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2018/feb/10/shop-less-mend-more-making-more-sustainable-fashion-choices>); «It seemed like a great idea to provide a service for people that would allow them to **relove** their clothes» (<https://www.theguardian.com/fashion/2020/sep/16/fashion-hacks-10-ways-to-bring-new-life-to-your-wardrobe-without-shopping>). В представленных примерах ремонт (*mending*) перестает быть просто практическим действием и превращается

в акт уважения и торжества жизни вещи. Понятие *relove* («заново полюбить») особенно показательно, так как вербализует смену отношения потребителя от пассивного использования к активной эмоциональной привязанности к предмету гардероба.

Особое место в образной составляющей концепта занимает репрезентация винтажной (*vintage*) и бывшей в употреблении (*secondhand*, *pre-loved*) одежды. Традиционно в системе английского языка номинация *secondhand* ассоциировалась с низким качеством и социальной маргинальностью, ср.: «Click, clic ... boom! How **secondhand clothes** shopping turned very sour» (<https://www.theguardian.com/fashion/2024/dec/22/click-clic-boom-how-secondhand-clothes-shopping-turned-very-sour>). Однако в дискурсе устойчивой моды происходит полная переоценка образа: винтажная одежда концептуализируется не как устаревший хлам, а как «вместилище времени», несущее в себе «материальные и нематериальные следы прошлого – от физических потертостей до символических значений, таких как память, идентичность и историческая преемственность» [14, с. 64].

Подобная трансформация образа сопровождается и лингвистической: негативно окрашенное *secondhand* заменяется на мелиоративные эвфемизмы *pre-loved* («любимая до меня») и *pre-owned* («ранее принадлежавшая»), которые создают положительную эмоциональную коннотацию. В медиатекстах утверждается: «**Secondhand** fashion is rarely second best; Sometimes it looks far better» (<https://www.theguardian.com/fashion/2025/jan/31/secondhand-fashion-is-rarely-second-best-sometimes-it-looks-far-better>); «Not just as good, but actually better; **Pre-loved** isn't just a better option because it is more sustainable and more affordable» (<https://www.theguardian.com/fashion/2025/jan/31/secondhand-fashion-is-rarely-second-best-sometimes-it-looks-far-better>).

Образ винтажной вещи становится образом «вечной эстетики» и «неподвластной времени элегантности». Как отмечает А. А. Размахнина, современные любители винтажа формируют «анахроничный гардероб, который существует вне традиционного временного шага моды и устойчив к ее циклическим изменениям» [14, с. 72], поэтому этот образ напрямую противопоставляется образу быстрой, преходящей и одноразовой моды. Еще одним важным элементом образного компонента является концептуализация ремонта одежды: в традиционной модели потребления ремонт являлся маркером бедности или вынужденной экономии. В новой парадигме он превращается в символ сопротивления культуре одноразовости и становится «революционным актом», ср.: «In an age of throwaway fashion, repairing our clothes is a **revolutionary act**» (<https://www.theguardian.com/fashion/2025/apr/24/fashion-statement-fashion-revolution-mending-clothes-upcycling>).

В заголовках статей прямо провозглашается новый статус ремонта, ср.: «'Repair is the new **cool**': how Amsterdam started a fashion revolution» (<https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2023/oct/11/repair-is-the-new-cool-how-amsterdam-started-a-fashion-revolution>), поэтому акт починки не просто практичен, но и моден (*cool*), а значит, социально одобряем и престижен. Метафора «возвращения к жизни» в этом контексте приобретает дополнительное измерение: ремонт – это не просто восстановление функциональности, а акт «реанимации» объекта, который, по логике

линейного потребления, уже должен был быть выброшен. Появление таких новаций, как «индекс ремонтпригодности» (*repairability index*) и «премия за ремонт» (*repair bonus*) во Франции (<https://www.theguardian.com/environment/2023/jul/12/stitch-in-time-france-to-help-pay-for-clothes-to-be-mended-to-cut-waste>) институционализирует этот образ, переводя его из сферы личного выбора в сферу государственной политики.

Выводы и перспективы развития поставленной проблемы.

Проведенное исследование показывает, что образный компонент концепта *sustainable fashion* в англоязычном медиадискурсе представляет собой сложную и целостную систему, центральным элементом которой является антропоморфная метафорическая модель «жизненный цикл модного объекта». Представленная модель позволяет интерпретировать абстрактные принципы устойчивого развития – долговечность, ремонтпригодность, повторное использование – через призму человеческого жизненного опыта, делая их эмоционально насыщенными и понятными для широкой аудитории.

Через образы «возрождения» (*revive, relove*), «хранителей времени» (винтаж) и «революционного акта» (ремонт) медиадискурс конструирует новую ментальную модель потребления, в которой экологическая ответственность не воспринимается как аскетическая жертва, а позиционируется как привлекательный, стильный и осознанный выбор, способный приносить эстетическое и эмоциональное удовлетворение. Таким образом, образная составляющая выступает неотъемлемым инструментом прагматического воздействия, направленного на трансформацию ценностных ориентиров и поведенческих установок современного потребителя.

Научная значимость исследования состоит в том, что исследование вносит вклад в теорию лингвокультурного концепта и когнитивную лингвистику, впервые системно выявив и описав образную составляющую концепта *sustainable fashion* через доминирующую антропоморфную метафорическую модель «жизненный цикл модного объекта». *Практическая значимость* исследования кроется в возможности применения его результатов в преподавании лингвистических дисциплин, разработке экологической коммуникации, устойчивого маркетинга и методик формирования экологической грамотности через анализ медиатекстов.

Перспективами исследования являются сопоставительный межъязыковой анализ, экспериментальное изучение восприятия метафор, расширение корпуса за счет мультимодальных цифровых текстов и интеграцию результатов в развитие иноязычных коммуникативных компетенций в контексте устойчивого развития.

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. – 2-е изд. – Москва : ЯСК, 2019. – 480 с. – EDN: OXLIYG.
2. Бублик, Е. В. Эффективность речевых тактик в рекламных текстах у fashion-блогеров / Е. В. Бублик // Динамика медиасистем. – 2025. – Т. 5, № 1. – С. 615–625. – EDN: CXQPBV.

3. **Воркачев, С. Г.** Семиотика лингвокультурного концепта и терминосистема лингвокультурной концептологии / С. Г. Воркачев // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2014. – № 12. – С. 50–69. – EDN: SPHEQT.
4. **Гапутина, В. А.** Медиадискурс моды: процессы, феномены, эффекты / В. А. Гапутина. – Москва : РИОР, 2021. – 160 с. – EDN: VYVOCX.
5. **Гапутина, В. А.** Способы репрезентации эксплицитной оценки в медиадискурсе моды (на материале телевизионных программ о моде) / В. А. Гапутина // Русский язык за рубежом. – 2018. – № 3(268). – С. 79–85.
6. **Ерпилова, Е. И.** Концепция веганской моды: новые единицы номинации / Е. И. Ерпилова // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2024. – Вып. 2(53). – С. 102–116.
7. **Камышникова, Д. А.** Специфика и особенности медиадискурса модной индустрии / Д. А. Камышникова // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2022. – № 3. – С. 308–312. – EDN: ENIOOA.
8. **Карасик, В. И.** Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Воронежский межрегион. ин-т общественных наук [и др. ; науч. ред. И. А. Стернин]. – Воронеж, 2001. – С. 75–80. – EDN: WGNDZZ.
9. **Карасик, В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Научное изд-во ВГСПУ «Перемена», 2002. – 477 с. – EDN: UGQAMP.
10. **Лобанова, Т. Н.** Терминология индустрии моды и языковые средства экспрессии в современном русском, китайском и английском языках / Т. Н. Лобанова, А. А. Бадретдинова, А. М. Дубяга // Филология: научные исследования. – 2025. – № 7. – С. 93–107. – EDN: IXBTL.
11. **Ломоносова, Ю. Е.** Образный компонент в структуре концепта (на материале французского языка) / Ю. Е. Ломоносова, Н. Н. Копытина, А. Ю. Щербинин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, № 4. – С. 95–99. – EDN: ZDGHKP.
12. **Налобина, А. П.** Ценностные смыслы концепта sustainable fashion и их репрезентация в современном англоязычном медиадискурсе / А. П. Налобина // Современный ученый. – 2025. – № 10. – С. 77–82. – EDN: EQSLNT.
13. **Налобина, А. П.** Концепты времени и моды: языковые репрезентации в медиадискурсе / А. П. Налобина // Успехи гуманитарных наук. – 2025. – № 5. – С. 65–70. – EDN: ALLVMD.
14. **Размахнина, А. А.** Время винтажной моды: вопросы темпоральности и памяти / А. А. Размахнина // Артикульт. – 2024. – № 3(55). – С. 62–73. – DOI: 10.28995/2227-6165-2024-3-62-73.
15. **Семенова, Т. И.** Ценностное измерение концепта SUSTAINABLE FASHION и его объективация в англоязычном медиадискурсе / Т. И. Семенова, А. П. Налобина // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2025. – № 3(46). – С. 195–207. – DOI: 10.51955/2312-1327_2025_3_195. – EDN: NBWCBR.
16. **Синельникова, Л. Н.** Юбилейный дискурс: синергия объединения пространства и времени / Л. Н. Синельникова // Вестник Луганского

Nalobina A. P.

The Imagery Component of the Concept of *Sustainable Fashion* in English-Language Media Discourse

The study is devoted to analyzing the imagery component of the linguocultural concept of Sustainable Fashion in contemporary English-language media discourse. The aim of the research is to identify the cognitive mechanisms through which abstract values of sustainable development are verbalized via imagery models and metaphorical structures. Particular attention is paid to the anthropomorphic metaphorical model of the “life cycle of a fashion object,” which conceptualizes clothing as a living entity capable of “being born,” “living,” “dying,” and – crucially – “being reborn.” The study demonstrates how imagery representations of repair, reuse, and vintage aesthetics contribute to forming a new mental model of conscious consumption, in which environmental responsibility is intertwined with individual style. The research is conducted within the cognitive-discursive approach and draws on a corpus of 300 media texts. The findings are relevant to the theory of linguocultural concepts, cognitive linguistics, and applied studies in sustainable communication.

Key words: *Sustainable Fashion, linguocultural concept, imagery component, cognitive metaphor, anthropomorphism, life cycle, media discourse, sustainable development*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белютин Роман Вячеславович, заведующий кафедрой немецкого языка ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», доктор филологических наук, доцент, г. Смоленск

Болотская Маргарита Павловна, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», кандидат педагогических наук, доцент, г. Пенза

Бухонкина Анна Сергеевна, доцент кафедры гуманитарных дисциплин ГОБУК ВО «Волгоградский государственный институт искусств и культуры», кандидат филологических наук, доцент, г. Волгоград

Веремеенко Мадина Рысбаевна, аспирант 1 курса, научная специальность 5.9.1. «Русская литература и литература народов Российской Федерации» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым

Волков Валерий Вячеславович, профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», доктор филологических наук, профессор, г. Тверь

Волкова Наталья Васильевна, доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», кандидат филологических наук, доцент, г. Тверь

Давидкова Елизавета Павловна, ассистент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, ЛНР

Дворцова Александра Николаевна, доцент кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», кандидат педагогических наук, г. Луганск, ЛНР

Елисеев Сергей Леонидович, старший преподаватель кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, ЛНР

Жулева Мария Игоревна, преподаватель кафедры русского языка и методики преподавания русского языка ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург

Кудинова Таисия Анатольевна, профессор кафедры педагогики с курсом духовных основ медицинской деятельности ФГБОУ ВО «Ростовский государственный медицинский университет Минздрава России», доктор филологических наук, доцент, г. Ростов-на-Дону

Кузнецова Юлия Геннадьевна, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», кандидат филологических наук, г. Москва

Налобина Анастасия Павловна, аспирант 3 курса, научная специальность 5.9.6. «Языки народов зарубежных стран» ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск

Пономарева Татьяна Александровна, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», кандидат филологических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Рябова Мария Владимировна, старший лаборант кафедры «Литература и методика преподавания литературы» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», г. Пенза

Селезнева Кристина Олеговна, старший преподаватель отдельной дисциплины ФГКВУ ВО «Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А. К. Серова», кандидат филологических наук, г. Краснодар

Скляр Наталья Владимировна, заведующий кафедрой романо-германской филологии ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», кандидат филологических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Солодун Илья Александрович, аспирант 2 курса, научная специальность 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, ЛНР

Токарев Григорий Валериевич, заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого», доктор филологических наук, профессор, г. Тула

Шолудченко Инесса Евгеньевна, доцент кафедры педагогики с курсом духовных основ медицинской деятельности ФГБОУ ВО «Ростовский государственный медицинский университет Минздрава России», кандидат педагогических наук, доцент, г. Ростов-на-Дону

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые авторы!

Научные статьи в сборник научных трудов Вестник Луганского государственного педагогического университета принимаются в течение года и, в случае положительного решения редколлегии, включаются в рукопись одного из очередных номеров журнала **в порядке поступления**.

В настоящее время издаются:

Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия «Педагогические науки. Образование»

Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки»

К публикации принимаются только **оригинальные высококачественные научные работы** (не менее 75 % по результатам проверки в системе обнаружения текстовых заимствований «Антиплагиат»).

Публикация научных материалов осуществляется при условии предоставления авторами следующих документов:

- 1. Авторская заявка / согласие на публикацию авторских материалов.**
- 2. Текст научной статьи.**
- 3. Сведения о проверке статьи на наличие заимствований в системе «Антиплагиат».**

Заявка и научная статья или другие авторские материалы направляются редактору серии в электронном виде. Электронный вариант статьи предоставляется вложением в электронную заявку. Названия предоставляемых файлов должны соответствовать фамилии автора(-ов) и названию документов.

В случае несоответствия материалов требованиям и (или) в случае отрицательной внутренней рецензии (редколлегия проводит двойное слепое рецензирование каждой статьи) редакция оставляет за собой право не публиковать статью!

Правила оформления научных статей и других авторских материалов, принятых к изданию в Вестнике ЛГПУ

К рассмотрению принимаются ранее неопубликованные рукописи, выполненные в строгом соответствии с техническими требованиями к оформлению авторских материалов. Текстовые принципы построения научной статьи могут варьироваться в зависимости от тематики и особенностей проводимого исследования. Материалы, не отвечающие основным предъявляемым требованиям, к рассмотрению не принимаются. Рукописи статей, сопроводительные документы как опубликованных, так и отклоненных авторских материалов авторам не возвращаются. Рукописи, предлагаемые к публикации, проходят обязательное рецензирование.

Технические требования к оформлению текста:

Материал для опубликования предоставляется в текстовом редакторе Microsoft Word. **Объём статьи – 10–16 страниц** (до 40 тыс. печатных знаков с пробелами), включая аннотацию, иллюстративный и графический материал, список литературы.

Формат страницы – А4. Книжная ориентация.

Поля: левое – 3 см, верхнее – 2 см, правое – 1,5 см, нижнее – 2 см.

Гарнитура: Times New Roman; цвет текста – чёрный; **шрифт** – кегль 14 пт; интервал – 1,5; выравнивание текста – по ширине.

Абзац выделяется красной строкой, отступ – 1,25.

Текст печатается без переносов, соблюдается постановка знаков дефиса (-) и тире (–), а также типографских кавычек (« »), в случае использования двойных кавычек внешними являются кавычки «елочки» (« »), внутренними – «лапки» („ „). Выравнивание отступа с помощью табуляции и пропусков не допускается. Уплотнение интервалов, набор заголовка в режиме Caps Lock, использование макросов и стилевых оформлений Microsoft Word запрещено.

В тексте статьи **ссылки на литературные источники** нумеруются в квадратных скобках, где первый номер указывает на источник в списке литературы, последующие – на страницы источника или другие источники, в таком случае номера источников отбиваются знаком (;).

Например: [3, с. 65]; [4]; [2, т. 3, с. 41–44]; [1, с. 65; 3, с. 341–351]. Размещение в тексте прямых цитат без сносок не допускается. Сноски вниз страницы не выносятся.

При написании фамилий и инициалов используется следующее правило: инициалы печатаются через точку с неразрывным пробелом, инициалы от фамилии отбиваются неразрывным пробелом (Ctrl + Shift + «пробел»). Например, М. А. Крутовой. Согласно стилю оформления научной публикации, сначала указываются инициалы ученого, а затем его фамилия.

Иллюстративный материал должен быть подготовлен для черно-белой печати и размещаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения.

Не допускается выход рисунков за границы текста на поля. Все рисунки должны обеспечивать простое масштабирование с сохранением взаимного расположения всех элементов и внутренних надписей. Не допускается составление рисунка из разрозненных элементов. Не рекомендуются к использованию рисунки, имеющие залитые цветом области.

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунков следует сохранять в форматах jpg, tif.

Таблицы следует создавать в текстовом редакторе Microsoft Word, располагая их в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи необходимо давать ссылку на конкретную таблицу, например, (Табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. В таблицах допускается использование меньшего кегля, но не менее 10.

Требования к оформлению статей

1. Индекс УДК (универсальной десятичной классификации публикуемых материалов) выставляется без абзаца.

2. Фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, звание, должность автора(-ов), название учебного учреждения или научной

организации, в которой выполняется диссертационное исследование, электронный адрес автора(-ов).

3. Заголовок статьи должен быть информативным и содержать только общепринятые сокращения; набираться строчными буквами, жирным шрифтом, без разбиения слов переносами, с выравниванием строки по центру, без абзацного отступа, без точки в конце.

4. Аннотация. Описывает цели и задачи проводимого исследования, а также возможности его практического применения. Аннотация на русском языке помещается в начале статьи, на английском – в конце. Аннотация должна быть написана от третьего лица и содержать краткую характеристику статьи. Рекомендуемый объем аннотации – 60–100 слов. Англоязычная аннотация должна выполняться на профессиональном английском языке.

5. Ключевые слова (6–9 слов / словосочетаний) определяют предметную область научной статьи на русском (располагаются после аннотации на русском языке) и английском языках (размещаются после аннотации на английском языке). В перечне ключевых слов должны быть представлены общенаучные или профильные термины, упорядоченные от наиболее общих к более конкретным.

6. Вводная часть статьи: постановка проблемы, актуальность, степень разработанности, цель статьи, представление новизны, теоретической и практической значимости излагаемых материалов.

7. Данные о методах и методологии проводимого исследования.

8. Основная часть статьи: анализ, обобщение и описание данных обозначенной научной проблемы. По объему занимает центральное место в статье.

9. Выводы отражают научную и практическую значимость результатов исследования, представленных в статье.

10. Библиографическая информация приводится после заключительной части статьи в алфавитном порядке. Заголовок «**Список литературы**» набирается строчными буквами, с выравниванием строки по центру, без абзацного отступа, без точки в конце, ниже с выравниванием по ширине приводится нумерованный список литературы.

Библиографическая информация должна быть современной (по общепринятым нормам – **не старше 5 лет**, если материал не содержит исторические сведения), авторитетной и исчерпывающей. Настоятельно рекомендуем отдавать предпочтение современным отечественным источникам на русском языке, входящим в «**Белый список**». Рекомендовано использовать **10–20** источников.

В список литературы включаются научно-исследовательские работы (опубликованные научные статьи, монографии, авторефераты и диссертации) с указанием DOI статьи (при наличии), EDN статьи или URL (статьи) национального архива eLIBRARY.RU для всех источников.

Пример:

DOI: <http://doi.org/10.15350/2409-7616.2020.2.38>;

EDN: BABHDP;

URL: <https://www.elibrary.ru/VDWITG>.

Рекомендовано при написании статей опираться и ссылаться на результаты исследований, опубликованных в сборнике научных

трудов «Вестник Луганского государственного педагогического университета».

Не включаются в список литературы: архивные материалы, материалы конференций, учебники, учебные пособия; нормативные и законодательные акты (постановления, законы, инструкции и т. д.); словари, энциклопедии, другие справочники; доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; ссылки на интернет-сайты. В тексте не должно быть гиперссылок! Гиперссылки допустимы только для DOI или URL.

Запрещено осуществлять (производить) ссылки и распространять информационные материалы иностранной или международной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации, либо нарушение запретов, установленных Федеральным законом от 28 декабря 2012 года №272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», производить или хранить такие материалы (в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет») в целях распространения.

Запрещено осуществлять (производить) ссылки и распространять информационные материалы организаций и физических лиц, которые включены Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов.

Запрещено осуществлять (производить) ссылки и распространять информационные материалы, которые включены Министерством юстиции Российской Федерации в федеральный список экстремистских материалов.

Запрещено осуществлять (производить) ссылки и распространять информационные материалы организаций и физических лиц, которые включены Федеральной службой по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) в реестр организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

Источники на иностранных языках не переводятся, а оформляются в оригинальном виде (согласно ГОСТу).

Фамилии и инициалы авторов набираются жирным шрифтом, библиографическое описание источника – обычным.

11. В конце статьи после «Списка литературы» указываются **на английском языке:** ФИО автора; ученая степень; ученое звание; название учебного учреждения/организации; электронный адрес; название статьи; аннотация и ключевые слова, соответствующие русскоязычному оригиналу.

*Редакция Вестника
Луганского государственного
педагогического университета*

СХЕМА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

Фамилия Имя Отчество,
д-р пед. наук, профессор, заведующий кафедрой психологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
электронный адрес

Название статьи

Аннотация на русском языке, отражающая основное содержание статьи. Рекомендуемый объем аннотации – 60–100 слов.

Ключевые слова: 6–9 слов / словосочетаний, определяющих предметную область научной статьи.

Финансирование (при наличии). Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект № ...«Название проекта».

Благодарность (при наличии).

Текст статьи.

1. Вводная часть: постановка проблемы, актуальность, степень разработанности, цель, представление новизны, теоретической и практической значимости излагаемых в статье материалов.

2. Данные о методах и методологии проводимого исследования.

3. Основная часть: анализ, обобщение и описание данных исследования обозначенной научной проблемы.

4. Выводы, отражающие научную и практическую значимость результатов исследования, представленных в статье.

Список литературы

1. Морозова, А. В. Квалиметрико-компетентностное управление отбором социальных объектов в системе «наукоемкое производство – вуз» : монография / А. В. Морозова, А. В. Киричек. – Москва : Спектр, 2022. – 320 с. – DOI 10.14489/4442-0089-6.

2. Ульченко, Ю. В. Профессиональная подготовка специалистов для документационного обеспечения деятельности судов общей юрисдикции в Луганской Народной Республике / Ю. В. Ульченко, А. С. Тагиев // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия Педагогические науки. Образование. – 2025. – № 3(128). – С. 111–118. – URL: <https://elibrary.ru/gecfxe>.

3. Харченко, С. Я. Зарождение идей развивающего обучения в эпоху Древнего Востока и Античности / С. Я. Харченко, С. Н. Гришак, Л. И. Харченко // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия Педагогические науки. Образование. – 2025. – № 3(128). – С. 228–233. – EDN YWTZEE.

Фамилия Имя Отчество на английском языке,
ученая степень, ученое звание на английском языке
Название учебного учреждения, организации на английском языке
электронный адрес

Название статьи на английском языке

Аннотация на английском языке, соответствующая русскоязычному оригиналу.

Ключевые слова: на английском языке в соответствии с русскоязычным оригиналом.

Финансирование (при наличии) на английском языке в соответствии с русскоязычным оригиналом.

Благодарность (при наличии) на английском языке в соответствии с русскоязычным оригиналом.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Коллектив авторов

ВЕСТНИК

**ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Серия «Филологические науки»

Сборник научных трудов

Главный редактор – **Л. Н. Синельникова**

Редактор серии – **А. А. Новикова**

Выпускающий редактор – **Г. Г. Калинина**

Корректор – **О. И. Письменская**

Компьютерная верстка – **Т. А. Ковалева**

Подписано в печать 22.07.2026. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Печать ризографическая. Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 13,32.

Тираж 39 экз. Заказ № 84. Дата выхода 05.08.2026. Свободная цена

Адрес редакции:

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 291011 Тел. : +7 857-258-03-20

Макет издания отпечатан в типографии: ИП Литвинов С.В.

г. Луганск, ул. Героя России Дениса Иванова, д. 40, 291001

Заказ № 22/07/1

ФГБОУ ВО «ЛГПУ»

Издательство ЛГПУ